

Тхиен Ли. **Игра в открытую**: Роман. — М. Воениздат, 1989. — 268 с. /Пер. с вьет. Е. А. Баздырева, А. С. Воронина

Nguân Truông Thiên Ly. Ván Bài Lật Ngủ A. — Nhà Xuant Bàn Tong Họp Hâu Giang, 1985.

В остросюжетном романе рассказывается о деятельности вьетнамских разведчиков в Сайгоне после разгрома французских колонизаторов под Дьенбьенфу, раздела Вьетнама на Северную и Южную зоны и формирования на Юге по указке американцев марионеточного правительства.

Часть первая.

Приемный сын епископа

1

«Максим» на вышке продолжал плевать свинцом. Трескотня его выстрелов, раздаваясь с высоты, звучала высокомерно и заглушала резкие и сухие щелчки сотен винтовок, очереди автоматов и ручных пулеметов. В темноте его пули прочерчивали красноватую пунктирную линию, и эта линия отрезала центральную часть поста от внешнего кольца, уже захваченного бойцами батальона. Время от времени с вышки в темноту, распуская яркие огненные хвосты, летели реактивные гранаты. И тогда ухали взрывы.

Луан посмотрел на наручные часы — час двадцать пять ночи. Бой длится уже больше часа. Задача его батальона, 420-го батальона регулярных сил, — уничтожить пост Биента. Это является частью операции по освобождению сектора Фунгхьеп. Пост Биента, обеспечивающий оборону пяти уездных центров, — один из наиболее мощных ротных опорных пунктов. Территориально пост разделен на три группы вышек по периферии и каменный дот в центре. Евро-африканский взвод обосновался на главном направлении, три взвода БВН¹ — на вышках. Но батальон не может вплотную заняться «евро-африканцами» из-за проклятого «максима».

Шлепая ногами по грязи, пронесли носилки с раненым санитары. Хотя сухой сезон начался давно, с месяц назад, даже больше, земля вокруг поста Биента, расположенного в низине, была раскисшей. Каждый раз, когда Луану на глаза попадались носилки, его обжигало с ног до головы так, будто он упал на кучу красных муравьев.

Стрельба вокруг, похоже, затихла. Это означало, что партизаны покончили с десятками изолированных постов и блокгаузов. А 420-й батальон до сих пор копается с Биента.

Луан украдкой взглянул на Ву Тхыонга — вспышки выстрелов на мгновение высветили лицо комиссара с выдающейся вперед челюстью. Сегодня на командном пункте присутствовал и более высокий начальник — Лыу Кхань. Он занимал должность заместителя командира сводного полка и был специальным представителем командования зоны.

Лыу Кхань сидел на корточках за земляным бруствером, от которого несло запахом ила. Над его головой тяжело поворачивались рога панорамы; пощелкивали колесики настройки. У него был квадратный, тщательно выбритый подбородок, лишь от мочек ушей вниз шли узкие бакенбарды. Про строгость Лыу Кханя бойцы рассказывали

легенды: улыбался он лишь уголками губ, на слова был скуп настолько, что его речь сводилась к коротким репликам — «да», «нет», «ладно», «вот как», «внимание».

— Эй, Шау! — вынужден был повысить голос Луан.

— В чем дело? — резко отозвался Лыу Кхань, не спуская глаз с вышки.

— Разрешите мне... — Луан тоже не отличался многословием.

— Что?

— Заставить замолчать пулемет.

— А сумеешь?

— Сумею.

Лыу Кхань позвал:

— Ша, где ты?

От изгороди отделилась фигура подростка лет пятнадцати.

— Я здесь!

— Иди вместе с Луаном вдоль забора, встретишь Ута, заместителя комбата...

— Есть!

— В отверстие в заборе не проходи!

— Есть!

— Запомнил?

— Да.

— Ну иди.

Связист Куен, юноша ростом со школьника, воспользовался свободной минуткой, чтобы подразнить Ша:

— Похоже, вы с Луаном спелись...

— А ну на место, соблюдайте дисциплину! — скомандовал Лыу Кхань.

— Погодите у меня... — пригрозил Ву Тхыонг.

Луан и Ша ползли по полю. Время от времени раздавался отрывистый выстрел 60-миллиметрового миномета и с шипением пролетала мина. Взрывалась где-то впереди — со свистом разлетались осколки.

Ша прополз несколько метров и оглянулся на Луана.

— Луан!

— В чем дело?

— Я дополз до забора.

— Хорошо.

Ша прибыл в батальон недавно. Обучаясь в лицее «Тиенфонг», он изо всех сил старался попасть в отряд Сопротивления. Дирекция лицея не выдержала напора Ша и направила его в батальон. В первый же день его вызвали к командованию. Командир батальона посмотрел на Ша и решил оставить его при себе связным. Это привело юношу в смятение. Он просился в солдаты не для того, чтобы быть, как ему представлялось, под покровительством комбата.

Выйдя из канцелярии, Ша пошел к месту отдыха бойцов, но и здесь его не оставили сомнения. Надумал написать рапорт зональному руководству. Расспросив окружающих, Ша узнал, что комбата зовут Луан и относится он к разряду твердых и решительных людей.

В момент когда Ша находился во власти переживаний, он получил приказ сопровождать Луана в «командировке».

— Наверняка скажет: «Готовь рис, заваривай чай», — бормотал боец.

Ша знал, к чему обычно сводятся обязанности командирских ординарцев, — они становятся мальчишками на побегушках. И поэтому он нехотя пошел на кухню просить сахару, заварки...

— Нет у меня ничего! — замахал на него руками батальонный хозяйственник. — Такой молодой, а уже требует чаю, — язвительно бросил он вдогонку юноше.

— Да я же не для себя, а для комбата, — повернулся к хозяйственнику Ша.

— Но ведь комбат не пьет чай, что ты мне ерунду несешь! — проворчал хозяйственник. Ша ему не поверил.

Представляя себе поездку комбата как нечто грандиозное, юноша никак не мог предположить, что в путь на лодке пустятся всего лишь трое: Луан, Куен и он сам. Куен был замкомвзвода связи, но, когда его сменяли на ключе рации, он добровольно брался за весла.

Лодка миновала озеро Биенбать, протоку Онгдок. Они решили воспользоваться попутным ветром и вместо паруса укрепили на носу лодки два листа водяного кокоса. Суденьшко набавило ходу. Наступил вечер, когда они пристали к берегу у деревни Шо.

— Куен, вымой рис, а ты, Ша, разведи костер. Дав поручения своим спутникам, Луан взял удочку и принялся ловить рыбу.

Они не пошли к местным жителям, а приготовили ужин прямо на берегу. Луан принес свой улов — целый десяток бананок². Ужин получился обильный.

Ша чувствовал, что начинает испытывать симпатию к комбату. Теперь он верил хозяйственнику: Луан не из тех, кто гоняет чай.

Той же ночью они по каналу прибыли в Дойсьонг.

Через два дня произошло сражение в Даугья. Луан в этом бою командовал ротой, которая за десять минут захватила неприятельский опорный пункт. Во время боя Ша понадобилось собрать всю выдержку, поскольку он везде следовал за комбатом. А огонь был такой плотный, что пули пролетали возле самой головы.

Начиная с того дня Ша принял участие еще в пяти или шести боях. Теперь, когда его спрашивали, нравится ли ему быть связным, молодой человек, сверкнув в улыбке зубами, отвечал:

— Больше всего нравится!

...Приблизившись к забору, Луан вдруг прижался к земле. Ша испуганно окликнул:

— Товарищ Луан, вас не задело?!

Луан не ответил. Через мгновение он был рядом с Ша. Оказывается, он снял с себя рубашку и брюки, оставшись в трусах с кольцом за поясным ремнем. Его небольшое смуглое тело было неразлично в сумраке ночи.

«Максим» продолжал стрелять короткими очередями, каждая очередь — три патрона.

— Здорово стреляет, — заметил Луан.

Заместитель Луана — высокий и сутулый нескладный человек — коротко доложил обстановку: уничтожены три взвода марионеточных войск, уцелевшие захвачены в плен, но что делать с центральной цитаделью, остается неясным.

— Ладно, — коротко сказал Луан.

Он ловко перебрался через дымящийся забор. Ша хотел последовать за ним. По правде говоря, ему не улыбалось лежать вместе с комбатом возле самого забора. Но он не успел.

Луан присел возле двери блокгауза, внутри — десятка два солдат марионеточных войск, руки на затылке. Молча и с каким-то изумлением глядели они на него. Казалось, некоторые из них едва сдерживали смех. Луан не обращал на них никакого внимания: он внимательно вглядывался в силуэт вышки, вырисовывавшейся на фоне звездного неба.

— Дайте мне гранатомет! — скомандовал Луан. Ему быстро передали базуку и несколько гранат.

Он вставил гранату в раструб, поднял оружие, прицелился.

Ша следил за комбатом и одновременно кидал взгляды на пленных, как бы желая сказать: вот какой у меня командир!

— Всем укрыться за стенами!

Отдав приказ, Луан нажал на спуск. Граната взмыла в воздух, похожая на комету. Она упала прямо на крышу вышки. Раздался негромкий взрыв, и пулемет сразу замолчал.

Луан выпустил вторую гранату по дверям дота. Судьба поста Биента была решена.

Несколько пленных — руки так же на затылке — украдкой все-таки выглянули из блокгауза, чтобы посмотреть на объятый пламенем дот. Меткость вьетминьского командира вызвала возгласы восхищения. В то же время глаза у них смеялись. Причину этого веселья Луан понял, лишь когда все его бойцы ворвались на территорию поста. Оказывается, трупы у него свалились, и он стоял перед врагами совершенно голый.

2

Луан и Ву Тхыонг долго сидели над расстеленной на топчане картой. За их спинами томились в ожидании работники штаба и командиры рот. Какое решение примут командиры? Наверняка в порядке координации действий с войсками, ведущими сражение на главном фронте при Дьенбьенфу, командование развернет крупные операции и здесь. 420-му батальону приказано ликвидировать все неприятельские гарнизоны между Фунгхьепом и Кайрангом. Зимне-весенняя кампания в нынешнем году развивается успешнее, чем когда-либо ранее. Все отборные подразделения французов отошли к крупным городам. Часть из них участвует в операции «Атлант»³, часть переброшена на север. В западной части Южного Вьетнама остались главным образом недавно сформированные батальоны марионеточной армии, что создает возможность уничтожения вражеских гарнизонов и освобождения обширных районов.

Пришло время обеда. Уже дважды прозвучал сигнал, но никто не решался отойти от карты.

Предлагая свой вариант, Луан говорил:

— Эта линия укреплений включает шестнадцать постов и блокгаузов. Если мы разгромим пост Нято, вся система обороны противника развалится. Поэтому, думаю, надо постоянно держать Нято под наблюдением, пресекать вылазки противника за его пределы, проводить разведку боем, время от времени предпринимать беспокоящие действия, а затем, посадив наших людей на рыбацкие лодки, внезапно пойти на штурм.

— В этом случае ты, конечно, пойдешь с лодками?

Ву Тхыонг рассмеялся, а следом за ним и остальные. Ша и Куен, сидевшие у печи, на которой остывал обед, переглянулись и тоже засмеялись. Уж очень точно Ву Тхыонг разгадал замысел Луана.

— Тогда... — Луан запнулся, и его замешательство вызвало еще более громкий всеобщий хохот.

— Разрешите доложить! Срочная радиограмма! — Радист поспешно пересек двор и застыл по стойке «смирно».

Ву Тхыонг взял из его рук радиограмму, быстро прочел ее и передал Луану.

— Тебя вызывает командование, — сказал он.

— Не командование, а товарищ Зыонг Куок Тинь⁴, но он приказывает прибыть в расположение товарища 6-У, то есть в Бюро ЦК⁵.

— Наверное, товарищи хотят дать нам какие-то инструкции, — взяв и перечитав радиограмму, сказал Ву Тхыонг.

— Эх, — прищелкнул от огорчения языком Луан. — И это в момент, когда начинаем операцию...

— За сутки доберешься до Бодана. Сделаешь дело и вернешься. А за это время и разведчикам пока нечего будет тебе доложить. Поезжай спокойно, — сказал Ву Тхыонг, складывая карту. — А вы, товарищи политработники, обсудите здесь подробно план операции. Пусть бойцы в ротах отдыхают и набираются сил, а разведчики внимательно следят за обстановкой в порученном им районе. У противника есть еще несколько недавно прошедших обучение батальонов БВН и полк евро-африканцев неполного состава. Так что вам надо учитывать различные варианты развития ситуации. Действуя вблизи дорог, помните об артиллерии. Батарея стопятидесяти миллиметровых орудий недавно усилена тремя стопятидесяти миллиметровыми пушками. Все посты получили минометы. Это вооружение, которое американцы использовали во время войны в Корее, а сейчас в порядке помощи передали французам.

Когда кадровые работники оставили командный пункт, Луан со вздохом обратился к Ву Тхыонгу:

— Боюсь, как бы Лыу Кхань не перебросил четыреста двадцатый для охраны штаб-квартиры Бюро ЦК.

Ву Тхыонг покачал головой:

— Вряд ли. Сейчас идет сосредоточение сил на передовой линии.

— Я возьму с собой все карты. Откуда мы знаем, вдруг они решат передислоцировать четыреста двадцатый.

Луан ушел в приподнятом настроении. Через несколько минут он уже сидел в сампане. Ша и Куан взяли за весла. Сампан отошел от берега и плавно заскользил по воде.

3

Луан крепко, от души, пожал руку товарищу Ты. Вот уже восемь лет, как они не встречались. За эти годы Ты немного пополнил, на лице его остался лихорадочный румянец, но глаза глубоко ввалились, и, главное, он по-прежнему постоянно кашлял.

Увидев кадровых работников, которые сгрудились в соседнем помещении, Луан сообразил, что Ты намерен принять еще по меньшей мере десяток посетителей, И после короткого обмена приветствиями Луан предложил приступить к делу. Разложив на столе карту, Луан взял карандаш и указал направление наступления 420-го.

— Это шоссе Фунгхьеп — Кантхо...

Но Ты остановил Луана: сегодня он пригласил его по другому делу.

Луан замер, и это вызвало смех его собеседника.

— Есть дело поважнее... Прочитай-ка эту телеграмму.

И товарищ Ты протянул Луану совершенно секретную и срочную телеграмму Центрального Комитета партии. В ней говорилось:

ЦК принял решение уничтожить основные силы противника в Дьенбьенфу. Действия остальных фронтов должны в срочном порядке координироваться с этой операцией. После этой победы политическая обстановка может резко измениться.

Луан встретился с Ты в первый и единственный раз до сегодняшнего дня в момент, когда в Южном Вьетнаме начиналась война Сопrotивления.

Опираясь на английские войска, вступившие в страну под предлогом выполнения решения союзников о разоружении японских войск в Южном Индокитае, французы сразу захватили резиденцию Народного комитета Южного Вьетнама, муниципалитет и управление полиции. Японцы скрытно помогали французам. Обстановка в целом складывалась не в пользу революционеров, только что захвативших власть и не успевших сформировать вооруженные силы. Не хватало оружия.

При тусклом свете керосиновой лампы в доме, затерявшемся в рабочем квартале Сайгона, Ты передавал кадровым работникам срочные указания горкома партии. Луан не знал тогда, какой пост занимает Ты. Высокий, стройный, бледнолицый, он время от времени хватался за грудь, сдерживая приступы кашля, раздражавшего легкие, и при этом искренне смеялся. Говорил он не вполне литературным языком, к тому же немного сбивчиво, но зато убедительно. Этот человек своим спокойствием и уверенностью в обстановке, когда со всех сторон доносились выстрелы, произвел на Луана сильное впечатление.

Луан в тот день был преисполнен самого горячего энтузиазма. Он не слишком внимательно прислушивался к анализу обстановки, который излагал Ты.

— По-моему, главное, что сегодня надо, — это оружие. Дайте мне оружие. С оружием мы быстро сами научимся бить врага!

Так категорически поставил вопрос Луан.

Ты смотрел на него, не прекращая улыбаться.

— Дружище! Если бы у нас было оружие, то зачем бы мы сидели здесь и теряли время на дискуссии? «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар» — говорил Архимед. Ты похож на него: дайте мне оружие, и я заставлю Грейси⁶ бежать из Вьетнама сломя голову. Придет твоя очередь, дружище Архимед.

Этот разговор не доставил Луану удовольствия. Однако вскоре он был направлен в Ханой и вернулся на Юг с эшелонем оружия и боеприпасов. Во время следующего рейса эшелон был вынужден остановиться в Куангнгае: дальше дорога была захвачена французами. Тогда Луан начал перевозить оружие на лодках. Он работал в бюро по связи с Югом до 1947 года.

Как недавний выпускник коллежа, Луан был заносчив. Этот недостаток был присущ большинству представителей тогдашней интеллигенции. В студенческие времена он поддерживал узкий круг знакомств. «Знания и только знания — вот единственное, к чему стоит стремиться», — думал он. Поэтому, хотя политическая атмосфера вокруг него бурлила, он продолжал с головой уходить в учебу. Японцы высадились в Индокитае, мировая война и война на Тихом океане приобретали все более ожесточенный характер, а Луан, слыша сообщения об этом, никак на них не реагировал. Он давно хотел стать агрономом и теперь все силы отдавал учебе. Юноша для развлечения читал детективы. Пристрастие к ним у него появилось еще тогда, когда он учился в лицее «Шаслу-Лоба». Из занятий спортом Луан предпочитал теннис и довольно хорошо владел ракеткой.

Выходец из семьи, которую почти по всем критериям можно отнести к высшему обществу, интеллигент, французский гражданин, католик Луан, Робер Нгуен Тхань Луан, как ни странно, любил преодолевать трудности. Здесь не исключена связь с тем, что он младший сын и ему пришлось жить отдельно от родителей с бабушкой в провинции. Поэтому, по сравнению с другими братьями и сестрами, он лучше знал жизнь в сельской местности.

Луан был единственным членом семьи, нога которого никогда не ступала на землю Франции. Выбор им специальности агронома объяснялся просто: бабушка любила заниматься огородничеством. Что же касается сокровенных стремлений, то он мечтал стать частным детективом, но для этой профессии во Вьетнаме не имелось реальной почвы.

Строго говоря, во Франции он не был потому, что ко времени, когда сдал экзамены на бакалавра, дорога во Францию оказалась перерезанной войной.

Получив диплом агронома (церемония выдачи дипломов была столь же рутинна, как и весь французский государственный аппарат в Индокитае), Луан из Ханоя вернулся на Юг.

Именно по дороге домой в поезде, который шел только ночью, а днем стоял, ход мыслей Луана начал меняться.

В вагоне он случайно встретился со своим однокашником Куй, студентом-медиком, с которым он не один год жили вместе в пансионе Индокитайского университета. В свое время студентов потрясло известие в том, что Куй бросил учебу и вслед за Во Нгуен Зианом⁷ ушел в джунгли. Когда Луан приехал в Ханой, Во Нгуен Зиан уже не преподавал в лицее «Тханглонг», учебном заведении с высокой репутацией, но его имя не сходило с уст учащихся, оно произносилось с восхищением.

Куй появился в вагоне только в Долене. Увидев Луана, он немного растерялся. По-видимому, только после долгих размышлений Куй решился на прямой разговор с Луаном.

Действительно, как и говорили, Куй уехал в Туанкуанг, где вместе с другими бывшими лицеистами закончил курсы военной подготовки. Теперь Куй направлялся на Юг, чтобы там установить связь с Вьетминем⁸. Куй много рассказывал о жизни в боевой зоне. Луана эти рассказы настолько заинтересовали, что, когда днем поезд, избегая воздушных налетов, стоял где-нибудь в лесу, он ни на шаг не отходил от товарища.

В Сайгоне Луан согласно предписанию явился в сельскохозяйственный департамент. Директором департамента был француз солидного возраста. Долго, печально и

беспомощно разглядывал он Луана. Похоже было, что этот старик, сидевший в кресле под портретом «главы государства» Петэна, больше склонялся слушать де Голля.

Заместителем француза был вьетнамец. Диплом агронома он получил во Франции еще в те времена, когда агрономы именовались агроестественниками, и стал заместителем директора потому, что этого хотел японский посол. При встрече с Луаном он ни слова не произнес о земледелии, а сразу пустился в рассуждения о распространяемой японскими милитаристами теории «великой Восточной Азии», о Японии, лидере желтой расы. Заместитель директора уговаривал Луана писать статьи для газеты «Тан А»⁹. Паническое бегство японских войск с Филиппин, из Бирмы и Индонезии он в полном соответствии с утверждениями агентства «Домэй»¹⁰ объяснял как «тактический шаг». Он намекнул Луану, что вскоре Чан Чонт Ким создаст правительство — правительство независимого Вьетнама, в котором он, заместитель директора, займет министерский пост.

Это был первый и последний приход Луана в департамент. С тех пор он полностью перешел на сторону Куй. Вдвоем они всеми правдами и неправдами добрались до лесного района Чиан. Куй связался о зональным комитетом Вьетминя. Луан помог Куй найти оружие. С большим трудом удалось купить несколько винтовок и пистолетов.

Пятым по мужской линии в семье Луана шел его брат Жан Нгуен Тхань Луан, юрист. Его жена, как и он, доктор права, принадлежала к крупному семейному клану из Бакльеу и в девичестве носила фамилию Чан. И муж, и жена были связаны с кругами патриотической интеллигенции, относившимися тогда к левым.

Жан много раз советовал Роберу войти в контакт с левыми интеллигентами, в то время они действовали под руководством коммунистических организаций. Робер отказывался. Жана это беспокоило, поскольку среди сайгонской интеллигенции имелись и другие группы. Политическая направленность этих групп была сложной. Их организаторы или были приверженцами троцкистов, или работали на французское Второе бюро либо на японцев. Жан перестал волноваться лишь после того, как застал Робера над «Коммунистическим Манифестом», страницы которого были испещрены пометками и подчеркиваниями, сделанными красным карандашом.

* * *

Впоследствии Луан узнал, кто такой Ты. Биография этого человека, за исключением разве что вероисповедания родителей, которые не были католиками, была похожа на его собственную. Ты имел французское гражданство, французское имя Франсуа, был бакалавром, занимал одно время высокий пост в колониальной администрации. Однако Ты — Франсуа отказался от всех благ, которые ему давали французское гражданство, руководящая должность, и стал зарабатывать на жизнь трудом учителя. За статьи, направленные против французской администрации, он не раз сидел в тюрьме. Будучи одним из членов военного комитета, возглавлявшего восстание на Юге в 1940 году, Ты был арестован и подвергнут пыткам. Суд приговорил его к смертной казни. Не являйся он французским гражданином и не будь войны, перерезавшей связи между Индокитаем и Францией, ему пришлось бы закончить жизнь на тюремном плацу. Однако, поскольку приговор сайгонского суда не был утвержден французским президентом (обязательное правило, когда дело касается граждан Республики), в исполнение его не привели.

Луан знал немало удивительного о побеге Ты из тюрьмы. Однажды утром в марте 1945 года находившийся в камере смертников узник услышал сирену и понял, что англо-американская авиация произвела налет на Сайгон. Неожиданно раздался оглушительный

взрыв, и топчан, на котором он лежал, подпрыгнул. Когда дым, заполнивший камеру, рассеялся, Ты увидел, что дверь сорвана с петель. Он молниеносно сбросил с себя тюремную куртку и в одних шортах бросился из камеры. Оказалось, что бомба пробила высокую тюремную стену. Пробравшись через брешь, Ты очутился на улице. Через два дня, кашляя до боли в груди, исхудавший в тюрьме, Ты уже председательствовал на совещании кадровых работников как секретарь горкома партии.

Сегодня, сидя на берегу канала, Луан внимательно слушал Ты, он старался не упустить ни единой детали. Он собрался извиниться за свою выходку тогда, восемь лет назад, но передумал. Вряд ли такой человек, как Ты, помнит об этом. Луан знал, что сейчас Ты — член Центрального Комитета партии, член постоянного комитета Бюро ЦК по Югу. Луан знал еще и то, что через несколько дней Ты займет пост секретаря особой зоны Сайгон, Зядинь, района, который станет полем острой борьбы в момент перехода от войны к миру.

4

— У тебя не сохранились письма Нго Динь Тхука?

Этот негромко заданный вопрос оказался неожиданным. Луан привык принимать партийные решения как нечто не подлежащее обсуждению. Его все еще занимали предстоящие сражения. Со времени перехода из разведывательной службы на должность командира батальона Луан участвовал в сотнях боев, и не во всех он одерживал победы. Ему досталось от французских войск и в Виньгабене, и в Лонгтяу, и в Ратьзя. Поэтому Луан не жалел времени на изучение местности и тактики противника. Он стремился стать профессиональным военным.

С 1951 гола для 420-го батальона, комиссаром которого стал бывший судовой механик французского флота Ву Тхыонг, наступила пора возмужания. Подвиги батальона стали предметом гордости всей партизанской зоны. 420-й начали упоминать наряду с такими славными подразделениями, как 307, 308, 311-й батальоны. Накануне зимне-весенней кампании 1953/54 года 420-й вел активные боевые действия на широком фронте. Луана назначили заместителем командира полка. Обстановка складывалась как будто по заказу. Несколько лет назад за «необоснованный оптимизм» подвергалась критике песня композитора Куать Ву, в которой были слова: «Мы неудержимо, как горный поток, идем вперед и побеждаем». Сегодня эти слова воспринимались как недалекие от действительности. И вот в такой момент, какой выдается раз в столетие, командование вдруг заводит разговор о засылке Луана на длительную работу в логово врага.

— ...Сохранились. Правда, сюда я их не захватил. Да и зачем таскать с собой эти письма? — В ответе Луана звучали и огорчение, и раздражение.

Ты звонко и искренне рассмеялся:

— Этим письмам цены нет! Помнишь, о чем говорится в каждом из них?

Луан помнил только какие-то обрывки.

— Сейчас ты продолжишь то, что делал и раньше. Конечно, придется по меньшей мере половину времени тратить для подготовки к будущему заданию. В канцелярии тебе подобрали кучу материалов — доклады, книги, газеты и журналы. Всестороннюю и углубленную ориентировку по обстановке дадут служба безопасности и военная разведка. Главное сейчас — никому не раскрывать содержание нового задания.

Ты дал Луану и другие наставления, прежде чем тот с головой погрузился в изучение груды материалов в соседней комнате.

На столе, за которым он работал, лежал последний номер газеты «Нян зан миен нам», то ли забытый кем-то, то ли специально принесенный сюда. Просматривая его, Луан наткнулся на статью, подписанную Чунг Тханем. Он знал, что это псевдоним члена ЦК партии, заместителя секретаря Южновьетнамского Бюро Ле Дык Тхо¹¹. В статье, в частности, говорилось: «Войска противника оказывают нам пассивное сопротивление на равнине Северного Вьетнама, в Дьенбьенфу и Центральном Лаосе. Враг был вынужден перебросить туда все наиболее боеспособные части с южновьетнамского театра военных действий, и сейчас на Юге группировка его войск значительно ослаблена, в ее боевых порядках возникли многочисленные бреши. Моральный дух марионеточных солдат под воздействием наших побед продолжает падать, ими овладевает паническое настроение».

* * *

Первое письмо епископа прихода Виньлонг Нго Динь Тхука было написано Роберу Нгуен Тхань Луану в 1952 году по вполне понятному поводу. В том году в Париже скончался инженер-электрик Рене Нгуен Тхань Луан, и ни Робер, ни Жан не смогли участвовать в процессии, которая доставила их отца к месту упокоения. Даже о самом факте кончины отца брата узнали только из письма епископа.

Епископ направил письмо с выражением соболезнования в связи со смертью своего прихожанина его сыну, тоже члену его паствы. В этом не было ничего удивительного. Более того, все знали, что у Рене Нгуен Тхань Луана были тесные личные связи с настоятелем здешнего прихода — одним из немногих епископов-вьетнамцев. В тот год, когда Луан сдал экзамен на бакалавра, Нго Динь Тхук получил епископский сап. Рене тогда повел сына к новоявленному епископу — гордости глубоко верующих католиков, к которым и он, Рене, относился. Нго Динь Тхук благословил Луана. После этого, вплоть до своего отъезда из города в партизанскую зону, Луан регулярно встречался с епископом, чаще всего во время летних каникул.

Я бесконечно опечален недоброй вестью о кончине моего близкого друга инженера Рене Нгуан Тхань Луана, погребенного на кладбище Пер-Лашез. Я молюсь за него и надеюсь, что Вы тоже молитесь за душу Вашего любимого отца перед господом...

Вот вкратце и все содержание письма.

Второе письмо, более многозначительное, попало к Луану в июле 1953 года.

Рад, что Вы здравствуете во Христе. Надеюсь в скором времени встретиться с Вами, чтобы справиться о Ваших делах за последние восемь лет после отъезда из нашего прихода, поговорить с сыном моего друга, к которому я неизменно относился с глубоким уважением. Можете ли Вы обещать мне такую встречу? Я гарантирую безопасность и верю, что у Вас нет сомнений в отношении меня.

Командир 120-го сводного полка, тоже из католиков, сказал Луану, что получил письмо аналогичного содержания, хотя и более формальное — «помню», «надеюсь» и так далее. Различие, видимо, было связано с тем, что семья командира полка не играла заметной роли в приходе Виньлонг. Письма епископа членам паствы, ведущим борьбу на поле боя, были связаны с развитием военной обстановки: в 1953 году французские колонизаторы во Вьетнаме находились при последнем издыхании.

Через два месяца, в сентябре 1953 года, Луан получил третье письмо:

Богопротивное человекоубийство тянется слишком долго. Как и учит нас Всепредержащий, я молюсь за прекращение кровопролития. Вы — один из командиров, и я надеюсь, что Вы внесете вклад в достижение перемирия, при котором каждая из сторон вышла бы из войны с честью. От души хотел бы встретиться с Вами, чтобы вместе обсудить Ваши мирские дела, Наш долг как верующего. Господин Саваньи — Вы его знаете — готов содействовать нашей встрече.

Саваньи был подполковником и ведал французской разведкой в районе долины Меконга.

И наконец, последнее письмо Луан получил накануне штурма 420-м батальоном поста Биента.

Время течет воистину быстро. Насколько мне известно, недалек день, когда на родину вернется господин Нго Динь Зьем и возьмет в свои руки бразды правления. Надеюсь, Вы понимаете важность этой перемены. Вам, как последователю веры и к тому же патриоту, поддерживающему тесные отношения с семьей Нго Динь Зьема, следовало бы серьезно поразмыслить и принять окончательное решение, пока еще не поздно. Вскоре плечом к плечу с нами будут стоять уже не французы, а американцы. Вам необходимо вспомнить, что именно США применили атомные бомбы против Японии. Со мной поддерживает переписку архиепископ Нью-Йорка Спеллман. Это понимающий и великодушный священнослужитель.

Письмо епископа было отправлено, когда США уже почти целиком финансировали войну в Индокитае. 30 июля 1953 года американский конгресс утвердил ассигнования на военную помощь колониальным властям на 1953/54 финансовый год в сумме 400 миллионов долларов. 2 сентября 1953 года американское правительство приняло решение о дополнительном выделении 385 миллионов долларов. Столь массивная помощь имела целью поддержать «план Наварра», одним из ключевых моментов которого была передача вьетнамской стороне большей доли ответственности. Письмо в какой-то мере было связано и с инаугурационной речью французского премьер-министра 12 ноября 1953 года, в которой говорилось, что, как полагает французское правительство, индокитайская проблема не обязательно должна быть разрешена военным путем. Франция не требует от противника безусловной капитуляции. Франция добивается примирения.

* * *

Операция «Кастор» началась с десантирования шести евро-африканских батальонов в Дьенбьенфу. Это был козырь, с которого французы пошли, чтобы преуменьшить, насколько это возможно, свои поражения в глазах жителей Индокитая, и кроме того, в надежде оправдать ожидания американских союзников.

Некий Рене Коти после тринадцати туров выборов занял кресло президента Франции. Это показало наличие глубокого раскола во французских правящих кругах в связи с «нарывом» вьетнамской войны.

5

Епископ Нго Динь Тхук, откинувшись на спинку кресла, внимательно следил за реакцией Нго Динь Нью на свое сообщение.

Нго Динь Тхук получил ответное письмо Робера Нгуен Тхань Луана и тут же помчался в Сайгон, чтобы обменяться мнениями с Нго Динь Нью.

Несколько дней назад указом «главы государства» Бао Дая было сформировано правительство во главе с Нго Динь Зьемом.

Еще раздавалось эхо закончившегося в мае сражения в Дьенбьенфу. Франция в своей колониальной истории, да и все другие западные державы не знали таких болезненных и позорных поражений: 16 тысяч солдат, сотни офицеров, один генерал, в избытке обеспеченные оружием, были вынуждены капитулировать и сдать противнику наиболее сильные долговременные укрепления из числа созданных в Индокитае. Командующий укрепленным районом генерал де Кастри нарушил приказ своего вышестоящего начальника: генерал Кони велел ему покончить с собой. Однако вместо того, чтобы удавиться салфеткой, де Кастри использовал ее как белый флаг.

Бао Дай согласился на назначение Зьема, которого десяток лет назад сам же лишил всех регалий. Это, однако, не было проявлением императорской милости, В прошлом Бао Дай отправил Зьема в отставку по указанию японского посла. Сейчас же он выполнял решение сразу двух хозяев — американцев и французов. Его больше волновали рауты, которые он давал во дворце Таране. Ему еще предстояло заплатить позором при объявлении о передаче всей полноты военной и гражданской власти Нго Динь Зьему.

Вопрос состоял не в том, чтобы заменить Бьу Лока на Нго Динь Зьема. Менялись «позиции свободного мира» в Индокитае: отныне решения принимались не на Елисейских полях в Париже, а в Белом доме в Вашингтоне.

Как сложится ситуация, оставалось лишь гадать, однако было известно, что французы начали сматывать удочки из Северного Вьетнама.

Вновь назначенный премьер-министр Нго Динь Зьем прибыл на сайгонский аэродром Таншоннят 25 июня. 30 июня он вылетел в Ханой: за день до этого французские войска оставили Намдинь и Тхайбинь — две стратегически важные провинции, которые они упорно удерживали в течение долгих лет.

2 июля премьер-министр Нго Динь Зьем заявил протест в связи с выводом французских войск из районов, где находятся малочисленные католические общины.

Непосредственным результатом этого протеста стало оставление на следующий день французскими войсками провинциального центра Фули. В тот же день военные делегации Франции и Демократической Республики Вьетнам встретились в Чунгзя для обсуждения вопросов прекращения огня.

Таким образом, Нго Динь Зьем возглавил созданное им проамериканское правительство. Но проамериканским оно было лишь в основном, а в отдельных конкретных моментах придерживалось профранцузской ориентации, и ситуация складывалась весьма деликатная.

* * *

Нго Динь Нью читал и перечитывал письмо, оно было кратким:

Святой отец!

Сегодня наконец могу обратиться к Вам с этим небольшим письмом. Последние несколько лет мне как армейскому командиру приходилось жить кочевой жизнью. Мне доставило большую радость то, что в рядах сил Сопротивления встретилось много католиков. Немало их было и в моей части. Более того, заботу обо мне проявляли священнослужители, не оставлявшие паству, такие, как настоятель Хо Тхань Биен, заместитель настоятеля Во Тхань Чинь и многие другие слуги господни.

Всенародная война Сопротивления скоро вступит в переломный этап. День победы нашего народа после потрясшего мир подвига при Дьенбьенфу уже близок. Я пишу Вам письмо, вернувшись с поля боя. Военная часть, находящаяся под моим командованием, освободила ряд общин и деревень вокруг Камау. Думаю, мне представится случай засвидетельствовать Вам свое почтение.

В заключение письма шлю Вам, святой отец, пожелания здоровья и благополучия.

Письмо Робера Нгуен Тхань Луана было датировано 30 июня 1954 года.

В комнате воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь размеренными шагами Нью.

Епископ сложил руки на животе и выжидательно смотрел на своего младшего брата. Как бы там ни было, Нью более, чем кто-либо еще, правомочен дать оценку этому письму и затем определить отношение семьи Нго к написавшему его офицеру Вьетминя.

Нго Динь Тхук написал первое письмо Луану два года назад по подсказке Нью. Тогда широкое распространение получили слухи о предстоящем возвращении во Вьетнам Нго Динь Зьема. Нью встречался с несколькими американцами. Количество писем, посланных кардиналом Спеллманом епископу, достигло нескольких дюжин. И причина крылась не в том, что глава католической епархии Нью-Йорка хотел установить особые отношения с настоятелем никому не известного прихода во Вьетнаме.

Нью обсуждал с епископом возможности привлечения католиков — участников войны Сопротивления на сторону Нго Динь Зьема. В списке, составленном им, имена Жана и Робера Нгуен Тхань Луан были подчеркнуты красным карандашом.

Имя Робера подчеркивалось более жирно, поскольку он боевой командир и сведений о его вступлении в коммунистическую партию не имелось. Робер в отличие от Жана не занимался политикой. Возможно, что к тому же он до сих пор принадлежал к пастве в прямом и переносном смысле этого слова.

Нью говорил тогда: «Подготовку надо начинать немедленно. Нам нужны, крайне нужны католики — участники Сопротивления. ЕСЛИ мы будем формировать свои силы из людей, которые последние годы провели где-нибудь в Швейцарии, карабкаясь на Монблан, то нас нельзя будет отличить от других группировок, наподобие тех, которые возглавляют Чан Ван Хыу, Нгуен Ван Там».

Луан не ответил на письмо. Епископ в нетерпении написал еще одно и еще. Однако ответ на них пришел лишь сегодня.

— Святой отец, как вы считаете, не скрывается ли что-то за этим письмом Нгуен Тхань Луана?

Этим вопросом, заданным с нажимом, Нью разорвал напряженную тишину, тягостную, как во время безмолвной молитвы.

Епископ, руки которого по-прежнему были скрещены на заметно выпиравшем животе, повел бровями. Его мнение всегда зависело от точек зрения других людей. Сейчас он с особым почтением воспринимал соображения Иго Динь Нью. И епископ здесь не исключение, в течение не одного года Нью был особо доверенным «советником», а в ряде случаев и «провидцем» для Зьема и Луана.

Тхук в нетерпеливом ожидании следил за Нью, руки его напряглись, и епископское кольцо золотой полосой выделялось на черной сутане.

— Мне бросились в глаза такие слова, как *всенародная война Сопротивления, победа нашего народа, подвиг при Дьенбьенфу, потрясший мир*. Он не забывает ловко напомнить нам, что принадлежит к числу командиров, разгромивших всю систему обороны вокруг Камау. Вершина его уловок — утверждение, будто он по-прежнему остается глубоко верующим католиком.

Заметив, что Тхук делает вид, словно не понимает тайного смысла письма, Нью остановился перед ним и произнес:

— Он намекает: если я вернусь в город, то не с пустыми руками.

— Естественно, — нерешительно пробормотал епископ. — Зачем нам люди с пустыми руками?

— Правильно, нам нужны такие, кто что-то принесет. Пусть это будут нашивки на мундире или, пожалуй, отметины на теле. Но не в голове!

Епископ даже привстал с кресла, его восхитила прозорливость младшего брата.

— Тем не менее посмотрим, — медленно продолжал Нью. — Напишите ему еще одно письмо, святой отец. Пойдет ли он на немедленную встречу с вами? Мне хотелось бы, чтобы он был в городе как можно скорее, до достижения урегулирования по Индокитаю. Напишите ему без обиняков: к людям, которые сами отошли от той стороны, мы относимся иначе, чем к демобилизованным.

Епископ подумал про себя, что его младший брат, конечно, прав. Робер Нгуен Тхань Луан наверняка поймет реальное положение дел. Поэтому через священника соседнего прихода он сразу же направил Луану еще одно письмо — с указанием места и времени встречи.

6

Для написания епископу своего первого письма Луан не случайно выбрал конец июля. Женевская конференция близилась к концу — это благодаря мышеловке, устроенной вьетнамской Народной армией в Дьенбьенфу, мышеловке, в которой погибли последние надежды французских милитаристских группировок. В конце концов, Наварр — слабый генерал, а Салан, к сожалению, и того хуже.

В результате правительство Ланьеля пало, и буквально на следующий день, 14 июня 1954 года, Мендес-Франс сформировал новое правительство. В правящих кругах Франции верх одержала тенденция к военному уходу из Индокитая.

Но на смену старым проблемам нарождались новые. Французы и американцы начали вести бурный обмен мнениями о том, как продолжить спектакль в Индокитае;

поменявшись ролями, они готовили почву для того, чтобы США закрепились в этой горячей точке азиатского континента.

16 июня 1954 года Быу Лок ушел в отставку, и в тот же день премьером стал Нго Динь Зьем — все шло как по нотам.

Ответ епископа на свое письмо Луан получил меньше чем через неделю. Тон письма был незавуалированно грубоватым, понукающим, однако за явными угрозами со стороны епископа чувствовалось смятение и беспокойство. Луан решил не спешить с новым письмом.

Проанализировав список членов правительства Зьема, Луан понял, что новый премьер пока не создал себе прочной опоры. Состав кабинета министров оказался неоднородным, и Зьему предстояло приложить немало усилий, чтобы установить над ним контроль. Хотя Зьем наряду с постом премьер-министра получил прерогативы министра обороны и министра внутренних дел, его заместителями в этих министерствах стали доверенные люди французов — Ле Нгок Тян и Нгуен Нгок Тхо, оба в ранге генерал-губернаторов. Генеральным директором полиции остался Лай Ван Шанг из секты Биньсюен, а начальником генерального штаба — генерал Хинь, француз во всем, кроме цвета кожи.

Армейский генерал Поль Эли, приравненный по должности к начальнику французского генерального штаба, сменил корпусного генерала Салана. Это свидетельствовало о том, что французы еще не отказались от своих иллюзий. Франция окончательно сдавала позиции США, но отнюдь не безоговорочно. Главным содержанием ситуации в стране в течение определенного периода неизбежно должно было стать соперничество, в том числе и с кровопролитием, между марионетками двух империалистических держав. У каждого лагеря были свои сильные и слабые стороны.

* * *

Первые месяцы после окончания войны складывались для Луана тяжело. С одной стороны, он должен был выполнять обязанности офицера полка: поддерживать порядок в подразделениях, прежде всего в 420-м батальоне, готовить их к передислокации на Север. Непросто было объяснять линию партии в военных делах кадровым работникам и бойцам, они говорили, что мы побеждаем, есть предпосылки для еще больших побед... Наряду с этим Луану было приказано информировать всех, в том числе заместителя командира сводного полка Лыу Кханя и политкомиссара Ву Тхыонга, о том, что он тоже репатрируется на Север, но направится туда другим судном. Приказ товарища Ты был суров: Луан не имел права сообщать о полученном задании даже своему командованию.

С другой стороны, ему надо было до мелочей знать ход развития событий в Сайгоне. Поздно ночью Луан набрасывал на грифельной доске лишь ему одному понятные схемы, стирал и вновь чертил их.

Он решил взять с собой Куена и Ша. Убедить их остаться было делом нелегким, но в конце концов они согласились. Луан разработал варианты ролей для Ша и Куена на несколько лет вперед по возвращении в город.

Руководство решило погрузить 420-й батальон на корабль одним из первых. Луан понял, что это делается ради него. Надо было сократить до минимума число знающих его людей. Тем самым обеспечивались условия для работы в предстоящий период.

Луан следил за погрузкой своей части на советский пароход «Архангельск»¹², стоявший на якоре в Сиамском заливе напротив устья реки Шонгдок. На этом огромном судне бойцов батальона приняли как близких людей. Луан познакомился с капитаном судна, принял участие в праздничном обеде, устроенном прямо на палубе.

За исключением Куена и Ша, никто в батальоне не впал, что командир расстается со своим подразделением. Провозглашая тост, Луан с трудом сдерживал слезы. Перед ним стояли шестьсот человек, которые совсем недавно шли с ним на жизнь и на смерть. Это были замечательные боевые товарищи.

Командир корабля пожелал Луану здоровья. Он провозгласил тост и за здоровье всех бойцов батальона. Когда еще предстоит встретиться? Луан верил в установленный Женевским соглашением двухлетний срок¹³, хотя и чувствовал, что это не математически точный промежуток времени.

Потом смотрели советский фильм «Садко». Луан переживал за сказочный персонаж, с которым происходили удивительные приключения, но все время, пока шла демонстрация фильма, они с Ву Тхыонгом продолжали переговариваться.

В эту ночь Луан и Ву Тхыонг не сомкнули глаз. С разрешения капитана они устроились в кают-компанию «Архангельска», чтобы еще поговорить напоследок. Сидя под флагом с серпом и молотом возле бюста Ленина, боевые друзья вспоминали пережитое. Два раза Ву Тхыонг спрашивал:

— Ты же приедешь на Север через несколько недель, ну через два месяца, зачем тогда инструктаж в стиле завещания?

Луан вздрагивал и возражал:

— Неизвестно еще, вернусь ли я в свою часть.

— Но ведь даже став командиром полка, ты не забудешь про четыреста двадцатый батальон?

Ву Тхыонг недоумевал, а Луан не решался зайти в своих объяснениях слишком далеко. Он не имел на это права.

Рано утром Луан сошел с «Архангельска» и переправился на пристань Шонгдок. Он помахал выстроившимся на борту бойцам батальона. Если бы рядом не было провожающих, Луан, Куен и Ша, наверное, не удержались бы от слез.

Пришло время Луану покинуть партизанскую зону, хотя срок разъединения сил для района Камау истек лишь наполовину. Слишком рано приезжать в город было невыгодно, но и тянуть с этим не стоило. Луан послал епископу короткое письмо. В нем он сообщал, что 10 декабря после полудня по пути из Кантхо в Сайгон заедет в Виньлонг засвидетельствовать ему свое почтение. Просьбы об организации встречи или сопровождении в письме не было.

Накануне отъезда Луана вызвали в Бюро ЦК. Его принял Хай.

Луан в прошлом, когда был начальником разведотдела, и после перехода в боевое подразделение неоднократно встречался с Хаем. К этому человеку он испытывал

огромное уважение, граничащее с восхищением. Это был глубоко эрудированный человек. Многие интеллигенты, участники Сопrotивления, называли Хая «двухсотсвечной», сравнивая его с самой яркой по тем временам электрической лампочкой. Отличали его также исключительная доброта, искренность и простота в общении.

Одетый в черный сатиновый костюм, произнося слова, как это делают уроженцы 4-й зоны¹⁴, Хай просто и доходчиво объяснил Луану суть дела.

— Мы говорим сейчас друг другу о встрече через два года, когда страна воссоединится, прощаемся с товарищами, поднимая в знак приветствия два пальца. Это желаемое, наша надежда и стремление. Возможно, наши стремления станут реальностью. Но как коммунисты мы не имеем права лишь надеяться на исполнение наших субъективных желаний. Имеется немало признаков того, что обстановка будет развиваться сложно. Американцы навязывают французам Нго Динь Зьема не для того, чтобы выполнять Женевские соглашения, а наоборот, чтобы сорвать их выполнение. Я думаю, ты продумал наиболее неблагоприятные варианты. Ты ведь был начальником разведотдела и наверняка хотя бы отчасти понимаешь замысел американцев.

Луан не проронил ни слова, он только слегка покраснел, когда речь зашла о разведотделе.

В свое время, он тогда из бюро связи Южного Вьетнама вернулся в Донгтханмьей, его назначили начальником службы сбора и анализа информации о противнике. По правде говоря, Луан сам напросился на это назначение. Он представлял себе работу разведчика по книгам, в числе которых, что очень плохо, были и детективные романы. Организованная им служба была скопирована с французского разведывательного аппарата. Он принялся за работу со всем своим романтическим энтузиазмом, стал претворять в жизнь идеи, при чем-нибудь упоминании о которых впоследствии у него горели уши от стыда за свою недалекость, ограниченность воображения, за то, что он воспринимал разведку только как специализированный профессиональный орган. Ему удалось заполучить кое-какие стоящие сведения, что его весьма обрадовало. Однако в куче этих разведанных были смешаны информация и дезинформация, причем достоверными оказались лишь детали. Так что общая картина ситуации тоже оказалась искаженной. В результате он сам чуть не попал в плен во время выброски французами крупного парашютного десанта в Донгтханмье. Ведь по его сведениям, этот десант должен был состояться совсем в другом районе.

Тогда Хай прочитал ему лекцию о разведывательной работе. Луану и в голову не приходило, что этот чело* век обладает столь глубокими знаниями о ней. Пятнадцати минут анализа Хаю хватило для того, чтобы камня на камне не оставить от доводов Луана. И Луан почувствовал себя полным профаном в деле, которым до сих пор занимался.

Та беседа многому научила Луана, и главное, что запомнил он на всю жизнь, — это различие между революционной и империалистической разведкой. Оно начинается с того, что методы революционной разведки не имеют ничего общего с тайными заговорами и интригами империалистической.

— Зьем заменил начальника генерального штаба. Скоро настанет очередь полиции. Затем последуют смещения губернаторов провинций и командующих военными округами. Как сам понимаешь, Зьем здесь выполняет замыслы американцев, поставивших целью вытеснить французов. Наряду с этим он укрепляет свои позиции, готовясь выступить против революционных сил. По последним сведениям, американцы, Зьем а французы

призывают к организации переселения большого числа своих приспешников и лиц католического вероисповедания из равнинных районов Севера на Юг, чтобы создать здесь для себя новую точку опоры.

Устремив на Луана долгий внимательный взгляд, Хай продолжал более мягким тоном:

— Между американцами, французами и марионетками существуют противоречия. Вместо разрешенных противоречий возникают новые. Положение в их лагере сейчас иное, чем девять лет назад. Революция набрала силы, мы нанесли поражение крупной империалистической державе, освободили половину своей страны. Вьетнам из малоизвестной колонии превратился в символ победоносного движения народов за национальную независимость. Хо Ши Мин стал надеждой народов, которые поднимаются на борьбу, разбивают оковы колониального рабства. Таково положение дел с нашей стороны.

Что касается противника, то, когда два хищника сидят около одной миски, от них трудно ожидать согласия. Их прихвостни сегодня — это не просто чиновники, как в прошлом. У них есть амбиции и политический опыт, что является объективным следствием проникновения капитализма в нашу страну. Заметнее всего в настоящее время франко-американские противоречия. Затем речь должна идти о противоречиях в лагере проамериканцев и между приверженцами разных политических течений, гражданскими и военными, между заправилами разных провинций и так далее. Не является чем-то монолитным и правящая верхушка США. Более того, вьетнамская проблема явно вышла за рамки локального явления, она стала частью общего хода событий в противоборстве между силами революции и контрреволюции в Азии и во всем мире.

Хочу обратить твое внимание: противоречия в стане врага — реальность, которую стратегически важно использовать во имя победы революции, и во Вьетнаме для этого имеются условия, более благоприятные, чем где бы то ни было. Эффективное использование этих противоречий — мощное оружие, которым можно бить врага в его же логове. Однако не следует рассматривать такие противоречия как самостоятельное явление — их острота в конечном счете определяется мощностью и размахом революционного движения масс. Недооценка значения противоречий была бы ошибкой, но не нужно питать иллюзий насчет того, что врага можно победить одним использованием его слабости. Есть вопрос, по которому у наших врагов существует абсолютное единство, — это борьба против революции. Они пользуются, и расчетливо пользуются, лозунгами антикоммунизма. Лишь когда революция сильна, она в состоянии создать условия для раскола в лагере противника, а в отдельных конкретных случаях — и подорвать это абсолютное единство.

Хай пригласил Луана пообедать с ним. Во время обеда он продолжил беседу:

— Зьем — уроженец Центрального Вьетнама, выходец из семьи чиновника. У него не хватает опоры в Южном Вьетнаме, особенно в среде интеллигенции. Ты подходишь ему как южанин-интеллигент. К тому же ты — участник Сопrotивления, боевой командир. Зьему нужны такие люди. Если тебе удастся правдоподобно сыграть роль националиста, борца за независимость, то ты справишься с заданием партии. А задание это имеет стратегическое значение. Южновьетнамский народ в прошлом показал свою мощь, окреп за девять лет испытаний, благодаря революции добился прав на землю и демократических свобод. Важно и то, что полностью освобожденный Север оказывает поддержку Югу. В этих условиях силой народ не сломить. По-моему, здесь основа всего, от нее мы и должны

отталкиваться, анализируя тенденции развития обстановки на Юге, отсюда вытекают и задачи твоей будущей работы.

При прощании Хай задержал в своей руке руку Луана.

— Будь осторожен! Помни: использование внутренних противоречий в стане врага — это не обманные движения в борьбе. Нужно быть сдержанным, привлекать на нашу сторону все силы, которые можно использовать. И чем дольше они будут работать на нас, тем лучше. Учти, главным твоим противником будет американская разведка!

В глазах у Луана потемнело. Он ничего не сказал, но понял, что именно Хай останется на Юге, чтобы возглавить руководство новой, в сотни и тысячи раз более сложной и опасной борьбой.

7

Впереди виднелся залитый электрическим светом уездный центр. Куен греб кормовым веслом, Луан — носовым, а Ша вычерпывал воду. Они вторые сутки добирались сюда по запутанной сети каналов.

В восемь вечера сампан причалил к берегу на окраине деревни. Здесь им предстояло переночевать, и для них это была последняя ночь в освобожденных районах.

В минувшие два дня Луан почти ничего не говорил. Ша и Куен тоже открывали рот лишь при крайней необходимости. Чем дальше плыл сампан, тем сильнее становилось ощущение, что они покидают что-то близкое и родное. Когда сампан остановился, чувство потери усилилось. Может быть, через десяток минут у них начнут проверять документы, и не товарищи из народного ополчения, а надутые самодовольные полицейские. Целых девять лет они не видели таких полицейских — если встречи происходили, то в совершенно иной обстановке, тогда «стражи порядка» вели себя тише воды, ниже травы.

Луна взошла над кокосовыми пальмами, осветив возделанный участок земли, который правительство Соппротивления выделило какому-то крестьянину. Видно было, что бананы принесли уже не один урожай, а кокосовые пальмы дали первые плоды. В оросительном канале наверняка выкармливали немало карпов ила сазанов.

Медленно и мягко струилась река. Порывы ветра изредка поднимали небольшие волны, и они плескали в борт сампана. Луан, оставшийся ночевать в сампане, не переставал ворочаться. Куен и Ша, устроившиеся на берегу, тоже не спали. Укрывшись за пригорком, они с ужина начали о чем-то шептаться и, похоже, были намерены шептаться до утра.

Их батальон уже высадился в Шампоне¹⁵. Куен и Ша никогда там не были. Луан же несколько раз приезжал туда в годы учебы в университете. Правда, он не помнил многих деталей, о которых написал в письме Ву Тхыонг, рассказавший, например, про то, как выглядит морской пляж в зимнее время. Луан думал о своих соратниках. Лица многих он воображал совершенно отчетливо и с болью в душе задавал себе вопрос, когда же он вновь увидит их и когда они вновь встретятся с близкими, оставшимися на Юге.

Луан поднялся и начал сворачивать самокрутку.

— Ты еще не спишь? — спросил его Ша. Правда, ответа на свой вопрос он не ждал и не дождался.

— Давай вскипятим воды, заварим чай.

Эти слова произнес Куен. Через несколько минут разгорелся костер. На огонек пришел крестьянин, крупный, высокий мужчина средних лет. Загорелый дочерна, он был одет только в шорты. Не переставая отмахиваться от комаров, мужчина подсел к костру и поинтересовался, куда путники направляются.

— Пойдемте ко мне в дом, он поблизости. В доме есть лампа, топчан, а здесь комары заедят, — настойчиво приглашал он.

— Спасибо, — поблагодарил Куен, — сейчас уже поздно, нам рано утром вставать. К тому же здесь прохладнее.

— А куда вы едете? В Фунгхьеп?

— В Фунгхьеп, а дальше — в Кантхо.

— Наниматься на уборку риса? А вы не очень-то похожи на жнецов.

— А можете угадать, чем мы занимаемся? — в шутку спросил Ша.

— Да с первого взгляда видно, что вы бойцы или кадровые работники. Война кончилась, возвращаетесь в родные места. Сейчас таких много здесь проезжает. А вот этому молодому, — крестьянин указал на Ша, — лучше было бы отправиться на Север и заняться учебой. Зачем оставаться на Юге? Мир — дело хорошее. Хозяйство перестанут разорять, колонизаторы не смогут притеснять народ. Но какой-то мир этот ненастоящий...

Крестьянин плюнул. Затем продолжал:

— Какой это мир, если наша армия уходит, народная власть ликвидируется, крестьянские, молодежные и женские организации распускаются. Нашего ничего не остается, а у них работа идет полным ходом. Мы с женой переживаем. Наш старший погиб в Тамву, и мы сейчас не знаем, то ли оставить свидетельство о его героической смерти висеть на стене, то ли спрятать подальше. Другой-то сын служил в четыреста двадцатом, он уехал на Север.

— Как зовут второго сына, который уехал, в какой роте он служил? — не выдержал Ша.

— Вообще-то он не второй, а третий. Средний, Тхуа, тоже погиб. Французы застрелили, — проговорил мужчина упавшим голосом. — А третьего дома звали Лок — это детское имя¹⁶. Когда уходил в солдаты, он взял себе имя Бао Куок.

— Вот как! — воскликнул Ша. — Комвзвода Ты Бао Куок!

— Точно! Так ты его знаешь? Тоже служил в четыреста двадцатом?! — начал сыпать вопросами крестьянин.

Ша прикусил язык и вопросительно взглянул на Куена, а тот быстро повернул голову в сторону сампана — там временами вспыхивал огонек самокрутки.

— Да, мы из четыреста двадцатого. — Это Луан, ухватившись за причальную веревку, вышел на берег.

— Ба! — воскликнул хозяин дома, только теперь увидевший Луана в отблесках огня. — Извините, вас, кажется, зовут Луаном. Действительно, я помню, как вы приезжали к нам с Локом. Когда вы с войсками штурмовали шоссе... Как поживаете? Разве можно так: приехали и не идете в дом, ночуете на берегу!

Все это обрадованный крестьянин выпалил одним духом. Потом повернулся в сторону дома и крикнул:

— Жена, Луан приехал!

— Какой еще Луан?

Вопрос был задан женщиной, которая направлялась по берегу к сидевшей у костра компании.

— Тот самый Луан, командир Лока, чего здесь спрашивать?!

— Господи, какой худой! — воскликнула подошедшая женщина. — Так в чем же дело?

Пришлось идти в дом. Американская керосиновая лампа, висевшая под потолком, освещала просторное помещение, разделенное невысокими ширмами на три части. Посередине стоял алтарь предков¹⁷. На стене висел портрет Хо Ши Мина, недалеко от него — свидетельство о героической гибели Чон Ван Тома. Хозяйка поспешила на кухню и принялась ощипывать только что забитую жирную утку. Ша принялся разжигать огонь, Куен — толочь имбирь для соуса.

Хозяин дома пил чай с Луаном. Звали хозяина Хай Шат. Командир 420-го вспомнил свое предыдущее посещение этих мест. Тогда они зашли в дом в середине ночи, проглотили на бегу по пиале риса и поспешили дальше, чтобы успеть к началу операции. С тех пор, как сразу заметил Луан, жилище Хая преобразилось, в доме стало уютнее, просторнее. Луану запомнился старый чайник с отбитым носиком, а сейчас чайный сервиз был другой. Американская лампа тоже, как видно, была куплена недавно.

— Какие же у вас планы?

Хай Шат задал вопрос так, будто Луан должен был и впредь отвечать за развитие обстановки.

Родом Хай Шат был из Конока, провинция Бенче. В год, когда французы оккупировали Бенче, он со всем семейством переехал в Камау. Сначала пришлось батрачить. В 1950 году правительство Сопrotивления предоставило ему во временное пользование участок земли в полгектара. Он построил хижину из бамбука, разбил огород. С землей жизнь наладилась. Стали есть рис два раза в день. Отошла в прошлое одежда из мешковины. Хай Шат отправил двух сыновей в армию. Дочь стала учительницей, жена вступила в крестьянский союз. А сам он участвовал в народном ополчении. Вдоволь настрадавшись в недавние годы на поденной работе, супруги зажили, по их представлению, вольготно. Теперь они могли за год справиться Локу два приличных костюма, а если он надумает жениться, то и сделать невесте подношения.

— Земля, которую дало мне правительство, раньше входила в имение Кабе. А сейчас — помереть мне на этом самом месте, если я вру, — сын хозяина имения прислал мне распоряжение вернуть рис, который можно было здесь собрать с сорок шестого года за

восемь лет — почти двести пятьдесят зя¹⁸. Угрожает, что срубит кокосовые пальмы, плодовые деревья. Земля, дескать, должна использоваться под рис, нельзя на ней сажать что попало. Будь у меня оружие, я бы ему за такие слова выстрелил прямо в глотку, вышиб бы все его поганые зубы. Если бы я мог, если бы власть, если бы оружие, этому дураку, этому... Что же делать?

Стиснув зубы, хозяин продолжал:

— Жалко кокосы, нельзя же так. Куда теперь девать свидетельство сына? Наверное, придется возвращаться в Конок.

Луан долго сидел молча. Хай Шат нарисовал ему мрачную картину. Мыслил он верно, взять хотя бы его вопрос о свидетельстве сына — об этом тяжело было говорить.

— Правду сказать, вы уж не браните Лока, его грех. — Хай Шат понизил голос. — Он оставил мне четыре винтовки, автомат и несколько сот патронов к ним, десяток гранат. Он велел мне закопать их на всякий случай. Так что если я и надумаю вернуться в Конок, то возьму все это с собой.

— Смотрите только, чтобы оружие не залило во время паводка, поржавеет.

Луан не только не осудил Лока, но и дал совет. Признание хозяина будто сняло тяжелый камень с его груди.

— Не поржавеет! — просиял Хай Шат. — Я его в нейлоновый мешок положил, смазал буйволиным жиром, а потом — в бочку и законопатил. Так что ни термиты, ни плесень до него не доберутся.

Когда принялись за утку с рисом, Хай Шат наклонился и шепнул на ухо Луану:

— В город идете?

Луан не кивнул, но и не покачал головой.

— Не страшно без оружия? — Хай Шат страстно хотел помочь Луану и его товарищам.

Снаружи послышался звук шагов.

— Чья это лодка у нашего берега? — Вопрос был задан звонким девичьим голосом.

— Зо, моя младшая, — сказал хозяин дома, и лицо его вновь стало печальным.

В дом вошла девушка лет пятнадцати. Ритуально сложив ладони, она приветствовала Луана. Потом она прошла на кухню, и оттуда донесся ее разговор с матерью, Куеном и Ша:

— Не понимаю, почему вы нас бросаете. Я еще не закончила медицинские курсы, мы только что дошли до прививок. Как жалко!

У Луана перехватило дыхание. Он отодвинул в сторону пиалу. Хай Шат промолчал.

Небо посерело, хотя луна продолжала светить. Луан, Куеи и Ша, оставив после ужина дом Хай Шата, направились на своей лодке к рыночной пристани Фунгхьепа. Супруги и Зо, проводив гостей к сампану, долго глядели с берега им вслед.

За полосой густо поросшей камышом невозделанной земли — границей между освобожденной зоной и оккупированными колонизаторами районами — начались пригороды Фунгхьепа.

По сравнению с освобожденной зоной строения на окраине выглядели неопрятно. Почти ни у одного дома рядом не было огорода. Кровля на домах прохудилась, и дыры были на скорую руку прикрыты кусками жести, а то и листьями кокосовой пальмы. Зато на каждом доме красовался иероглиф с пожеланием долголетия.

Взглянув на один такой иероглиф, означающий «десять тысяч лет», Куен проговорил:

— Когда месяц станет полной луной, наступит Новый год.

Эта произнесенная вскользь фраза всколыхнула душу Луана. Да, впервые за долгое время Луану придется встречать Новый год вдали от партизанской зоны, вдали от соратников. Встреча новогоднего праздника вместе с бойцами стала для него привычным и приятным обычаем. Где бы он ни был — в освобожденной зоне или в тылу врага, — везде он брал на себя хлопоты по празднованию Нового года. Продолжались «плановые» операции, на которые он провожал бойцов, проводились собрания по итогам года, устанавливались связи с соседями, готовились совместные со здешними жителями номера самодеятельности. В новогоднюю ночь собирались вместе, читали стихотворное приветствие президента Хо Ши Мина, ели праздничный пирог, тушеное мясо с овощами, которые присылали бойцам женские организации. Веселье длилось до утра. Утром расходились и праздновали Новый год по группам. Бывало, выпивали «по три грамма». Находились и такие, что после этого заваливались спать и спали беспробудным сном. В помещении командного пункта и домах местных жителей, где квартировали, бойцы делали треноги из кокосовых листьев, на них устанавливали сплетенный из цветов знак долголетия, флаг и портрет Хо Ши Мина.

Самое большое удовольствие доставляли всем спектакли. В батальоне было мало женщин, всего несколько медсестер и поварих. Они стеснялись выйти на сцену, поэтому юноши наряжались в женское платье, напихивали под него ваты, учились ходить грациозной походкой. Не менялись только их голоса, и когда такая «девица» басила со сцены, зрители хохотали до слез, до колик в животе.

По окончании праздника собирались для обсуждения планов операций и обучения бойцов.

Луан настолько привык к такой последовательности, что сейчас почувствовал себя неприкаянным. Ему было трудно представить себе, что в Новый год он не сможет носа высунуть на улицу, никого не поздравит и сам не получит поздравлений. Да если и будут поздравления, то уже никто не скажет: «В Новом году желаем вам здоровья, сплоченности, уверены, что вы и дальше будете поддерживать бойцов, вести борьбу до полной победы, как тому нас учит Дядя Хо и правительство».

Война Сопrotивления закончилась, и теперь Луан лишился возможности слышать такие добрые новогодние пожелания.

Постепенно светлело. На флагштоке перед кирпичным зданием совместной комиссии по прекращению боевых действий, стоявшим на перекрестке у въезда в Фунгхьеп, утренний ветерок шевелил красный флаг с золотой звездой. Сотрудники, товарищи Луана, заканчивали утреннюю зарядку, выполняя дыхательное упражнение. По команде, столь знакомой ему, они нагибались, обхватив грудь руками, потом отпускали руки, выпячивали грудь и делали сильный вдох.

Сампан замедлил ход. Луан повернулся спиной к зданию комиссии, опасаясь, что его увидит кто-нибудь из знакомых. Отныне требование отказаться от старых привычек должно стать для него законом. Он понимая, что ему нелегко будет вести образ жизни, столь отличный от образа жизни по моральным принципам, какими он руководствовался последние девять лет. Сколько потребуется усилий. Да, до чего же свеж воздух, который он вдыхал каждое утро во время физзарядки с бойцами!..

Луан взглянул на Куена и Ша — оба находились в напряжении.

Государственный флаг отражался в воде. Луан тихонько опустил руки по швам, глазами салютуя ему.

Здание комиссии с флагштоком, звуки физзарядки, освобожденные районы 9-й зоны, ночь, проведенная в доме Хай Шата, — все это уходило назад.

* * *

Луан ступил на берег, и гомон рынка Фунгхьепа оглушил его. Крики торговцев, зазывающих покупателей и расхваливающих свой товар, гул перебранок, казалось, достигают до самого неба. Да еще рев автомобильных моторов на улице. Стоило пересечь канал, и вот Луан очутился в совершенно ином мире.

Тайком бросив последний взгляд на здание комиссии и флаг родины, Луан вместе с толпой пробрался в глубь рынка. Сампан, в котором остались Куен и Ша, затерялся среди лодок, плывущих по каналу в сторону реки. Каждый из них придет теперь на встречу с Луаном своим путем.

Давно уже он не ходил никуда в одиночку. Будто идешь на разведку вражеских позиций. Но, пожалуй, даже и в разведке он не испытывал такого одиночества.

Луан неожиданно почувствовал, что у него похолодела спина. Он осознал на себе взгляды, какие в прошлом, еще десять минут назад, ему не приходилось ощущать. В них сквозила явная недоброжелательность.

Наконец он добрался до автобусной остановки.

— Почтеннейший, вам в Кантхо?

Давно не приходилось Луану слышать это ничего не значащее обращение. Он тут же вспомнил, что вернулся в общество, где один другого называет «превосходительством», «хозяином», «почтеннейшим»... Обращение «товарищ» здесь возможно лишь в безлюдном месте, да и то шепотом.

С собой у Луана не было никаких вещей. Кондуктор окинул его взглядом и проводил к еще пустому автобусу. Луан заметил, что кондукторы вне зависимости от согласия

пассажиры забирают у них сумки, коробки, пакеты и небрежно швыряют в багажник, установленный на крыше автобуса. Первый контакт со странным обществом, в котором ему предстоит вращаться.

Но этим дело не кончилось. Не успел Луан опуститься на сиденье, как в дверь и окна просунулись десятки рук. Ему предлагали сахарный тростник, арбузы, блинчики с мясом, сигареты, лотерейные билеты, газеты...

Он купил пачку сигарет «Руби куин», коробку спичек и газету за 10 декабря 1954 года. Над всеми восемью столбцами первой полосы шел заголовок: «Профессор Нго Нгок Дои ушел в отставку с поста генерального комиссара по делам беженцев, его пост занял доктор Фам Ван Хюен». Два других заголовка в газете были набраны таким же крупным шрифтом: «Министр Фам Зуй Кхием назначен верховным комиссаром Вьетнама во Франции», «Генерал-майор Нгуен Ван Ви стал главным инспектором армии вместо генерал-полковника Алессандри».

Луан подумал, что все трое — Фам Ван Хюен, Фам Зуй Кхием и Нгуен Ван Ви — известны своими профранцузскими настроениями, и для Зьема они лишь временный мостик на переходный период.

Автобус медленно заполнялся пассажирами. Луан успел прочитать все новости и принялся было за передовую статью, подписанную Кхай Минем. Кхай Миня он знал и в прошлом встречался с ним. В статье упоминалось о разогнанной с кровопролитием мирной демонстрации — это произошло больше пяти месяцев назад, сразу после подписания Женевских соглашений. Автор статьи умело воспользовался напоминанием об этом для изложения заявления Комитета защиты мира, в который входили свыше трехсот интеллектуалов.

Луан сложил газету: дальше можно было не читать. Даже первых сообщений достаточно, чтобы понять обстановку: начавшиеся выступления народа за мирное воссоединение родины были немедленно потоплены в крови.

Погруженный в размышления, он не заметил, что сидящий рядом пассажир, скосив глаза, читает его газету. Когда Луан случайно бросил на него взгляд — это оказался худой мужчина в годах с сомовыми усами, в больших темных очках. Луан тотчас предложил ему газету. Пассажир поблагодарил и погрузился в чтение.

«Шпик? — спросил себя Луан. — Вполне возможно. Темные очки в большой оправе часто применяют для слежки шпики».

Позади сидели несколько человек, явно не относившихся к трудовому сословию. Да и шофер что-то слишком нахально глазел на него. А уж кондуктор — тот явно выглядел подозрительно.

Автобус тронулся. Сосед вернул Луану газету, набил трубку и закурил. Дым поднимался кругами, и курильщик не спускал с Луана глаз.

Дорога была плохая, автобус то и дело подбрасывало на выбоинах. Луан развеселился в душе: сегодня, на другой стороне, он сталкивается с делом рук своих бойцов и их помощников из местного населения. Это они накопали канав поперек шоссе.

Проехали мимо укрепленного пункта Нято. Башня его рухнула, только развалившиеся стены из темного, закопченного камня остались. Луан попытался вспомнить детали ночного штурма, поискал глазами канаву, но которой когда-то полз.

Автобус остановился перед шлагбаумом полицейского поста. Всем пассажирам было приказано выйти наружу. Полицейские тщательно осмотрели багаж, потом по одному начали приглашать людей в здание поста.

— У вас есть документы?

Этот вопрос задал Луану человек тоже в темных очках. Документы имелись. Правда, это был фальшивый пропуск, напечатанный в подпольной типографии по трофейному образцу. При обычной проверке полицейские не смогут обнаружить подделки, а в случае лабораторной экспертизы дело пойдет по-другому. Луан надеялся, что в придорожном полицейском посту нет микроскопа, но этот очкастый его беспокоил. Почему он задал такой вопрос?

Как и предполагал Луан, начальник поста не стал разглядывать удостоверение личности, но Луана смерил взглядом с головы до ног.

— Куда направляетесь? — спросил он.

Не успел Луан ответить, как его сосед по автобусу, пассажир в больших очках, протянул полицейскому свои документы.

— Да не надо мне твоих бумаг, Шау! Начальник поста отстранил удостоверение локтем и весело рассмеялся, они друг с другом на «ты».

— Плохо дело, — подумал Луан.

В этот момент очкастый взял его за руку и сказал:

— Мы с приятелем ездим узнать цены на рыбу в Фунгхьепа, сейчас направляемся в Лонгсуен...

Начальник поста удивился:

— Вот как! Он, оказывается, едет вместе с тобой!

Попутчик Луана достал сигареты, угостил полицейского и как бы случайно оставил пачку на столе.

Только теперь Луан разглядел, что ничего подозрительного в старике нет. Да и остальные пассажиры в его глазах стали добрее.

* * *

Луан собирался пересест на автобус, идущий в Сайгон, когда к автобусной станции на большой скорости подкатил черный «ситроен». Из машины вышел невысокий мужчина в очках, черной сутане с распятием на груди — священник. Он бросился к пассажирам и начал расспрашивать, где автобус, прибывший из Фунгхьепа. Именно на этом автобусе, пришедшем первым рейсом, приехал Луан.

Человек в темных очках, которого полицейский назвал Шау, тоже направлялся в Сайгон. Он стоял рядом с Луаном у билетной кассы. Священник подошел к кассе и вежливо, на говоре, свойственном жителям Хюэ, спросил:

— Извините, господа, вы приехали из Фунгхьепа. Нет ли среди вас Робера Нгуен Тхань Луана?

Луан поздоровался со священником и назвал себя. Пастор обрадовался:

— Какое счастье! Я так и думал, что вы поедете ранним рейсом. Правильно. Господин епископ приглашает вас к себе. Я вас подвезу на машине.

Шау, услышав это, удивился. Луан протянул ему руку:

— Спасибо, господин Шау. Вам в Сайгон, а мне надо заехать в Виньлонг...

— Священник вас встречает? — Шау глазами показал на пастора.

Луан кивнул:

— Так уж получилось...

Шау не дал ему закончить:

— Мне ведь не надо в Сайгон, я только хотел вас проводить. Мне — в Ратьзя.

Луан понял. Шау беспокоился, что в дороге его ждут неприятности, и потому решил ему помочь. Старик, конечно, сообразил, что он участник Сопrotивления. Возможно, он догадался об этом по его вышедшему из моды костюму.

Луан еще раз крепко пожал руку Шау. Но Шау, глаза которого были устремлены на «ситроен» и священника, совсем растерялся и неохотно ответил на его рукопожатие. Луан ничего не мог ему объяснить. Он поклонился и послал попутчику на прощание многозначительный взгляд.

* * *

Машина затормозила у парома. Впереди стояла колонна «студебеккеров», в кузовах которых сидели солдаты. Видно, какая-то часть из западных провинций дельты Меконга отводится в Сайгон. Уже полгода прошло после провозглашения мира, но по лицам солдат этого нельзя было сказать. Люди выглядели изможденными и озлобленными. Французские офицеры, сидящие в джипе, свистели вслед каждой проходящей женщине, как делали и раньше. Были нахалами, нахалами и остались. А смелости у них поубавилось.

Со стороны центра города появилась полицейская машина с сиреной, за ней следовали блестящий «крайслер» со звездно-полосатым флагом на флагштоке и машина с охраной — пять или шесть американских военных полицейских в сверкающих касках с буквами «MP».

Священник повернулся к водителю и распорядился:

— Поезжай за ними.

Он наполовину высунулся из «ситроена», демонстрируя свою сутану и висящее на груди распятие. Машину пропустили без очереди под злые взгляды солдат марионеточной армия и недобрые ухмылки французских офицеров. Возгласов в «ситроене» не было слышно, но, похоже, его провожали ругательствами. Жизнь показала Луану реальную иерархию, устанавливающуюся в Южном Вьетнаме: сначала американцы, а за ними — церковники.

Паром пересекал реку Хау. В течение всей переправы вокруг царил шум: торговцы зазывали покупателей и ругались с ними, через репродуктор на полную мощность транслировались предсказания какого-то прорицателя из религиозной секты Хоахао, звучали гитары нескольких групп нищих. Когда выезжали на другой берег, священник спросил:

— Вы давно не были в городе? Замечаете, какие произошли перемены?

— Перемен много. Солдат, например, стало больше. Нищих тоже. И вот еще новое. — Луан показал глазами на «крайслер».

— Вы имеете в виду американцев?

— Да, новые гости...

— Больше не гости. Это друзья.

— Друзья или хозяева?

Задав этот вопрос, Луан рассмеялся. Священник последовал его примеру.

Луан не хотел продолжать беседу с пастором. Стремительное течение реки Хау навеяло воспоминания. Место здесь широкое, а паром пересек его всего за десять минут. В годы войны Луан на самом узком отрезке больше часа переправлялся из Кантхо в Чаон. Однажды на этой реке ему пришлось вести неожиданный бой: лодка, в которой он плыл с отделением бойцов дождливой ночью, натолкнулась на патрульный катер, дрейфовавший с выключенным мотором по течению. Когда на катере вспыхнул прожектор, Луан приказал открыть огонь. Сам он выхватил у одного из бойцов ручной пулемет и дал очередь по прожектору. Прожектор погас. Карманные фонари не дают достаточно света, чтобы ночью да еще под дождем высветить лодку. Когда же со стороны Каитхо стали пускать осветительные ракеты, они уже скрылись в лабиринте каналов.

Возможно, в будущей жизни ему больше не придется сталкиваться с речным патрулем. Но и сегодня в столкновении на пароме было что-то от встречного боя: «крайслер» с американским флагом, охрана, да и этот не вполне освоившийся со своей ролью священник. Немало преград предстоит преодолеть, хотя внешне все будет выглядеть по-иному.

Проехали Кайвон. Через каждые двести метров на дороге виднелись посты солдат Хоахао. Вот здание молельни, построенное по типу блокгауза, с висящими снаружи громкоговорителями. Молельня окружена бруствером и забором из колючей проволоки. Солдаты в соломенных конических шляпах, черной форме угрожающе смотрят по сторонам. Дома верующих, около каждого столб с хоругвью — ритуал, введенный властью

большого военного, политического и религиозного аппарата. Вряд ли все или почти все члены секты понимают значение обрядов, той чепухи, которой каждый день им забивают головы.

Вот оно, антикоммунистическое наследие французского колониализма.

Священник, сидевший рядом с шофером, повернулся к Луану и ехидно заметил:

— Мы сейчас проезжаем места, которыми правит генерал Нам Лыа — «пять огней».

Он и водитель расхохотались. Пастор продолжал:

— В едином государстве нельзя допускать существования удельных княжеств. А провинции Лонгсуен, Тяудок, Кантхо, Виньлонг и Садэк усеяны постами Хоахао. У них здесь собственные законы, они собирают собственные налоги. Народу тут живет не сладко!

Выслушав это, Луан заметил, что священник говорит лишь о Хоахао. Почему же он не упоминает о районах контроля религиозных сект Каодай, Биньсюен, «мобильных отрядов христианской обороны» французского ставленника Леона Леруа? Очевидно, правительство Зьема выбирает в рядах своих противников тех, кого надо ликвидировать в первую очередь.

— Скоро от них ничего не останется!

Как бы иллюстрируя свои слова, священник развел в стороны руки и вдруг ударил ладонью о ладонь. По-видимому, из-за привычки раздавать благословения этот жест пастора, означавший стирание противника в порошок, получился слабым и каким-то вялым.

— Вы не слышали, — продолжал он, — как Чан Ван Соай съездил в Гонконг?

Луан читал об этом в одной из сайгонских газет. Он не всему сообщению поверил, но по отрывочным сведениям понял, какие силы французы подтягивали во Вьетнам в отместку американцам.

В 1947 году Бао Дай жил в Гонконге. Он тогда уехал из Ханоя в Китай и не пожелал вернуться на родину. В то время он именовался Винь Тхюи и считался советником правительства ДРВ. Видимо, тогда с его губ случайно сорвалась фраза: «Во сто раз лучше быть гражданином свободного государства, чем королем поработенной страны».

Вооруженная борьба народа против колониального господства французов разгоралась по всей стране. И Вао Дай в очередной раз добровольно стал марионеткой. Чтобы придать видимость пристойности разыгрываемому ими спектаклю, французы направили из Сайгона в Гонконг группу своих приспешников, дабы те нанесли бывшему императору визит, выразили ему доверие и позвали бы его вернуться на родину. Членом этой группы «известных деятелей и представителей всех слоев населения», насчитывавшей двадцать четыре человека, был генерал-майор Чан Вам Соай, он же Нам Лыа. Приехав в Гонконг, Нам Лыа напялил на себя генеральский мундир и направился на прогулку. На улице он встретил Чинь Хынг Нгау — инженера и изобретателя, под началом которого ему в прошлом приходилось работать. Именно благодаря автомобильным газогенераторам, изготовляемым им для Чинь Хынг Нгау, его прозвали «пять огней».

Чинь Хынг Нгау полюбовался на генеральскую форму Соая, но сказал:

— Ты сейчас в английской колонии, а в английской армии нет генералов с одной звездой на погонах. Так что, если ты в таком виде будешь гулять по улицам, полиция сочтет тебя за самозванца и закует в кандалы.

Испугавшись, Нам Лыа снял погоны и засунул их в брючный карман.

Луан не засмеялся. Не над чем было смеяться. Не заставили его развеселиться и подробности, которыми с удовольствием делился священник:

— У Соая три официальные жены. Одна из них Лыу Ким Динь, другая — Доан Хонг Нгог, третья — Фан Ло Хоа...

— Фан Ло Хюэ, вы хотите сказать, — вклинился шофер.

— Пусть будет так. Это все театральные псевдонимы. Они настоящие артистки, лауреатки конкурсов. Ходят все время с мечами и не на шутку сражаются ими друг с другом.

Машина подъехала к воротам провинциального центра Виньлонг. Возле ворот висела огромная реклама французских сигарет «Голден клуб», а под рекламным щитом монашенка из секты Хоахао в длинном национальном платье, но с шиньоном читала в микрофон проповедь.

Душа Луана наполнилась болью и сочувствием. Священник же лишь наклонил голову, как капризный ребенок, и растянул губы в усмешке. Звуки буддистской молитвы неслись вслед машине.

9

«Ситроен» разворачивался вокруг клумбы на перекрестке, когда раздался полицейский свисток. Сзади появилась группа полицейских, в которой было несколько человек в штатском.

Луан понял, что это не простая проверка. Это было видно прежде всего по взволнованному священнику, по взглядам, которыми священник и водитель быстро обменялись, когда раздался свисток. Они ждали приказа остановиться и остановились сами.

— В чем дело? — Это пастор в нарочитой спешке открыл дверцу и вышел из машины. Он подошел к полицейским, предъявил документы. Однако офицер, начальник патруля, покачал головой, жестом показал ему отойти в сторону и шагнул к машине. Священник пожал плечами, как бы говоря Луану: я сделал все возможное, но они не слушаются.

Шофер откинулся на спинку сиденья, опустил руки с руля, безмятежно положив ногу на ногу, и не произнес ни слова.

Офицер церемонно отдал честь Луану и хриплым голосом сказал:

— Извините, господин, прошу предъявить документы.

Луан извлек из кармана сложенный в несколько раз большой машинописный лист с красной печатью и своей фотографией. Фотография здесь была не такая, как на удостоверении, которое он предъявлял утром на полицейском посту в Кантхо.

Луан отметил про себя изумление, охватившее офицера, а также пастора и водителя.

Не прочитав документ, полицейский угрожающе потребовал предъявить удостоверение.

— У меня нет другого удостоверения, кроме этого, — спокойно ответил Луан.

Только теперь офицер прочитал бумагу. В верхней части листа было напечатано: «Демократическая Республика Вьетнам». В левом углу — «Административный комитет Сопротивления, провинция Ратьзя, уезд Хонгзан». И ниже — «Дорожное свидетельство». Затем шел текст: «Председатель административного комитета Сопротивления уезда Хонгзан в соответствии с пунктом «d» статьи 14 раздела II соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, подписанного в Женеве 20 июля 1954 года, а также на основании пункта «с» статьи 14 раздела II того же соглашения настоящим разрешает Нгуен Тхань Луану, бывшему заместителю командира полка вьетнамской Народной армии, 1921 года рождения, вернуться на жительство в Сайгон в соответствии с его пожеланием. Прошу местные власти оказывать ему содействие. Хонгзан, 5 декабря 1954 года. Председатель Ха Ван Бинь».

На листе также стояла печать совместной комиссии по прекращению войны, подпись майора ВНА Ван Тунга, порядковый номер 0037, отметка об уведомлении Международной комиссии по контролю за прекращением военных действий.

Офицер замешкался. Потом произнес:

— Эта бумажка недействительна... — Он вернул лист Луану.

— Я гражданин Демократической Республики Вьетнам и, более того, офицер армии Сопротивления. Для меня это законный документ, — проговорил Луан, складывая удостоверение.

— Мы не знаем такого уезда — Хонгзан. По-видимому, офицер не был заранее подготовлен и говорил первое, что придет на ум.

— Тогда позвольте мне спросить вас, кто вы такой и какое имеете право проверять мои документы, — все еще деликатно спросил Луан.

— А, вы хотите законных оснований? Пожалуйста. Я лейтенант Ле Ван Тху, начальник отделения полицейского управления.

Офицер предъявил Луану запечатанное в пластик удостоверение, на котором стояла подпись начальника управления полиции.

Луан усмехнулся:

— Весьма сожалею, но я не знаю вашего начальника. К тому же по нашему административному делению эта провинция называется Виньча, а не Виньлонг. Поэтому я не считаю проверку моих документов законной.

Говоря это, Луан открыл дверцу машины и вышел наружу. Тем временем на перекрестке скапливались прохожие. За «ситроеном» к перекрестку подошли и начали сигналить другие машины.

— Но, — громко говорил Луан, — если вы хотите арестовать меня, я готов следовать за вами. Вы необоснованно задерживаете бывшего участника Сопротивления и ответите за это перед Совместной комиссией по прекращению военных действий, а также перед Международной контрольной комиссией. Куда вы меня сейчас поведете? Наручники надевать будете?

Офицер не знал, как ему поступить. Он украдкой взглянул на священника, тот незаметно покачал головой. Полицейский неожиданно заявил:

— Кто вас собирается арестовывать? Мы только спросили документы. У вас они есть, так и поезжайте, на здоровье, дальше.

Он развернулся, махнул рукой в сторону людей, собравшихся вокруг машины.

— Это зачем вы здесь столпились? Немедленно разойтись! Хотите, чтобы вас доставили в участок?

Пастор пригласил Луана в машину. Себе под нос он бурчал что-то неодобрительное, то ли по поводу ретивости удаляющегося офицера, то ли по поводу небрежности полицейского поста. Машина тронулась с места, и Луан помахал рукой толпе.

* * *

Нго Динь Нью, в поношенных брюках из тонкого полотна и в мятой рубашке с короткими рукавами, пристроился на пуфе в кабинете епископа. Размеренными движениями протирал он полирующим составом давно не знавшую ухода гитару. Епископ Нго Динь Тхук, как всегда импозантный, сидел за столом из черного дерева. Братья хранили молчание.

Нго приехал к епископу рано утром. Он хотел лично наблюдать за ходом спектакля, разыгрываемого под его режиссурой. Нью не верил в актерские дарования брата.

В семье Нго глубоко чтит феодальные порядки, традиции повиновения старшим. Старинный, почтенный род. Нго Динь Кха был регентом при императоре. Двое его сыновей достигли немалых высот: Нго Динь Кхай стал губернатором, Нго Динь Зьем с должности начальника уезда стремительно вознесся до поста губернатора провинции, а затем стал министром по делам гражданских чиновников при дворе. Еще один сын, Нго Динь Тхук, добился успеха в иной области: в 28 лет он пастор, а в 41 год — епископ.

Когда Тхук получил пасторский сан, Нью было восемь лет. Ко времени, когда младший брат окончил школу, Тхук уже стал епископом. Дистанция между ними составляла целое поколение, ведь Тхук родился в конце прошлого века, а Нью — после первой мировой войны.

Дальнейшие жизненные перипетии в какой-то степени нарушили эту четко сложившуюся иерархию. Звезда Нью взошла в тот самый момент, когда позиции дома Нго пошатнулись. Нго Динь Кхай был приговорен революционным судом к смертной казни. Немалый кровавый долг перед народом был и у Нго Динь Зьема, но благодаря гуманной политике

правительства ДРВ он получил помилование. В такой неблагоприятной обстановке и сан епископа не давал никаких преимуществ. Тогда основное бремя по содержанию семьи взял на себя рядовой чиновник Нго Динь Нью. Его заслуги были немедленно вознаграждены, когда к власти пришел Зьем. Для окружающих Нью оставался всего лишь советником, младшим братом премьер-министра. Однако именно Нью составил план мести Бао Даю и французам, которые в прошлом сместили Зьема. Именно Нью стоял сегодня у кормила «первой республики» в Южном Вьетнаме.

Власть и успехи в какой-то мере приучили Нью свысока поглядывать на двух старших братьев. Конечно, он называл Тхука старшим братом, епископом, но на этом его почтение заканчивалось. Что же касается еще двух братьев — Луана и Кана, то их он ни во что не ставил.

* * *

Нью с особым вниманием отнесся к истории с Луаном. Их семьи поддерживали тесные отношения издавна — с момента получения Нго Динь Тхуком сана епископа. Откровенно говоря, епископ Тхук многим обязан отцу Нгуен Тхань Луана. Он должен был возглавить отделенный от его родных мест большой приход, и без установления добрых отношений со здешними влиятельными кругами ему вряд ли справиться с возложенной на него миссией. Католиков в Виньлонге, да и в целом в долине Меконга проживало сравнительно немного, но все они имели глаза и уши, эти глаза и уши относились в основном к интеллигенции. В глубине души Тхук был весьма благодарен инженеру-электрику Рене Нгуен Тхань Луану за бескорыстную помощь.

Взявшись за перестановку фигур на шахматной доске Южного Вьетнама, Нью отчетливо видел брешь, которую семье Нго необходимо было закрыть любой ценой. Требовались какие-то связи с участниками войны Сопротивления. Только тогда можно придать видимость правдивости провозглашаемым администрацией антиколониальным лозунгам. Перебежчиков и предателей хватало, но чего они стоили? Чинь Кхань Ванг, например, был заместителем командующего зоной, но все знали, что он болтун и бездельник.

К тому же со времени своего дезертирства Чинь Кхань Ванг тесно примкнул к секте Биньсюен. Поэтому, оценивая и переоценивая ситуацию, Нью пришел к выводу, что Робер Нгуен Тхань Луан для него самая ценная находка. Тогда Нью и подсказал Тхуку написать письмо. Нью с нетерпением ждал Луана, надеялся на его приезд до подписания Женевских соглашений. Но тот не оправдал его ожиданий. Впервые Нью пришел к выводу, что посулами Луана к капитуляции не склонить.

Узнав о предстоящем возвращении Луана в город, пусть даже после Женевских соглашений, Нью откровенно обрадовался. Никуда он теперь не денется. И Нью подстроил дело так, чтобы Луана задержали, как лицо, пытавшееся скрытно пробраться в город по фальшивым документам. Здесь Нью собирался сыграть роль благодетеля.

* * *

Зазвенел телефон — Нью поднял трубку. Епископ пристально следил за ним.

— Да, это я. Как? Не получилось? Говорите яснее! Нью швырнул трубку. Лицо его исказила гримаса, В дверь осторожно постучались.

— Войдите, — сказал епископ.

Дверь открылась, и в кабинет вошел священник, встречавший Луана. Согнувшись в поклоне, священник проговорил:

— Извините, святой отец и господин советник, он приехал! — Голос его звучал виновато.

Епископ вопросительно взглянул на брата. Нью сказал:

— Святой отец, встретьте его!

Нго Динь Тхук встал из-за письменного стола и вышел из комнаты.

Нью поднялся с пуфа, открыл окно, проследил, как Луан выходит из припаркованной у обочины дороги машины, входит в ворота. Шел он уверенно, несмотря на явно неудобный, сшитый не по мерке костюм. По пути бросал взгляды на горшки с цветами, расставленные в саду вдоль дорожки к епископскому дому.

— Однако он не робкого десятка, — пробормотал Нью. Раньше ему приходилось видеть Луана лишь на фотографиях, и вот сегодня — первая встреча.

Нью сел в кресло, откинул голову на спинку и потер лоб.

10

В гостиной епископского дома было сумрачно. Луану пришлось на мгновение задержаться в дверях. Он осмотрелся и только после этого разглядел епископа, с улыбкой на лице ожидавшего его посреди комнаты. Луан ступил на ковер и подошел к епископу. Нго Динь Тхук собрался обнять молодого человека. Когда он раскрыл свои объятия, Луан опустился на колени. Епископ поднес к его лицу руку с золотым перстнем. Луан с почтением приложился к руке губами.

— Давно не встречался с вами, святой отец, и сегодня очень рад видеть вас в добром здравии, — сказал Луан, прежде чем опуститься на предложенный епископом стул.

— А вы несколько не изменились, — широко улыбаясь, констатировал Нго Динь Тхук.

— Спасибо, святой отец, что послали встретить меня...

— О, нужно ли об этом говорить! Я исходил из своих отношений с вашей семьей, — перебил гостя епископ. — Здоров ли Жан?

— Спасибо, святой отец. Брат здоров.

— А его супруга?

— Спасибо...

— Сколько у них детей?

— Детей у них пока нет, святой отец.

Епископ сокрушенно поцокал языком:

— Вот беда... Они ведь оба уехали на Север?

— Да, святой отец.

— Со времени кончины вашего отца прошло уже почти три года. Время быстротечно... —
Епископ вновь цокнул языком.

— Святой отец! — Луан сел прямо и вежливо продолжил: — Сегодня, исполнив свой гражданский и христианский долг в деле завоевания независимости нации, перед тем, как вернуться к нормальной жизни, я счел себя обязанным прежде всего явиться к вам, моему духовному наставнику, руководителю паствы, к которой я себя отношу, чтобы пожелать вам доброго здоровья и попросить благословения...

На лице епископа расцвела довольная улыбка, он осенил Луана крестным знаменем и зашептал молитву.

* * *

Ню решил вступить в контакт с Луаном в доме епископа. Ему надо было прийти к какому-то определенному выводу. Поэтому обед, задуманный как встреча настоятеля с прихожанином, стал трапезой для троих.

Не ожидая представлений, Луан приветствовал Ню:

— Здравствуйте, господин советник!

Появление Ню подтвердило предположения Луана, что Ню не может больше ждать. Сегодняшний обед станет либо «благословением» Луана, либо решающей проверкой перед тем, как сдать его полиции. Луан хорошо помнил слова Ты, сказанные ему во время последней встречи: «Тебе придется играть с врагом втемную, не зная его карт».

Первая партия этой игры началась сегодня утром.

Епископ сел во главе стола, Ню и Луан заняли места напротив друг друга. Луан много слышал о своем визави, но лишь сегодня ему представилась возможность разглядеть его: худощавый, узкие губы, бледное лицо, высокий лоб. Судя по внешним данным, если Ню берется за дело с головой, то он становится достойным противником. Но в то же мгновение Луан увидел и слабость Ню: он любит «манерничать» — обычный комплекс вождизма. Вот он высокомерно, как бы делая одолжение, подает руку с расслабленными пальцами. Усевшись за стол, тотчас откидывается на спинку стула, кладет ногу на ногу. Особенно характерно звучит его снисходительное:

— Ну, как здоровье?..

Ню тоже «прощупывал» Луана: негодяй, но ведет себя корректно, глаза умные, интеллигент, из богатой семьи, а терпел лишения девять лет... Епископ поднял бокал:

— Предлагаю тост за католика Робера Нгуен Тхань Луана, сына нашего уважаемого друга. За сегодняшнюю семейную встречу.

Луан поднял бокал и, глядя прямо в глаза Ню, осушил его.

Затем тост произнес Ню. Он сказал:

— Сегодня святой отец и я радуемся нашей встрече с господином Луаном. Как только что отметил святой отец, мы встречаемся по-семейному. Мне хотелось бы, чтобы эта встреча прошла в духе искренности и принесла пользу. Прежде всего предлагаю выпить за доброе здоровье нашего вернувшегося друга.

С третьим тостом выступил Луан. После блюда из креветок Ню, крутя за ножку рюмку с белым вином, спросил:

— Господин Луан, не могли бы вы нам сообщить, с какими намерениями вы вернулись?

Луан широко улыбнулся, не торопясь положил себе на тарелку кусок рыбы; помолчал, наслаждаясь ароматом, исходившим от соуса, и лишь после этого сказал:

— Я обратил внимание, что господин Ню дважды употребил в отношении меня слово «вернулся». Но я не уезжал ни во Францию, ни в Америку, а все время оставался во Вьетнаме. Как же в таком случае говорить о моем «возвращении»?

Епископ незаметно взглянул на Ню. Ню поспешно ответил Луану:

— Тяжелый у вас характер! Вы ведь в прошлом жили в городе и сейчас возвращаетесь в город. Именно в этом смысле я и говорил.

— Если в вашем вопросе нет скрытого смысла, я хочу заметить, что очень рад нашей сегодняшней встрече. Я не являюсь чьим-то слепым вассалом и никогда им не стану, — жестко сказал Луан. Затем, чтобы разрядить обстановку, он перевел разговор на литературу и даже засмеялся.

Ню поддержал его смех. Выпили еще немного вина, и Ню вернулся к прежней теме:

— Вопрос всерьез: что вы намерены делать?

— Вот это хороший вопрос. Я солдат и, как солдат, ценю мир. В конечном счете мы проливали кровь во имя окончательного прекращения кровопролития. Я сделаю все ради прочного мира после того, как сделал все для завоевания независимости, плоды которой мы все теперь пожинаем.

Ню взглянул на Луана испытующе:

— Вы твердо убеждены, что правильно действовали последние девять лет?

— По-видимому, господин Ню не хуже меня знает, что в это верю не только я, но и все участники Сопrotивления. Неужели вы сами в это не верите?

— Поначалу война Сопrotивления отвечала чаяниям всего народа, но затем коммунисты стали присваивать себе все заслуги, и борьба за национальное освобождение превратилась в борьбу идеологий.

Луан громко расхохотался. Епископ, не зная, что предпринять, взял другие тарелки и положил Ню и Луану по куску ароматного бифштекса, который только что принесли с кухни.

— Угощайтесь...

Ню закурил сигарету; он с видимым усилием сдерживал неудовольствие.

— Извините за смех, — сказал Луан, делая ударение на каждом слове. — Господин Ню мог счесть меня невежливым, но его вопрос показался мне смешным. Я не думал, что вы об этом можете спросить. Чан Ван АН, Хо Хыу Тьонг, Нгуен Тьонг Там, Бай Виен¹⁹ и подобные им люди недостаточно грамотны, вот они и придумали такую отговорку, чтобы объяснить трусость, помешавшую им участвовать в войне Сопротивления до конца. Но ведь вы высокообразованный человек, прочитали много книг, известны как крупный идеолог, и вы не можете допустить такой ошибки.

Ню выпустил большое облако дыма.

— Какой ошибки, в чем?

— Вы согласны, что война Сопротивления принесла явную пользу господину Нго Динь Зьему? Или вы считаете, что поворот на сто восемьдесят градусов, совершенный французами, которые сначала отправили господина Зьема в отставку, а теперь стали дорожить им, вызван их добрыми побуждениями? Не кажется ли вам, что, не будь войны Сопротивления, не будь достигнута в ней победа, господину Зьему пришлось бы всю жизнь прожить в изгнании? Даже и вам, господин Ню, наверняка пришлось бы забыть о месяцах и днях, проведенных в библиотеке. Так что участники Сопротивления не только не присвоили себе заслуги, но и поделились плодами победы с людьми, в том числе даже с людьми, не имеющими никаких заслуг, если не сказать хуже! И тем не менее вдруг возникает тема присвоения коммунистами чьих-то заслуг. Эта тема для комических актеров, но не для нас с вами.

Епископ забеспокоился. Он увидел, что физиономия у Ню вытянулась. Луан нанес болезненный удар по его самоуверенности.

— Когда другие кричат о «происках коммунистов», это понятно. Но если им станут подражать господин Зьем и господин Ню, это вызовет недоумение. Участников Сопротивления, которые в течение долгих девяти лет терпели тяжелейшие лишения, жертвовали жизнью, вдруг обвиняют в покушении на чьи-то заслуги. Вам не кажется это комичным? Вы также говорили о борьбе идеологий. Мне кажется, что это привычка к самовнушению. Действительно, борьба идеологий имела место: Нгуен Хай Тхан и Ву Хонг Кхань на Севере, Бай Виен и Нгуен Хоа Хиен на Юге, еще не начав сражаться, капитулировали перед французами. Они хотели, чтобы весь народ сложил оружие и вернулся под иго рабства. Абсолютное большинство участников Сопротивления не пошло на предательство и решительно продолжило борьбу до победы. В этом и состояла борьба идеологий.

— Вы фанатик! — нашелся Ню.

— Похоже, господин Ню, вы имеете в виду фанатизм коммунистов. Но почему горячая любовь к родине не может быть присуща националистам? Вы преднамеренно причисляете националистов к пустоголовым людям.

— Нет, — попытался оправдаться Ню. — Я не говорил этого. Как бы там ни было, националисты в войне Сопротивления тоже не имеют права...

— Я ждал этих слов. Еще одна неправильная посылка. О каких правах вы говорите? Я участник Сопротивления с первого до последнего дня, есть ли у меня права? — Луан неожиданно рассмеялся. — Жаль, что здесь, в Виньлонге, находящемся под вашим управлением, я не могу показать, какими правами обладает националист, участник Сопротивления. Я командир, у меня есть право бить врага. И могу без хвастовства сказать, что бил врага неплохо, у меня много боевых наград. Мой старший брат был заместителем председателя комитета Сопротивления и имел права, предоставленные ему правительством. Хочу прямо сказать, что вы допускаете ошибку, позвольте мне так выразиться, когда противопоставляете себя Сопротивлению. Тем более в момент, когда война Сопротивления закончилась победой над французами, господствовавшими в нашей стране почти сто лет. Противопоставляя себя Сопротивлению, вы ослабляете свои позиции, ставите себя в невыгодное положение даже по сравнению с Бай Виеном и Нам Лья. Американцы могут дать вам многое, но не этот мощный национальный дух, если, конечно, не говорить об его эрзаце...

Ню закашлялся. Он начинал смотреть на Луана другими глазами.

— Вы сильный спорщик!

— Оратор из меня никудышный. Но я отстаиваю правду.

— Ладно, давайте допьём вино. Сейчас подадут суп.

Епископ почувствовал облегчение. Он поднял бокал бордо. Луан наклоном головы поблагодарил его, пригубил и сказал:

— Святой отец, я считаю, что победа в войне Сопротивления против французских колонизаторов — это победа всех вьетнамцев, в том числе и тех из них, кто во многом не согласен с коммунистами. В дальнейшем, если американцы останутся с нами, то единственное, чем мы сможем сдерживать их великодержавный подход, — это девятью годами войны Сопротивления.

Епископ согласно кивнул. Ню тоже. Луан как бы невзначай добавил:

— Великая война Сопротивления еще принесет католической общине Вьетнама мантию кардинала.

Наверняка чтобы скрыть волнение, епископ велел прислуживающему у стола священнику открыть бутылку способствующего пищеварению вина «кардинал».

— Чем мы можем вам помочь? — спросил Ню смягчившимся тоном.

— Сейчас я пока не вижу в этом необходимости. Тем не менее я благодарю вас.

— Двери моей канцелярии в резиденции премьер-министра всегда открыты для вас. Не стесняйтесь.

Ню чокнулся с Луаном и выпил рюмку до дна.

— А двери епископского дома были открыты для вас еще раньше, чем двери канцелярии моего брата, — удовлетворенно захихикал Нго Динь Тхук.

Чтобы Луан мог беспрепятственно продолжать путь, епископ попросил начальника виньлонгской полиции выдать ему удостоверение личности. В тот же день Луан явился в отделение полиции.

У главного входа Луана встретил лейтенант Тху. Лейтенант выглядел смущенным, но Луан сделал вид, что ничего не помнит.

Начальник полицейского отделения, человек с багровым лицом и золотыми зубами, вежливо попросил Луана вписать в анкету свои биографические данные.

Рассматривая сувенирные почтовые конверты, лежавшие на письменном столе под стеклом, Луан понял, что начальник полицейского отделения принадлежит к старым полицейским служакам, имеющим французское гражданство. Действительно, тут были конверты с подписью Перье, директора секретного департамента Индокитайского союза, Базиля, начальника южновьетнамской тайной полиции, Май Хыу Суана, начальника секретной службы восточных провинций. Звали начальника Гео Нам. Луан понимал, что этих людей ожидает малоприятная, если не сказать тягостная, перспектива. Поэтому-то они из кожи вон лезут, чтобы выслужиться. К тому же у них большой опыт, особенно в сфере борьбы с революционерами. Вот они и не ждут щедрот от нового хозяина.

Луан заполнил анкету. Бегло просмотрев ее, Гео Нам предложил Луану закурить, потом потер руки и промямлил:

— Вот такая формальность, господин агроном. Мы выдадим вам соответствующее закону удостоверение. По прежде мне нужно, чтобы вы прояснили некоторые пункты своей биографии. Поверьте, мне очень неприятно беспокоить вас.

Луан догадался, что Гео Нам его биографию прочитал бегло, а последующие вопросы оказались явно подготовленными заранее. Нетрудно было сообразить, кто подготовил их для начальника. Наверняка они и магнитофон включили.

— Прошу вас, приступайте, я готов пройти через этот допрос, — сказал Луан.

— Ну что вы, это не допрос! — воскликнул Гео Нам. — Поймите, господин агроном, его преосвященство в курсе, поэтому нам, право, очень неприятно.

— Прошу вас, господин начальник, приступайте.

— Вы предпочитаете отвечать на каждый вопрос или же выслушаете все наши вопросы, а потом ответите?

— Как вам угодно!

— Тогда позвольте начать... — повысил голос полицейский. — Скажите нам, пожалуйста, почему с поста начальника разведывательного отдела вы перешли в батальон?

— Мне не терпелось непосредственно участвовать в боевых действиях, — ответил Луан. Голос его звучал спокойно, естественно.

— Только по этой причине?

— Да, только по этой.

— Вы сделали это добровольно или по чьему-либо указанию?

— Ну, конечно, добровольно.

— Извините, господин агроном, в своей работе в разведке вы, очевидно, сталкивались с трудностями, которые связаны не с вашими способностями, а, скажем, с чьим-то контролем...

— Будем считать вашу догадку небезосновательной.

— Благодарю, но почему вы тогда не уехали на Север?

— Я хотел остаться на Юге.

— Командование поручало вам задания?

— Разумеется, поручало.

— Не могли ли бы вы немного рассказать, что это были за задания.

— Вы еще не знакомились с решением зонального комитета?

— Нет пока.

— Секретов тут нет никаких. Мы боролись за строгое соблюдение Женевского соглашения, в первую очередь за установление нормальных отношений между двумя частями страны, за консультации по проведению всеобщих выборов для объединения родины.

— Простите, но радио Ханоя говорит то же самое!

— Так я же сказал, что секретов никаких тут нет!

— Перед приездом в город у вас состоялись встречи с кем-нибудь из высшего руководства Юга?

— Да... Я встречался с председателем Южновьетнамского комитета Сопротивления судьей Фам Ван Батем, Нгуен Ван Кинем из Бюро ЦК. Само собой, были встречи с моим старшим братом Жаном Нгуен Тхань Луаном, затем с моими командирами.

— Спасибо, господин агроном. А теперь перейдем к другому вопросу. Каково ваше отношение к правительству страны?

— Во-первых, мне не совсем ясно, о каком правительстве господин начальник спрашивает, о правительстве Бао Дан или Нго Динь Зьема?

— Ну, скажем, о премьер-министре...

— Во-вторых, мое отношение точно такое же, как отношение господина Зьема к нашей родине, к участникам Сопротивления. — Немного помолчав, Луан продолжил: — Что

касается лично господина Нго Динь Зьема, то здесь я не скрываю своих чувств. Господин Зьем обладает государственным умом. Если по какой-либо причине наша страна не будет объединена в духе Женевского соглашения, я надеюсь, что он надежно обеспечит независимость Южного Вьетнама, добьется демократии в стране и обеспечит ей процветание.

Гео Нам быстро делал пометки. Луан отметил, что полицейский, однако, записывает без интереса. Главное, о чем Гео Нам размышлял или вспоминал, выразалось в новых вопросах.

— Ваши люди поддерживают с вами связь?

Этот профессиональный вопрос был задан в самый неожиданный момент.

— Да, — просто ответил Луан.

— Я не имею в виду коммунистические миссии в составе международной комиссии или же польскую миссию. Я спрашиваю вас о тайных связях.

Луан оставался спокойным.

— Я понимаю... Мой ответ такой же: да.

— Наверное, есть явка, пароль?

Луан улыбнулся. Гео Нам, увлекшись писаниной, недооценил собеседника.

— Как начальник полиций вы легко сообразите, что они, конечно, есть. Но я сразу хочу успокоить вас: я связываюсь с организацией только тогда, когда мне нужно, и наоборот. Вероятно, вы хотите узнать место и время, но, простите, вы сказали, что это не допрос, а раз не допрос, я оставляю за собой право не отвечать. Похоже, вы все время думаете о моей прежней работе в качестве начальника разведывательного отдела. Я вернулся к обыкновенной гражданской жизни не для того, чтобы поддерживать связь со своим старым разведывательным органом. Это для вас намного выгоднее, чем если бы я продолжал действовать в качестве сотрудника разведки.

— Господин агроном, — начал оправдываться Геа Нам. — Мы обдумываем сотрудничество на длительную перспективу. Я не интересуюсь мелкими деталями. Если мой вопрос обидел вас, прошу прощения. Скажите, чем вы теперь будете заниматься?

— Могу писать статьи, преподавать, возможно вступлю в общественные организации, например в профсоюз... — И вдруг Луан заявил с вызовом: — И не исключено, что могу действовать нелегально, даже уйти в зону, взяться за оружие! Пользуюсь удобным случаем, чтобы заявить властям: я не принес в город ни оружия, ни боеприпасов, ни взрывчатки, ни радиопередатчика...

— Мы верим вам!

— Повторяю, сейчас у меня лично ничего этого нет, и я в этом не нуждаюсь.

Гео Нам усмехнулся. Он подчеркнул слово «сейчас» в своих записях, немного подумал и подчеркнул также «у меня лично».

— Ваш ответ, господин агроном, совершенно ясен и точен. Хочу узнать, если вам предложат некоторое сотрудничество, что вы на это скажете? Само собой, на весьма выгодных условиях.

— Дело не в том, что мне предложат. Важно, какова общая политическая линия этих людей в отношении десятков миллионов сограждан. Вот мое единственное условие, — закончил Луан, нахмутив брови.

— Кажется, я впервые в жизни слышу столь хитроумные ответы. Хотя раньше мы были с вами по разные стороны линии фронта, все же хочу выразить свое восхищение. Есть еще один важный вопрос. Хочу, чтобы вы подумали и честно ответили...

Луан улыбнулся, чувствуя западню, которую ему готовит Гео Нам.

— Вы являетесь членом коммунистической партии, теперь она называется партией трудящихся?

Луан не спешил с ответом и продолжал улыбаться. Полицейский, затаив дыхание, ждал.

* * *

Подобная ситуация была предусмотрена заблаговременно, во время отработки легенды Луана с заместителем начальника управления безопасности Шау Дангом. Кроме него о задании Луана знали еще шесть человек, не считая Ша, Куена и одного сотрудника по имени Нгок. Непосредственная ответственность за новое задание Луана лежала на самом Шау Данге.

Действительно, Луан горячо убеждал Ты: если невозможно скрыть принадлежность к партии, то он просит направить его сражаться в сельскую местность. Он трезво оценивал свои силы и понимал, что ему не сыграть роль человека, предавшего партию.

Тогда Ты поручил Шау Дангу совместно с Луаном отработать легенду, в соответствии с которой тот на протяжении всего времени придерживался образа этакого повстанца-националиста, стоящего вне партии, здраво переосмыслившего свои убеждения и постепенно втягивающегося в атмосферу реакционного режима. Это непростая роль: Луан состоит в партии уже семь лет, работал секретарем парткома батальона, членом бюро полкового комитета партии, был на партийной работе в разведотделе. Он занимался вопросами партийной работы совместно с командованием 120-го сводного полка провинциальных частей равнинной зоны, со многими членами Исполкома Сопrotивления Южного Вьетнама, управления безопасности разведотдела и, конечно, 58-го полка и 420-го батальона, штаба зоны, бюро парткомов провинций.

В конце концов Шау Данг составил список, из которого стало ясно, что большинство людей, знавших о его партийной принадлежности, уехали на Север, а оставшиеся не представляют для Луана опасности.

Луан долго обдумывал этот момент своей легенды и раз за разом в мыслях оттачивал его.

* * *

Луан ответил, взглянув прямо в глаза Гео Нама: — Я знаю, что вас это интересует, и, к сожалению, должен ответить, что пока нет. — Говоря так, Луан продолжал улыбаться.

Гео Нам сделал вид, что взволнован, и на секунду взглянул на Луана.

— Я предполагал, что вы ответите «нет», однако вы ответили «пока нет». Наверное, второй ответ более разумен. Тем не менее позвольте выразить сомнение: каким образом Вьетминь решился доверить интеллигенту из почтенной семьи прозападного толка, католику, возглавить разведотдел, а затем крупное регулярное воинское подразделение, хотя он не является членом партии?

Луан был начеку и понял, что это кульминационный момент беседы. Он сказал:

— Вы имеете право сомневаться. Но то, что я пока не член коммунистической партии, объясняется очень просто: я верю в бога. А устав требует, чтобы член партии был атеистом. Я не вижу препятствий для того, чтобы не являющийся членом партии человек выполнял свой долг, поэтому никогда не ставил перед собой вопроса вступать или не вступать. А тяжесть ответственности? Прежний командующий силами Юга генерал-лейтенант Нгоен Бинь был членом народной партии. А вы слышали о Нгуен Фьонг Тхао? Это другое имя генерал-лейтенанта. Начальник управления полиции Юга страны Зиен Ба является руководителем вьетнамской партии независимости. А генеральный секретарь исполкома Сопrotивления Южного Вьетнама Чан Быу Кiem, руководитель демократической партии? Здесь, в Виньлонге, командир сводного полка Данг Ванг Тхонг — католик. Я мог бы продолжить список именами десятков людей, занимающих высокие посты, гораздо более высокие, чем мой, при этом они не являются членами коммунистической партии.

Гео Нам что-то быстро записывал, вдруг приостановился, а через секунду опять принялся конспектировать с прежней скоростью.

— Скажите, не являясь членом коммунистической партии, вы симпатизируете ей?

— Если бы я не симпатизировал, то как мог целых девять лет сотрудничать с коммунистами?!

— Можно сказать, что вы сочувствуете компартии или являетесь беспартийным коммунистом? — спросил полицейский по-французски.

— Как угодно... Надо называть вещи своими именами, — ответил Луан и добавил тоже по-французски: — Я участник Сопrotивления. Таков я есть.

Гео Нам вытащил носовой платок, вытер со лба пот и проямлил:

— Вы умный человек, господин агроном, исключительно умный. Я не буду вас больше спрашивать. Лишь в заключение хочу не то чтобы спросить, а попросить высказаться: что вы считаете самым важным для правительства премьер-министра Нго Динь Зьема на сегодняшний день и в будущем?

— Для ответа на этот вопрос не хватит нескольких минут и даже нескольких часов. Если же сказать коротко, то правительству Нго Динь Зьема необходимо разработать подходящую доктрину для раскрепощения духовной энергии масс, заложить основу политики на ближнюю и дальнюю перспективы. Суть этой доктрины должна быть вот в чем: государство и человеческое достоинство — как два главных положения. Помощь США не заменит доктрины. Без доктрины все усилия ничтожны...

Теперь Гео Нам записывал старательно, шевеля при этом губами.

— Благодарю вас. Наш разговор завершился успешно. Через несколько дней вы получите удостоверение. Только разрешите фотографу сделать фотографию четыре на шесть.

Гео Нам повел Луана в фотолабораторию.

— Хочу уведомить вас, господин начальник, что в ожидании удостоверения я буду жить в старом доме своих родителей, ходить в гости к родственникам и друзьям, — сказал на ходу Луан.

— Это ваше право, господин агроном... И если что-нибудь понадобится, стоит вам позвонить, и мы к вашим услугам.

* * *

Ню внимательно читал анкету Луана.

Имя: Нгуен Тхань Луан, Робер.

Гражданство: Вьетнам (раньше — Франция).

Родился: г. Виньлонг, 7 июня 1921 года.

Специальность: агроном (институт г. Ханоя).

Профессия: участник Сопротивления

Характер участия в Сопротивлении:

а) перевозка оружия с Севера на Юг (1945–1947 гг.);

б) начальник разведывательного отдела Южного Вьетнама (1948–1949 гг.);

в) начальник штаба 120-го сводного полка, заместитель командира 58-го полка, одновременно командир 420-го батальона регулярной армии Юго-Западной зоны (с 1950 г. по настоящее время).

Религия: католик.

Отец: Рене Нгуен Тхань Луан (умер).

Мать: Чан Тхи Тхюи (умерла).

Старшие братья: Луи Нгуен Тхань Луан, врач, проживает во Франции; Гюстав Нгуен Тхань Луан, инженер, проживает в Сайгоне; Жан Нгуен Тхань Луан, адвокат, состоит в Исполкоме Сопротивления Юга Вьетнама.

Старшие сестры: Кристин Нгуен Тхань Луан, архитектор, проживает в Италии; Маргарита Нгуен Тхань Луан, профессор, проживает в Англии;

Младшая сестра: Мария-Луиза Нгуен Тхань Луан, архитектор, проживает в Канаде.

Семейное положение: холост.

Партийность: беспартийный.

— Каково ваше мнение, святой отец? — спросил Нью.

Обычно Нго Динь Тхук очень осмотрительно отвечал на вопросы Нью, и на этот раз он ограничился общими словами.

— Вообще говоря, все это мы знаем. Правда, он не указал жен Луи, Гюстава, Жана, мужей Кристины, Маргариты, Марии-Луизы.

— Совершенно неясно! Это лишь чистый лист бумаги! — воскликнул Нью.

— Что вы имеете в виду? — удивился епископ.

— Слишком правдиво, слишком полно! Следовательно, здесь нет ни одной буквы правды!

— Что-то вы чересчур загадочно говорите, — удрученно вздохнул епископ.

— Я хочу сказать, что правдивость его анкеты доходит до немалой степени лжи.

— Ну, ладно, давайте-ка лучше послушаем магнитофонную запись. Может, после нее вы представите этого человека более точно.

Епископ включил магнитофон с записью разговора в полицейском отделении. Время от времени Нью останавливал запись и задумывался. Епископ подгонял его, настаивал прослушать пленку до конца.

Прослушав все, Нью долго ходил по комнате. Епископ осторожно поинтересовался:

— Вам еще что-нибудь непонятно? Видит бог, если он коммунист, то я первый посажу его на цепь.

— С точки зрения здравого смысла, я повторяю, в его ответах нет ни единого противоречия. Именно поэтому я и думаю: это хитрый тип. Из всего, что он рассказал, хотелось бы быть уверенным лишь в одном — действительно ли он не член компартии... — Нью вдруг перешел на шепот: — Святой отец, нам нужен, нам очень нужен такой человек, как этот чудесный парень!

Епископ просиял:

— Так вы ему доверяете?

Нью рассмеялся, а епископа вновь охватило раздражение — он нахмурился.

— Доверяю ли? — переспросил Нью. — Зачем же так разбрасываться доверием, святой отец? — Нью перестал смеяться и плотно сжал губы. И вдруг сказал:

— А все же вы правы, это тоже доверие. — Ткнув себя пальцем в грудь, затем показав на епископа, он высокопарно заявил:

— Я верю, но верю только нам!

После этого рука Ню повисла в воздухе, словно удерживая поводья коня. Он перемотал пленку назад и прослушал тот ее кусок, где Луан говорил о доктрине. Слышалось бормотание Гео Нама:

— Доктрина...

— Правильно говорит этот Нгуен Тхань Луан, — произнес Ню и выключил магнитофон. — Доктрина... Нужно ее иметь, если не хочешь, чтобы все рассыпалось в прах. А Гео Нам вспомнил это слово только после того, как перевел его на французский язык. К тому же перевел неверно. Нашей доктриной должно быть... — Ню выглянул из окна в сад. — Вам следует поскорее сделать ваши отношения с ним более близкими, святой отец, как бы семейными. Представьте дело так, будто считаете Луана приемным сыном, членом нашей семьи. Это же логично, ведь вы старый близкий друг Рене...

Внезапно Ню обернулся:

— Обратите внимание, какое исключительно увлекательное соревнование умов, темпераментов! Соревнование, в котором каждый из партнеров полностью раскрывает свои карты. Интересно!

Ню остановился посередине комнаты, закусил указательный палец правой руки, левой обхватил себя за грудь. Он задумался, и его тревожный взгляд уперся в скульптурное изображение богоматери.

12

Подполковник Май Хыу Суан слушал магнитофонную запись и рассматривал фотографию агронома Нгуен Тхань Луана. И то, и другое прислал Гео Нам по его приказу.

В кабинете царил тишина. Время от времени Суан брал из коробки щепоть голландского табака «Принц», набивал трубку и не спеша закуривал. Его смуглое лицо сливалось с темной обивкой спинки кресла. Плотно сжатая зубами трубка фирмы «Ла Брюйер» изредка шевелилась — это Суан глубоко затягивался и с удовольствием выпускал облако белесого дыма.

Уроженец одной из прибрежных провинций Центрального Вьетнама, Май Хыу Суан закончил коллеж в Сайгоне и начал жизнь начальником трамвайной станции Сомга. Он попросился на службу в охранку и был оформлен ее секретным осведомителем.

Вскоре начальник тайной полиции Кохинхины обратил внимание на способного и исполнительного работника, добившегося немалых успехов. Усилиями Суана были разгромлены многие коммунистические ячейки. За эти заслуги он был признан «стражем мира», то есть полицейским высокого класса. Этого звания удаивались лишь французы или лица с французским гражданством.

Когда в сентябре 1945 года французы вновь вторглись во Вьетнам, Суан приобрел еще более широкую известность. С должности начальника жандармского отделения Май Хыу Суан скакнул до положения третьего лица в иерархической лестнице тайной полиции Индокитая — сразу после директора управления охраны Перье и главы южновьетнамского филиала Базэна. Поручая Май Хыу Суану восточный филиал

спецслужбы, Базэн показал свое умение разбираться в людях. Немногословный, педантичный Май Хыу Суан умел действовать решительно и никогда не обременял себя эмоциями. Он глубоко вник в характер работы руководителя профессиональной секретной службы, не обладая, в сущности, никакими особыми талантами. День 9 марта 1945 года застал Май Хыу Суана в должности начальника полицейского участка Катина.

Среди заключенных здесь было немало людей, принадлежавших к прояпонской группировке. С приходом японской армии были арестованы все работники тайной полиции, включая Базэна. Разумеется, и Суан не явился исключением. Однако через десять минут после ареста его уже видели садящимся в автомобиль японской жандармерии, а еще через час Суан вернулся с красной повязкой на рукаве: его назначили помощником начальника жандармерии, собранной из вьетнамцев. Он немедленно пустил в дело списки французских агентов. Каждый из них был вызван в Катина и получил экстренное задание.

Япония капитулировала, грянула революция... Суан в числе первых записался в армию защиты родины. В суматохе множества различных забот никто не обратил внимания на какого-то Май Хыу Суана, совершенно неизвестного человека по сравнению, например, с губернаторами Тамом и Батем. Двадцать девять дней спустя, ночью 23 сентября, Суан с группой других бывших сотрудников военной разведки помог английской армии в захвате Катина, где тогда размещалась штаб-квартира сил самообороны Юга Вьетнама. Именно Суан, открыв замок на двери, ввел Базэна в его старый кабинет. А через миг он уже стал шефом управления специальной полиции.

Люди видели, что Май Хыу Суан «выплывал» при любых катаклизмах и после поражения французов при Дьенбьенфу. Действительно, Суан перестал быть начальником Восточного филиала: этот орган ликвидировали после того, как Вьетминь уничтожил Базэна. Тогда он в звании подполковника запаса устроился помощником генерала Хиня по вопросам армейской безопасности. Вскоре Хинь слетел с поста начальника генерального штаба, а вот Суан опять не пострадал. Его пригласил для доклада Ле Ван Ти. Полоса удач не кончалась — Ти представил Суана премьер-министру Нго Динь Зьему, и премьер-министр остался доволен этой встречей.

Под руководством подполковника Май Хыу Суана, утвержденного премьером в этом звании, служба армейской безопасности действовала гораздо шире своих полномочий. Поэтому Суан заполучил в свои руки ниточку, ведущую к одной значительной, по его оценке, фигуре во Вьетнаме — Нгуен Тхань Луану. Суан знал Луана как приемного сына епископа Нго Динь Тхука еще с 16 декабря 1954 года. Задача состояла в том, чтобы как можно раньше помешать этому малому с коммунистическими взглядами пролезть к придворной кормушке премьер-министра.

«Этот парень вернулся в город и сразу встретился с Нго Динь Тхуком. Что это значит? — размышлял Суан. — Что он давно работает на Нью? Нет. Он работал на той стороне начальником разведывательного отдела. Кажется, однажды он исхитрился забросить своего агента даже в Да, был тогда некий Томас Бокаль. Кроме того, через Тхыонг Конг Тхуана он добывал сведения от его зятя Мишеля Ми, бывшего заместителя Базэна».

Май Хыу Суан обладал хорошей памятью. Порывшись в совершенно секретном архиве полиции, он получил дополнительные сведения. Французское Второе бюро предоставляло Суану ценные материалы, в частности донесения Саваньи. Получается, что Луан связан с Нго Динь Тхуком тесными узами давней семейной дружбы. Тем более что-то тут не так. В отношении Чан Ким Туена можно не опасаться: он в секретной работе еще пригодишилка.

Нгуен Тхань Луан, вероятно, отличается от этого лжеврача. Нго Динь Нью намерен использовать этого парня, и кто знает, что потом будет с такими людьми, как Май Хью Суан. Будь что будет, надо сделать так, будто Нгуен Тхань Луана и на свете не было... Разумеется, с его головы ни один волос не упадет, если, конечно, Луан проявит благоразумие. Довольно трудно! И определенно опасно, ведь если Нью пронюхает, то сразу всплывет он, шеф армейской безопасности. Тогда не сносить головы. Пока все неясно, поскольку Нью ценит Луана, а главное — Нью не любит Суана. Однажды генерал Ти признался Суану: «Нго Динь Зьем хвалит вас, а господин советник постоянно донимает меня расспросами, дескать, справляется ли с работой Май Хью Суан, ведь он вышел из тайной полиции, можно ли ему доверять армейскую безопасность. Если бы Нго Динь Зьем не отстаивал вас упорно, то еще в сентябре или октябре вас верну» ли бы работать во французское Второе бюро».

Суан выключил магнитофон, поднялся с кресла. Встав, он преобразился — ловкий, энергичный. Нажал кнопку селектора:

— Зайдите ко мне, майор Вонг.

На другом конце провода ответил скрипучий голос.

Через минуту приземистый полный офицер с четырьмя золотыми полосками на погонах вошел в кабинет.

— Ну как? — спросил Суан.

— Господин подполковник, он живет в доме три на площади Пино де Беэн, около аэропорта. Это дом его старшего брата Гюстава, инженера-химика. Мы ведем наблюдение.

— Отлично.

Суан показал на фотографию Дуана и приказал:

— Размножить.

— Есть.

— Как решим с ним?

— Приказывайте, господин подполковник: пенальти, штрафной или свободный удар²⁰.

— Свободный.

— Ясно.

— И чтобы никто не знал, понятно?

— Понятно.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Можете идти, майор.

Май Хыу Суан снова опустил в кресло, вытряхнул пепел из трубки в пепельницу и снова набил трубку табаком.

* * *

Луан протискивался сквозь толпу пешеходов на улице Ле Ван Зуэт, недавно получившей это имя. Прежде она называлась улицей Верден в память о победе Франции над Германией во второй мировой войне. Улица вела в Тэйбак, пригород Сайгона. В этот Вечерний час пик движение было плотным и беспорядочным. Мотороллер, который Луан взял у племянника, медленно метр за метром продвигался вперед. Он возвращался в дом старшего брата Гюстава, где пришлось временно остановиться, пока родственники не подыщут ему собственную квартиру. Гюстав, работающий инженером-химиком, искренне обрадовался, когда неожиданно приехал младший брат, но одновременно и встревожился. Луан успокоил брата, и на следующий день все родственники узнали о его приезде. Полетели телеграммы из Франции, Англии, в которых родственники интересовались здоровьем Луана, поздравляли его с благополучным возвращением после девяти лет войны и принятием в семью епископа. Гюставу поручалась забота о младшем брате.

Несмотря на вежливые напоминания епископа, Луан не спешил встретиться с Ню. Прежде всего нужно найти работу, наладить быт. Стремление угодить Ню могло объясняться разными причинами, и все они нелестные. Гюстав познакомил Луана с Вьонг Зя Каном, хозяином частного коллежа. Кан долго колебался; соглашения соглашениями, однако Луан — офицер Сопrotивления, тут наживешь неприятностей с полицией. Хотя, черт подери, это даже привлекательно, если подумать о рекламе: все газеты напишут о вернувшемся из джунглей агрономе Робере Нгуен Тхань Луане, преподающем математику и французскую литературу будущим бакалаврам. Нечего и говорить, коллежу понадобится еще здание для новых учащихся. Другого столь популярного учебного заведения пока нет, К тому же агроном, долгие годы сражавшийся в рядах Сопrotивления, просит довольно скромное жалованье — 25 пиастров за учебный час, то есть половину обычной платы, а работать согласен по три часа в день.

Основательно взвесив все «за» и «против», Вьонг Зя Кан согласился подписать контракт. Он успокаивал себя, вспоминая, что несколько дней назад в библиотеке, принадлежавшей поэту Донг Хо, состоялась встреча с многочисленными читателями двух писателей — участников Сопrotивления Ли Ван Шана и Зыонг Ты Зянга. Пресса сообщала о приветственном выступлении на встрече министра информации и психологической войны.

Покончив с формальностями приема на работу, Луан уже собирался уходить, как вдруг в кабинет директора ворвалась большая группа преподавателей и студентов, желающих увидеть нового преподавателя. Очевидно, секретарша директора успела растрезвонить о нем. Завязалась беседа. Его спрашивали о делах в Сопrotивлении, о боях, интересовались его оценкой обстановки, мнением о будущих перспективах. Но больше всего спрашивали о Дьенбьенфу. Хозяин коллежа в приливе энтузиазма достал и откупорил бутылку виски, чокнулся с Луаном и, обильно вставляя во вьетнамскую речь французские слова, громко начал:

— А ведь бояться вас! Прочная линия обороны, система укрепленных пунктов. Наставили заграждений из колючей проволоки шириной пятьдесят, а то и семьдесят метров... Французский генерал проверил все и во всеуслышание пригласил Вьетминь: «Добро

пожаловать!» Вице-президент США Никсон лично там побывал и сказал: «О'кэй». Так что вы всех этих прихлебателей при дворе Зьема... вот так! — заключил Кан и сделал жест рукой, как бы разбивая яйцо. — Вы истинные южане! — добавил он.

Луан оглядел лица присутствующих. Ему не хотелось «боксировать» по примеру владельца коллежа. У него в душе были гордость и неуверенность — гордость за сделанное, а неуверенность за завтрашний день. Однако Луан обнаружил, что долгие годы Сопrotивления вроде бы пробудили интерес к революции у так долго спавших людей.

Уходящего Луана проводила до ворот девушка по имени Май. Совсем еще молоденькая, она работала секретарем в главном корпусе и подрабатывала преподаванием. Еще во время беседы Луан обратил на нее внимание: она не проронила ни слова, в больших главах ее таилась грусть. И Луан вдруг почувствовал, что она совершенно такая же, как все те, кто ему близок.

— Почему вы и ваши соратники приостановили борьбу за освобождение? — спросила Май очень тихо.

Разве ответишь кратко на такой вопрос? Луан усмехнулся:

— Все же мы боремся...

Девушка посмотрела на него недоверчиво. Луан твердо произнес:

— Мы боремся другими методами, изменилась лишь тактика.

— Вы боретесь руками, связанными руками, да? Это мне непонятно. — Май покачала головой. — А вот вы сами, неужели вы верите, что они будут к вам хорошо относиться? Неужели вы чувствуете себя спокойно, выйдя так просто из джунглей?

Луан понимал, что нельзя сразу разъяснить юной девушке тонкости нынешнего революционного движения. Он взял ее за руку и только сказал:

— Спасибо, Май!

* * *

Поток людей и мыслей словно отбрасывал Луана назад. Мотороллер, гудя мотором, вынес его из благоустроенных кварталов Сайгона в пригород. В грязных болотистых местах, раньше пустовавших, теперь громоздились домики. На улицах патрулировали уже не европейцы, а азиаты — вьетнамская полиция. Все окружающее вернуло Луана к разговору с Май, к высказанной им, но еще не до конца осознанной фразе о том, что борьба продолжается, но другими методами. Это так, нужно бороться по-новому, поскольку изменились условия борьбы. Борьба Сопrotивления вызвала это изменение, и теперь его участники, подобные Луану, неминуемо начинают противостоять тому, чего сами добились!

От размышлений его отвлекла обогнавшая мотороллер «ява». Парень на заднем сиденье обернулся и посмотрел на Луана. Порыв ветра распахнул полу его куртки, и Луан увидел за поясом пистолет с коротким дулом.

В зеркальце заднего обзора появилась еще одна «ява»; она быстро приближалась, словно прилипала к мотороллеру. Луан почувствовал опасность. Видимо, преследователи ждали, когда он достигнет малолюдного изгиба дороги.

Не доехав до развилки, Луан повернул к станции, дал полный газ и нырнул в движущийся поток. Он завиял перед десятками велосипедов, мотоциклов, автомобилей. До него доносилась ругань водителей в его адрес. Резко уйдя из левого ряда в правый, Луан неожиданно свернул в переулок. Идущая впереди «ява» его маневр прозевала, водитель задней тоже попал врасплох. Но в следующую минуту оба эти мощных мотоцикла уже мчались по переулку. Луан выжимал из мотороллера предельную скорость, с воем проносясь мимо редких невысоких домиков. Если достичь Хоа Хынга и там нырнуть в лабиринт бесконечных переулков, то наверняка они потеряют его след.

Но за рулем преследующих Луана мотоциклов сидели явно не новички — рев моторов нарастал за его спиной. До рынка осталось пересечь район огородов. Ясно, что дальше его не пустят.

Вот показалось кладбище... Луан быстро подъехал к кладбищу, резко соскочил с мотороллера, сделал несколько прыжков и очутился в тихой прямой аллее, среди могил. Низко пригнувшись, он побежал по ней в направлении, противоположном тому, откуда могли появиться «явы». Выбрав один из высоких склепов, стоявших на открытом месте, Луан залез на него и лег на крышу.

Звуки моторов стихли: преследователи увидели мотороллер Луана. За несколько минут четверо незнакомцев обшарили все закоулки небольшого кладбища.

— По-моему, этот парень владеет даром становиться невидимым, — сказал один из компании.

Другой раздраженно проворчал:

— Ладно, давайте отвезем его мотороллер к майору.

Послышалась команда, и преследователи убрались с кладбища. В следующую секунду зарычали три мотора.

Луан продолжал лежать плашмя, прижавшись к крыше склепа. Его осторожность оказалась не напрасной: с наступлением сумерек одна «ява» вернулась. Она забрала последнего, который целый час сидел в укромном месте и высматривал Луана.

Из-за темноты Луан не смог прочесть надпись на склепе. Какой-то покойный хуацяо помимо своей воли спас его...

13

Ту ночь Луан провел в квартире, которую устроил ему Нгок. Луан долго колебался, пока наконец решил позвонить ему в полночь из телефонного автомата.

Нгок отвез его на своей машине в один из кварталов в начале проспекта Чан Хынг Дао напротив бара «Кимшон». Они поднялись на лифте на последний этаж. Хозяйка квартиры приняла их радушно. Это была женщина зрелого возраста, жена инженера, уехавшего на

Север. Звали ее Ка. Несмотря на неожиданный визит, она накормила гостей сытным ужином и уложила спать на диване. Луан и Нгок проговорили до самого рассвета.

Нгок, в прошлом чиновник французского колониального аппарата, пришел в Соппротивление в 1948 году, когда комиссар по внутренним делам Унг Ван Кхиен от имени правительства Соппротивления Южного Вьетнама подписал директиву № 4/НВ, предписывавшую всем чиновникам прекратить сотрудничество с французами. Он занимал высокий пост в южновьетнамском управлении финансов — был вторым лицом после комиссара по финансам Нгуен Тхань Виня. Вскоре Нгок вступил в партию.

Восстановление мира застало Нгока в подполье.

Его решили оставить в Сайгоне с целью экономической разведки. Здесь Нгок имел широкие связи. Его младший брат служил подполковником тыловой службы в армии каодаистов. Сам Нгок в свое время учился вместе с Динь Куанг Чиеу, которого Нго Динь Зьем ныне назначил председателем валютного управления в ранге министра. К тому же Нгок был земляком влиятельных людей братьев Лай Ван Шанг и Лай Хыу Тай. Он вернулся в город на несколько месяцев раньше Луана, постоянной работы не имел. Динь Куанг Чиеу помог Нгоку приобрести акции одного прибывшего с Севера предпринимателя, открывшего текстильную фабрику. Фабрика начинала преуспевать.

По существующему в организации разделению обязанностей Нгок получал инструкции у Луана.

— Кто это были? — спросил он о преследователях.

Они всесторонне проанализировали случившееся. Это не мог быть Лай Ван Шанг, ему-то не было никакого смысла сейчас вредить Луану, Не каодаисты и не люди из Хоахао: их Луан пока не беспокоит. Доктор Туен? Тот тем более в такой манере не действует. Французская разведка? Возможно. Однако она сейчас по горло занята делами, помогает профранцузским деятелям удержаться под напором тех, за кем стоят американцы. Может, разведка США? Нет, не она. Американцы пока только обосновываются, действовать они еще не начали. Сайгонская разведка? Но там еще не завершилась передача дел прежнего директора новому, агентура в беспорядочном состоянии, им сейчас не до работы. Тогда кто же? Рассуждая методом исключения, они добрались до службы армейской безопасности. Девяносто процентов гарантии, что к этому делу руку приложил Май Хыу Суан. Десять процентов оставили под сомнением, так как Луан вспомнил, что в разговоре на кладбище мотоциклисты упоминали какого-то майора.

— Я вот что думаю, а ты суди сам. — Нгок поднялся. — Через несколько дней Лай Ван Шанг устраивает прием в мою честь. Ради престижа он приглашает побольше важных персон. Явишься туда эдаким светским влиятельным тузом, который может так или иначе помешать неосторожным проделкам кого-либо из этой компании! Май Хыу Суан хоть и опасен, а все же будет вынужден остеречься. Они поймут, что ты не так прост, что с тобой надо держать ухо востро. Ты, кажется, был знаком по работе в секретном отделе с Томасом Бокалом, вьетнамцем с англосаксонским именем. Так вот он на один миг забыл об осторожности, передав без проверки письмо своим братьям, и сразу полетел со службы. Думаю, что Нго Динь Нью был ему за это весьма признателен.

* * *

Вилла генерального директора государственной тайной полиции полковника Лай Ван Шанга укрывалась в глубине пышного сада за собором Сайгонской богородицы. Банкет продолжался уже давно, гости веселились. Полицейский оркестр непрерывно исполнял марши, придавая солидность сборищу. Здесь находились и прославленные гонконгские музыканты, они исполняли избранные произведения. Хозяин пригласил также группу стрелков-виртуозов из Техаса и так щедро заплатил им вперед, что американцы решили отменить свое выступление в городском театре и вернули деньги за проданные зрителям билеты.

Шанг встретил Луана и Нгока за воротами как главных гостей.

— Очень рад познакомиться с вами, господин агроном.

Лай Ван Шанг был в офицерской форме: он питал слабость к форме из генеральского габардина, хотя носил звание полковника. Шанг крепко пожал руку Луану. Высокий, стройный, мускулистый. Шанг явно не стеснялся своей громкой славой шефа Биньсюен — уверенный, спокойный взгляд, громкий и властный голос. Он проводил Луана и Нгока в сад, оборудованный для банкета под открытым небом. Шанг сделал это подчеркнуто вежливо и элегантно.

Нго Динь Нью с женой встали, приветствуя Луана. Впервые Луан увидел Чан Ле Суан, о распутной жизни которой уже говорили в Сайгоне все. Ее любовные похождения стали притчей во языцех.

— Мой муж рассказывал мне о вас, господин агроном. Искренне рада с вами познакомиться, — ласково произнесла Чан Ле Суан и протянула Луану изящную руку.

— Наверное, господин Нью кое-что приукрасил. Надеюсь, мадам, что вы не поверили... — с веселой улыбкой ответил Луан.

Лай Ван Шанг пригласил Луана и Нгока сесть за один стол с четой Нью. Бросив взгляд на гостей, Луан понял, что Нгок был прав: здесь действительно собрались все сливки сайгонского общества. За соседними столиками находилось довольно много военных. Луану приветственно кивнули двое в генеральской форме, сидевшие в свободных позах. Он догадался, что это были генерал-майоры Ле Ван Ти и Нгуен Ван Ви. Немало было и иностранцев, очевидно служащих посольств и миссий.

— Сколько уже дней вы в Сайгоне? — шепотом спросил Нью. — Я жду вас целую вечность, почему вы не приходите?

Как бы извиняясь, Луан изобразил на лице улыбку.

— Приходите, нам о многом надо поговорить, — произнес Нью тоном родственника, как человек, имеющий право говорить именно таким тоном.

Лай Ван Шанг поднялся на деревянную эстраду и произнес в микрофон:

— Уважаемые гости! Я пригласил вас сегодня в свой дом, чтобы вы поделили со мной радость. Есть у меня один однокашник, к тому же мой земляк. Мы выросли в одной деревне, мальчишками учились в одной школе. Мой друг сражался в Соппротивлении и вот

теперь вернулся. Там он занимал высокий пост в комитете Сопротивления Южного Вьетнама. Мой друг — комиссар Нгуен Ван Нгок.

Нгок встал и под шумные аплодисменты учтиво поклонился во все стороны, слегка побледнев от смущения. Полицейский оркестр грянул залихватскую мелодию. Звонко загрохотала подоженная гирлянда хлопушек, свисавшая с ветки баньяна.

Подождав, пока грохот утихнет, Шанг продолжал:

— Из партизанских джунглей вернулся еще один человек и пришел на наш праздник. Я давно питаю к нему уважение и любовь, хотя мы с ним не земляки и не однокашники. Уверен, что этот человек не так уж незнаком вам, дорогие друзья. Позвольте представить агронома Робера Нгуен Тхань Луана, заместителя командира полка армии Сопротивления!

Луан поднялся и раскланялся. Это дало ему возможность получше рассмотреть окружающих. Один высокий мужчина встретился с Луаном взглядом и отвел глаза в сторону. Это был Чинь Кхань Ванг. Луан не мог без улыбки вспомнить заместителя командующего зоной, ничего не смыслившего в военном деле, зато большого знатока женщин. Ванг смутился, но в следующую секунду вновь принял напыщенный вид. Кто-то говорил, что он устроился под крылышко Бай Виена, «Воистину будет чудо, если Биньсюен с таким штабом не потерпит фиаско», — подумал Луан.

— Его здесь нет, — поискав Май Хыу Суана среди гостей, прошептал Нгок ему на ухо.

— Очень хотелось видеть среди нас генерал-майора Ле Ван Виена. Однако он занят по службе в Лонгсюене и просит извинить его за отсутствие, — продолжал хозяин. Сказано это было явно для того, чтобы показать Нью и Ти тесное взаимодействие секты Биньсюен с религиозными сектами и свои приятельские отношения с влиятельными фигурами из числа бывших участников Сопротивления, дескать, не шутите с Биньсюен.

Чан Ле Суан скривила в усмешке губы. Нью оставался внешне невозмутимым.

— Итак, разрешите поднять бокал за здоровье двух моих друзей, бойцов Сопротивления! За нашу сегодняшнюю встречу!

После первого бокала артисты спели несколько традиционных китайских песен. Когда запела Хонг Туйен Ны, воцарилась полная тишина. Действительно талантливая певица.

Лай Ван Шанг повел Луана и Нгока от стола к столу, Луан в душе благодарил Нгока за удачную идею прийти на этот банкет. Дело не только в том, что Луан напомним о своем существовании. Это и очень редкая возможность для Луана оценить представителей различных слоев общества. Он видел, как они притворяются ласковыми, веселыми, а в то же время держат на пазухой острый нож, следят исподтишка друг за другом и в любой момент готовы сцепиться.

Ле Ван Ти протянул Луану руку и как бы невзначай бросил:

— Мне тоже довелось участвовать в Сопротивлении.

Луан многих знал в лицо, многих по имени. Все они носили погоны старших офицеров.

Из иностранцев он поздоровался с помощником американского генерала О'Джиема майором Джеймсом Кейси, помощником французского генерала Поля Эли майором де Шовином.

Наконец, дошла очередь и до Чинь Кхань Ванга, Тому некуда было деться, пришлось встать.

— Как жизнь, старина? — не очень внятно поздоровался он с Луаном.

— Спасибо, нормально, — равнодушно, но без холода в голосе ответил Луан.

Ведя их обратно к столу, Лай Ван Шанг вполголоса сказал:

— Берегитесь, господин агроном, попасться на крючок этой чертовке Ле Суан. Из-за нее разорился президент, а генерал Хинь потерял свое доброе имя. Сушья ведьма!

Луан засмеялся.

— Я говорю серьезно, остерегайтесь ее!

Луан перестал смеяться и сделал понимающую мину. А про себя он продолжал хохотать: неустрашимый Шанг испытывает страх перед женщиной, пусть и красивой, однако давно вышедшей из девичьего возраста.

Они вернулись за свой стол, а хозяин удалился и вскоре привел какую-то девицу. Она была не так молода, как могло показаться на первый взгляд. Косметика и тени от фонарей не позволяли определить ее хотя бы примерный возраст. На ней было черное, с глубоким декольте, очень короткое платье. Все, что положено девушке скрывать, ею, наоборот, умышленно выставлялось напоказ. Надо признать, что девушка была весьма привлекательна, ее внешность отличалась даже эффектностью.

Шанг обратился к двум друзьям:

— Я хочу порадовать вас сюрпризом: разрешите представить вам мисс Тиеу Фунг, помощницу защитников Виньсюен. Сейчас она исполнит в вашу честь и для всех гостей одну песню...

Тиеу Фунг почтительно поклонилась и подала руку сначала Луану, потом Нгоку.

— Благодарю, — негромко сказал Луан и, увидев улыбку на губах Нью, нахмурился.

Тиеу Фунг грациозно вошла на эстраду. Серебряные браслеты на ее ногах притягивали пристальные взгляды почти всех участников банкета.

Ничего не объявляя, Фунг запела песню на японском языке. У Фунг был прекрасный глубокий голос. Во время пения она стреляла глазами в сторону Луана.

Луан украдкой оглянулся: гости неотрывно смотрели на эстраду. Неясно, что больше волновало их: чудесный голос или внешность певицы.

— Какова красotka, не правда ли, господин агроном? — вдруг спросила Ле Суан.

— Я не нахожу эту девушку красивой, однако поет она отлично...

Тиеу Фунг спела три песни, села рядом с Луаном и начала делать вид, что заигрывает с ним. Луан пожал ей руку:

— А почему вы пели на японском языке? Чем вам не нравится родной, китайский? Вы понимаете слова песни, которую пели?

Тиеу Фунг удивленно взглянула на Луана, кокетство ее исчезло.

* * *

Май Хыу Суан скомкал пригласительный билет на прием, присланный Лай Ван Шангом. В билете было указано, что прием устраивается в честь Нгуен Ван Нгока и Нгуен Тхань Луана.

Перед ним стоял, вытянувшись в струнку, майор Вонг.

— Вот он! А вы мне притащили мотороллер, идиот! — Суан продолжал бушевать: — Раз уж вы его упустили, то надо было представить все так, будто за ним гнались по ошибке. Потом мы придумали бы какой-нибудь вариант... Кретин! Теперь господин советник в любом случае узнает об этом!

— Ему некуда деваться, — попытка успокоить начальника майор Вонг и вместе с тем оправдать свой промах.

— Это почему же некуда? — прошипел сквозь зубы Суан. — Достаточно небольшого анализа, чтобы оценить обстановку. Вы совсем не знаете этого Луана, майор...

— Господин подполковник, дайте мне несколько дней. Он исчез с того вечера. Но все равно, я найду его, хоть из-под земли достану!

— О боже! — простонал Суан. — С такими дураками, как вы, я наверняка провалю дело. С этой минуты вы должны лишь следить за ним, собирать для меня информацию и ни в коем случае не трогать его. Представьте себе, что будет, если он встретится с кем-нибудь из той оравы, которая гналась за ним. Так что этим людям при его появлении, а тем более приближении надо немедленно бежать со всех ног. Понятно?

— Так точно!

— А что делать с мотороллером?.. Ну и олухи! — Суан поразмышлял некоторое время и приказал: — Скрытно отвезите его к дому инженера Гюстава и поставьте у подъезда.

Майор Вонг стоял обескураженный. Суан резко приказал:

— Действуйте, как я сказал. Дайте ему понять, что мы успокоились и поддерживаем с ним перемирие. Ясно?

После ухода майора Май Хыу Суан еще долго молча сидел в кресле.

* * *

Техасская труппа стрелков показала оригинальные трюки: стрельба лежа, сидя, через плечо, стрельба сериями и по различным мишеням.

Банкет проходил шумно. Провозгласили уже шесть или семь тостов. Одетые в шанхайские костюмы официантки сноровисто меняли на столах стоявшие перед гостями тарелки с кушаньями.

Джеймс Кейси, побагровевший от выпитого, вылез на эстраду и о чем-то беседовал с руководителем труппы. Оба смеялись. Затем Джеймс прикрепил к стойке заряженную винтовку «ремингтон», приставив к спусковому крючку деревянную палочку. Затем он тщательно измерил высоту ружейного ствола от земли и установил против него свою широкополую шляпу. Отступив от винтовки на десяток шагов, Джеймс подал знак оркестру прекратить игру и поклонился гостям.

Лай Ван Шанг объявил в микрофон:

— Господа, майор Джеймс Кейси хочет нас позабавить. Внимание!

Кейси вытащил из висящей на поясе кобуры короткоствольный «смит-и-вессон» и стал его медленно поднимать. Он выстрелил и попал в деревянную палочку, которая в свою очередь ударила по курку «ремингтона». Два выстрела грохнули одновременно, и сбитая пулей шляпа упала на землю.

Под овацию довольных зрителей Кейси покинул эстраду.

Американские артисты хотели было показать очередной номер, но де Шовин, пошептавшись с Шангом, остановил их поднятой рукой.

— Дорогие гости, мы только что видели мастерство майора армии Соединенных Штатов Джеймса Кейси. А теперь французский майор де Шовин готов поддержать веселье... Прошу подождать минуты две.

Де Шовину принесли коробку теннисных мячей. Совершенно невозмутимый, он один за другим подбросил шесть мячей в воздух и шесть раз выстрелил по ним из «сент-этьена». Все шесть целей были поражены.

Де Шовин был награжден бурными аплодисментами, причем гораздо более продолжительными, чем те, которыми приветствовали Кейси.

— Справедливости ради надо отметить, что трюк майора Кейси требует большей тренировки, — сказал Луан Нью.

— Вы правы. Тем не менее смотрите, какое предпочтение! — ответил тот.

— Успех выступлений артистов также зависит от политического климата, — заметил Луан саркастически.

За столиками, где сидели многочисленные вьетнамские военные, стало оживленнее. Один офицер с погонами майора что-то тихо сказал генералу Ви, а затем генералу Ти. Оба

генерала кивнули. Остальные офицеры, склонившись над своими бокалами, сделали вид, что не заметили этого движения.

— Неужели только американские и французские офицеры мастерски владеют оружием? А вьетнамские офицеры? Ну, кто отстоит честь нашей армии?

Произнес это майор Лам, служивший в генеральном штабе.

— Просим майора Лама! — громко воскликнул какой-то подвыпивший капитан.

Лам ответил с сожалением:

— Не обладаю такими способностями... Если бы умел это делать сам, к другим бы не обратился!

— Мне кажется, вы, господин агроном, способны защитить нашу честь, не так ли? — тихо спросила Луана жена Нью.

— Не надо шутить с оружием, — улыбнулся он.

Ле Суан нахмурилась:

— А как же честь?

— Наверное, мадам, вы согласитесь, что меня не касается вопрос чести, если она вообще существует, — Лицо Луана посуровело.

— Как я понимаю, речь идет не о личной чести офицера, а о чести всех вьетнамцев, — продолжала настаивать Ле Суан.

— Тогда вы забыли, мадам, что вьетнамцы кое-что совершили под Дьенбьенфу. — Луан по-прежнему оставался холодным.

— Командир отнюдь не всегда бывает метким стрелком, — примирительно вмешался Нью. В его словах чувствовалась скрытая насмешка. — Господин агроном был командиром.

Луан внезапно рассмеялся:

— Хорошо, я доставлю мадам Нью удовольствие. Жаль только, что у меня нет пистолета.

Ле Суан открыла свою сумочку, вытащила никелированный вальтер и протянула его Луану.

— Возьмите...

Игриво понизив голос, она добавила:

— Этот пистолет называют оружием ревнивцев. Правда, у такого мужа, как мой, пистолет лежит без дела. А в ваших руках он принесет пользу.

— Я не люблю стрелять в мирное время. — Луан вытащил один патрон из обоймы, извлек столовым ножом пулю из гильзы. — Но постараюсь не стать посмешищем...

Он скатал хлебный шарик и вставил его в гильзу вместо пули.

Нгок продолжал улыбаться, Тиеу Фунг притихла.

— А теперь настала очередь вьетнамского воина показать свое искусство! — громко возвестил Лай Ван Шанг. — Прошу господина Нгуен Тхань Луана!

При всеобщем гробовом молчании Луан не спеша прошел к эстраде, В пепельно-сером костюме типа «тропикл» он походил на скромного студента. Взойдя на сцену, Луан почтительно поклонился гостям. Офицеры разразились горячими аплодисментами. Он подождал немного и, извинившись, попросил тишины. Когда все смолкли, Луан неторопливо произнес:

— Дорогие гости, вьетнамская нация берется за оружие только в крайних случаях. Вы могли здесь убедиться, что звуки песен всегда воспринимаются на слух приятнее, чем выстрелы. Но в этой веселой атмосфере я по просьбе друзей решил сыграть одну шутку с оружием, причем совершенно безопасную. Я прошу господ майоров де Шовина и Кейси подняться на сцену, чтобы участвовать в этой игре вместе со мной.

Лишь один человек радостно захлопал после слов Луана — Тиеу Фунг.

Де Шовин торопливо положил недокуренную сигарету в пепельницу и направился к эстраде. Но Луан остановил его и попросил:

— Господин майор, возьмите, пожалуйста, вашу сигарету с собой.

Когда француз и американец вышли на эстраду, Луан попросил Джеймса Кейси взять из пачки сигарету и обратился по-французски к де Шовину:

— Прошу вас, мсье де Шовин, дать прикурить от вашей сигареты майору Кейси.

Де Шовин протянул горящую сигарету американцу. Тот наклонился и стал прикуривать свою сигарету. В этот момент Луан поднял вальтер и выстрелил. Тлеющие кончики двух сигарет разлетелись маленькими красными искрами, которые сразу погасли.

Все завопили от восторга, словно обезумевшие. Особенно усердствовали военные, Луан пожал руку де Шовину и Кейси.

Сев за свой столик, он вернул пистолет Ле Суан. Ее глаза и губы влажно блестели. Едва слышно Суан прошептала ему на ухо:

— Вы великолепны!

Тиеу Фунг тоже поздравила Луана, только по-другому:

— Как хорошо вы говорили!

Ню в свою очередь сказал:

— Вы классно стреляете. Во всем этом был более глубоко скрытый смысл: загасить горящий фитиль, передаваемый французами американцам.

Эти его слова показали Луану, с человеком какого интеллекта он ведет игру.

14

Луан переселился в маленький особняк на улице Мише. Ремонт занял две недели. Достаточно было один раз увидеть тех ремонтников, маляров, штукатуров, чтобы оценить тщательную заботу Чан Ким Туена о его персоне. В потолке непременно установили микрофоны, а телефон наверняка подключили к записывающему устройству в управлении политической разведки. У поворота дороги к его дому теперь постоянно сидел, несмотря на отсутствие клиентов, мастер по ремонту велосипедов. Он все время читал газету, закрывая ею половину лица.

Луан позвонил Ню, и через несколько минут личная машина Ню приехала за Луаном. Ню встретил гостя в небольшом кабинете в задней части дворца Зялонг.

— Прежде чем приступить к делу, мне хотелось бы, несмотря на ваши отношения с его преосвященством, предложить вам чувствовать себя здесь как дома. Разница в возрасте между нами не так уж велика, поэтому я предлагаю отказаться от формальных и громоздких обращений и перейти на «ты». Так будет удобнее...

Не ожидая согласия Луана, Ню продолжал:

— Что ты думаешь о современной политической ситуации?

Луан надолго задумался. Ню, делая вид, что уважает его право на раздумья, предложил сигарету. Ню курил крепкий сорт — «Мелию», что в золотистой пачке. Луан взял сигарету, прикурил, но после первой затяжки сразу закашлялся.

— Извини, я привык курить табак из Камле, — сказал Ню и нажал на кнопку звонка.

На пороге показался слуга.

— Принеси пачку «Кравена» и две бутылки пльзенского пива, обязательно холодного.

— Я курю редко, предпочитаю слабый ароматный табак из Каоланя, — сказал Луан.

— Мне не приходилось пробовать этот сорт. Недавно один человек подарил мне табак из Говапа, так тот еще крепче, чем из Камле.

Слуга принес сигареты и пиво. Ню открыл коробку «Кравена».

— Твой вопрос носит слишком общий характер, — Луан отхлебнул пива. — Позволю себе сказать лишь об одном узком аспекте, имеющем отношение к устойчивости правительства господина Зьема. Сегодня начало пятьдесят пятого года, то есть по прошествии шести месяцев после возвращения господина Зьема к управлению страной опорой его правительства остаются главным образом католики — переселенцы с Севера и политическая поддержка со стороны США. Вчера прибыл кардинал Спеллман и сделал вывод, не обрадовавший Зьема, если не сказать наоборот. Он отметил, что абсолютное большинство населения южнее семнадцатой-параллели не католики. В такой момент требуется особая мудрость. Господин Зьем поставил Чан Чунг Зунга вместо ушедшего в отставку Буй Киен Тина. Это был неудачный ход: Зьем передает власть в руки своих родственников. Я не считаю неправильным вывод из правительства фармацевта Типа и

магистра Фам Зуи Кхиема. Поэтому я также не считаю правильным назначение Хо Тхонг Миня министром обороны. Близкие к Франции люди рано или поздно все равно уйдут из правительства. Вопрос лишь в том, что их надо заменить лицами с незапятнанной репутацией, пользующимися известностью, лучше всего уроженцами Южного Вьетнама. Чем меньше они связаны с семьей Зьема, тем лучше...

— Тогда ты опрокинул мои намерения относительно тебя! — воскликнул Ню с откровенным чувством.

— Я искренне желаю, чтобы ты позволил мне стоять рядом. В этом качестве, надеюсь, я смогу принести пользу идеалам государства.

— Возможно, ты и прав... А теперь скажи свое мнение о противостоящих нам силах.

— На мой взгляд, это вопрос более политический, чем военный. Определенная часть самих французов стоит за спиной этих сил.

Луан умолк. Ню улыбнулся.

— А за нашей спиной стоят американцы. Ты это ведь хотел сказать?

— Что тут скрывать, — тихо проговорил Луан. — Даже в самой Франции существуют три тенденции: одни хотят «высвободить руки» в Индокитае, чтобы бросить все силы на удержание Алжира; другие, в их числе французы, владеющие здесь плантациями, банками, экспортно-импортными и судоходными компаниями, призывают решительно указать американцам их место, а третьи предлагают полностью уступить США, а все разногласия и претензии урегулировать потом. От имени третьей группы выступает Антуан Пинэ. Разумеется, первым стрельбу начнет не французский солдат.

— Ты слышал, генерал Чинь Минь Тхе, лидер коалиции каодаистов, обещал выделить пять тысяч солдат для сотрудничества с правительством. От имени Хоахао полковник Нгуен Ван Хюе заявил господину Нам Лыа, что приведет три тысячи бойцов... Мы сокращаем до минимума число некадровых военных в армии. — Ню наклонил голову. Прищурившись, он изучал Луана.

— Господин Лэнсдейл — вот кто здорово работает. Хотя, похоже, он еще не сблизился с Бай Виеном, лидером антиправительственных сил. Что касается численности, то она здесь не имеет значения.

— В этом вопросе господин Лэнсдейл не проявил той дальновидности, какая есть у тебя. — Ню допил пиво, дождался реакции Луана.

— Я стараюсь. Стараюсь избежать кровопролития.

— Спасибо. У тебя есть еще какие-нибудь идеи или просьбы к нам? — спросил Ню, как бы давая этим понять, что беседа закончена.

— Других идей пока нет, а просьба есть: мне нужна машина.

— Ты ее получишь сегодня же, — тут же согласился Ню. — Шофера подберешь сам, — быстро добавил он.

— Нет. Я не хочу выходить из доверия. Дай указание какому-нибудь учреждению подобрать водителя...

— Ну, хорошо. Только потом не проклинай меня, не говори, будто за тобой ведется тайная слежка... Приходи сюда в любое время, только предварительно сообщи по телефону о своем визите.

Ню проводил Луана до крыльца. К выходу они шли рядом, касаясь друг друга плечами, словно близкие друзья.

* * *

Шофер пригнал машину к дому Луана. Это был «опель» шоколадного цвета, только что прошедший обкатку.

— Господин агроном, разрешите доложить! В соответствии с полученным приказанием автомобиль доставлен в ваше распоряжение, — по всей форме отрапортовал водитель. — Вам письмо от господина советника.

— Тебя как зовут? — спросил Луан, просматривая рекомендательное письмо.

— Ву Хюи Лук.

Зазвонил телефон, Луан снял трубку, Это Ню пожелал лично убедиться, прибыла ли машина.

— Так ты только что эвакуировался с Севера? — переговорив с Ню, спросил Луан шофера. — Вместе с семьей или как?

Лицо Ву Хюи Лука омрачилось.

— Никак нет, не успел... Я жил в Фатьзьеме, а жена с ребенком — в Хайхау...

Луан сочувственно посмотрел на Лука:

— Сейчас машину поставь в гараж. При гараже есть комната, можешь в ней располагаться, если у тебя нет другого угла.

* * *

Гость был среднего роста, с высоким лбом. Он приехал в импозантном «шевроле», сопровождаемом спереди и сзади двумя джипами охраны, набитыми полицейскими.

Луан с первого взгляда догадался, что это Лай Хью Тай, советник Биньсюен, поскольку он напоминал Лай Ван Шанга.

Это был действительно он. Представившись, Лай Хью Тай оглядел гостиную Луана.

— Так вот какую цену заплатили Нго за вашу капитуляцию?! — Тай движением подбородка указал на убранство комнаты.

— Почему вы не допускаете мысли, что о жилье для меня могли позаботиться мои братья и сестры? — сдержанно возразил Луан.

— Довольно! — все так же надменно продолжал Тай. — Я вас спрашиваю: мы тоже участвовали в войне Сопротивления, мы вернулись в город раньше, вы — позже, значит, ваши заслуги существеннее наших, и все же вы полностью посвящаете свою жизнь клану Нго. Почему?

— Каждый устраивает свои дела по-своему, — ответил Луан нарочито спокойно.

— Устраивает по-своему? — насмешливо переспросил Тай. — Вы совершили ошибку, вообразив, что Нго сильны. Что у них за душой? Неужто можно всерьез полагать, что, захватив пост начальника генштаба, они могут делать погоду? Вам следует помнить: секта уже сейчас в состоянии без труда устранить Нго. Если нас что-то и удерживает, так это опасение, что Вьетминь не преминет воспользоваться расколом в рядах нации. Однако всему есть предел. Мы не позволим Нго насильственно насаждать господство католической церкви и семейное правление, не допустим, чтобы клика из Центрального Вьетнама стала ярмом на шее наших соотечественников... Вы человек интеллигентный, и вдруг — такое невежество!

— Простите, господин советник, вы нанесли этот визит только для того, чтобы оскорбить меня?

— Разве я вправе оскорблять вас? Просто, чувствуя, что вы заблуждаетесь, движимый порывом товарища по борьбе, я попытался объяснить это в надежде помочь вам прийти в себя.

— Намерены ли вы еще что-либо сообщить? — Луан поднялся, давая Таю понять, что разговор окончен.

Тай, бесцеремонно оставаясь сидеть, продолжал:

— Я слышал, как Шанг говорил, что вы человек талантливый... Жаль, что вы купили билет в партере и пришли на спектакль, когда занавес уже вот-вот закроется. Советую вам занять сторону справедливости и сотрудничать с нами во имя великого дела... Сейчас еще не поздно, — добавил он многозначительно.

— Я готов сотрудничать с кем угодно, кому дорого благо народа и страны.

— Хочу, чтобы вы знали: секты решили объединиться в общий фронт. На нашей стороне многие известнейшие деятели.

— Каковы цели фронта? — безразлично спросил Луан.

— Насильственным путем устранить клан Нго! Вам я предлагаю стать одним из политических советников фронта... — Тай повысил голос. — Свергнуть клан Нго и его приспешников!..

— Это противоречит моим принципам. Я против кровопролития. Вы домогаетесь влияния, власти, но вам плевать на соотечественников. По-моему, вы потеряли поддержку в массах.

Лай Хью Тай резко поднялся:

— Вы категорически отвергаете нашу добрую волю... Пеняйте на себя! Не сегодня завтра мы свергнем Нго, тогда не извольте стучаться к нам, запомните. Биньсюен исповедует братство, но не всепрощение!

Последние слова Тай произнес, уже направляясь к выходу. Луан, улыбаясь, провожал его и, лишь выйдя из помещения, сказал:

— Все, что вы только что сказали, наверняка не минует ушей господина Нью... Не находите ли вы, что это поставит вас в неловкое положение?

Тай слегка вздрогнул:

— Значит... Значит, у вас в доме магнитофон?

Луан пожал плечами:

— Как же быть?

Довольно быстро Тай успокоился:

— Ничего! Мы же действуем искренне и честно.

— До свидания! — Луан протянул руку Таю. — Биньсюен может лишь отпускать без счета прошлые прегрешения, от измены Отчизне до греха прибегания к покровительству Запада и продуманных действий по притеснению соотечественников. Поменьше болтайте. Все вы чересчур говорливы.

Луан посерьезнел. Казалось, он отчитывал Тая, Тай, замерев, пристально вглядывался в собеседника.

15

Позвонил еще один посетитель. Ву Хюи Лук отворил ворота.

Гость, приехавший на кашляющем мотороллере, был высокого роста, носил очки по близорукости, тяжело дышал. У него, видно, не все в порядке было с носоглоткой. Он радостно пожал руку Луану:

— Здорово!

Луан тотчас вспомнил его: пропагандист из военной зоны, только имя в памяти никак не всплывало.

— Здравствуйте... Простите, с кем имею честь?

— Господи! Забыл меня, что ли? Я Мать Дьен. Вспомнил?

Луан по-прежнему не подавал вида, что знаком с ним. Он отрицательно покачал головой:

— Не помню... Прошу пройти в дом...

— Моя контора в Танзуете. Ты не раз бывал там... Я направлен в город на несколько месяцев раньше тебя.

— И что же? — Луан сделал вид, что начинает вспоминать. — Чем ты теперь занимаешься?

— Преподаю в строительном училище. Услышав о тебе, тотчас явился...

— Где ты обо мне услышал? — спросил равнодушно Луан.

— Так ведь... — Мать Дьен запнулся. — Кто же не знает, что ты уже в городе!

— А ты ловок, сумел найти, где я живу... Кто тебе показал?

— Случайно дней пять-шесть назад проезжал вечером на своем драндулете, гляжу — твоя машина сюда поворачивает...

Луан усмехнулся про себя: в этот дом он перебрался всего три дня назад, а машину получил только вчера во второй половине дня.

— Конечно, мне не следовало бы приходить сюда. — Мать Дьен посерьезнел и со значением пояснил: — Это же нарушение конспирации! Но дело срочное, мы между собой посоветовались и решили, что встретиться с тобой необходимо.

Мать Дьен огляделся по сторонам. Ву Хюи Лук мыл во дворе машину.

— Можешь говорить, ничего не опасаясь, — заверил Луан.

— Твоему шоферу можно доверять?

— Говори, говори, — поторопил Луан.

— Как ты, конечно, знаешь, после установления мира часть наших направили в город для ведения работы. Я в составе подпольной группы отвечаю за работу в литературных кругах. Наша ячейка подчиняется непосредственно горкому партии, в отличие от тебя — у тебя ведь индивидуальное задание, «сольная» работа... Так вот, недавно арестовали одного товарища из нашей ячейки. Здесь его имя, дата и время ареста, сейчас его допрашивают в следственном изоляторе Катина. — Мать Дьен достал из кармана записку и протянул ее Луану. — Самое опасное, что он осведомлен о тебе, поскольку в качестве спецкурьера бывал в четыреста двадцатом батальоне.

Мать Дьен почти совсем перешел на шепот.

— Он много раз видел тебя на партийных собраниях. Если сломается, получится большой провал. Моим ребятам придется на время затаиться, но здесь будь спокоен. Просьба к тебе через Лай Ван Шанга — выручить его.

— Тяжело!

— Это точно! — Дыхание Мать Дьена все учащалось. — Нашим тяжело, тебе — в десять раз тяжелее! Насмарку могут пойти все твои усилия по внедрению в верхушку сайгонского режима.

— Я говорю «тяжело», имея в виду тебя! — как бы в шутку сказал Луан.

— А?.. — Мать Дьен тарашился на Луана, не переставая сопеть носом.

— Тяжело, потому что тебе трудно будет отчитаться перед доктором Чан Ким Туеном или господином Нго Динь Нью об этом фарсе с подсадной уткой!

— О чем ты? Не понимаю!.. — Мать Дьен покрылся потом.

— Что же тут не понять? Пошлая пьеса, отвратительная режиссура, актер — слепая курица! — Луан указал на ворота: — Вон отсюда, не попадайся мне больше на глаза, да не забудь передать Туену мою рецензию дословно! Сдается мне, это твой дебют в роли агента-provokatora?

То ли плача, то ли смеясь, Мать Дьен боязливо вышел за ворота. Он бессвязно бормотал:

— Ты еще пожалеешь...

Луан слышал, как долго терзал он стартер, заводя свой мотороллер.

* * *

Нго Динь Нью протянул Луану изящно переплетенную стопку машинописных листов:

— Нашему режиму необходимо собственное учение, доктрина, если угодно. Центральная идея доктрины — традиционный национальный дух плюс раскрепощение человеческого достоинства — должна служить широким трудящимся массам, она призвана сохранить духовное начало в качестве первоосновы.., Я размышляю об этом уже много лет, и это своего рода предварительный итог...

Луан знал, что Нью избегает ссылок на его, Луана, высказывания. Действительно, было бы неловко признать, что он прослушал магнитофонную запись беседы Луана с Гео Намом.

— Обращаюсь к тебе как к самому близкому человеку, — продолжал Нго Динь Нью, — с просьбой внимательно прочесть и высказать свои суждения. Готов буду выслушать тебя и обсудить твои суждения. Искренне рассчитываю, что, если в конце концов эти мысли выкристаллизуются во что-то дельное, это станет скопищем совместного труда и свяжет наши с тобой имена...

Луан взял рукопись, перелистал страницы.

— Попробую. Не уверен, что смогу оказать вам содействие. Достаточно взглянуть на объем этого труда, чтобы понять, сколько сил вы в него вложили...

— Говори прямо... Между нами важна откровенность. — Нью откинулся на спинку кресла, — Ну как, нормально устроился на новом месте?

Луан улыбнулся:

— Сами сказали — «как к самому близкому»... И вдруг так спрашиваете... Разве ваши люди не докладывают вам исправно каждый день?

Ничуть не смутившись, Ню рассмеялся:

— Ты что же, в покровительстве не нуждаешься? — В покровительстве в духе Мать Дьена не нахожу ничего занимательного!

— Ну хорошо! Обещаю, что отныне подобные детские шалости никогда не повторятся. Доктору Туену свойственно недооценивать партнера!

— Недавно меня навестил и господин Лай Хыу Тай, — сообщил Луан, точно зная, что Ню уже прослушал от начала до конца его разговор с Таем.

— И что же? — Ню изобразил удивление, и Луан в душе отдал должное актерскому мастерству собеседника.

— Он пригласил меня войти в состав комиссии советников какого-то фронта, который вот-вот создадут религиозные секты. Я отказался, за что получил от него изрядную нахлобучку.

Ню усмехнулся.

— Лай Хыу Тай считается душой Биньсюен, однако ему не хватило проницательности, чтобы понять, с кем он имеет дело, — Ню вдруг сменил тон: — Все надежды на примирение уже утрачены... По-моему, тебе не удастся их вразумить.

— Пожалуй, до этого еще не дошло, — задумчиво произнес Луан. — С ними мне предстоит повидаться. Трудно сказать заранее, чья возьмет, но я пока из игры не вышел. Меня по ночам не оставляют кошмары, Я вижу сны, в которых люди продолжают бесполезное истребление друг друга.

— Ты человек военный, а кровопролития не терпишь. Между тем твой приятель Нгуен Ван Нгок, похоже, весьма охоч до игр с огнем...

— Как так? — Луан не без усилия подавил охвативший его трепет.

— У меня достаточно доказательств. Господин Нгок уже много раз появлялся в районе леса Шат, более того, переправлялся через реку в сторону Лонгтханя. Думаю, он намерен создать плацдарм для борьбы против нас...

Ню всматривался в Луана, словно желая понять его: — Какие выгоды дал бы вам союз с Биньсюен?

— Уверяю вас, что никогда не разделял таких взглядов!

— Я верю тебе... Наверное, это личная точка зрения господина Нгока.

Ню поднялся с кресла, подошел к письменному столу, выдвинул ящик.

— Настал момент, когда больше нельзя игнорировать тайные игры. Тебе необходимо личное оружие для самообороны. — Ню положил на стол пистолет. — Что ты предпочитаешь: кольт, «ремингтон», «виккерс», браунинг? — Ню лукаво усмехнулся. — Очень жаль, но у меня нет систем, выпускаемых в Советской России и коммунистическом

Китае. Эта игрушка тридцать восьмого калибра — канадского производства. В Канаде неплохо поставлено оружейное дело...

— Марка оружия, страна, его выпускающая, тип оружия... Все это не суть важно! — ответил Луан с такой же заговорщической улыбкой.

— Знаю, знаю, — важно искусство стрелка. Тут уж я снимаю перед тобой шляпу!

— Сноровка тоже не самое главное. Важнее — куда целиться!

Ню воздел руки к небу:

— На ближайший период давай условимся — не в меня и не в тебя! Ладно?

Луан пожал плечами и с искоркой в глазах принял пистолет.

— Ничего не опасаясь, — говорил Ню, — фракции и течения не одаривают тебя выстрелами. Они пока даже не заложили в твою машину нескольких килограммов взрывчатки... Я хочу, чтобы ты был осторожен... Должен сказать тебе откровенно: Май Хью Суан не жалуется тебе, не по нраву ему и наши с тобой отношения. А ведь он начальник армейской контрразведки. А еще — генеральная полицейская служба Лай Ван Шанга... Я советовался с доктором Туеном — тебе нужен телохранитель. Разумеется, ты сам подберешь из числа подготовленных людей... Слово чести, у него будет единственная обязанность — охранять тебя, абсолютно никаких других задач по совместительству. Можешь мне не верить, но потом сам убедишься...

Луан согласился:

— Тем лучше! — И подумал: «Тесный контроль означает, что Ню еще не верит мне, но одновременно он все же надеется...»

* * *

Выйдя из рабочего кабинета Ню, Луан встретил доктора Нгуен Ким Туена. Этот сделавший головокружительно быструю карьеру человек (трудно было представить, что за благообразным обликом скрывается коварный интриган, кровожадный злодей) приветливо улыбнулся Луану как ни в чем не бывало. С присущей ему предупредительностью он проводил Луана до машины.

— Я хотел бы кое о чем вас проинформировать, — негромко сказал Туен.

Луан насторожился:

— Говорите, доктор!

— В нынешней политической ситуации, если бы вы, господин агроном, выступили с личным заявлением, выражающим отношение к правительству господина Нго, это, по моему, было бы очень кстати...

Луан усмехнулся: — С чего вы взяли?

— Исходя из общей необходимости и вашей, господин агроном, личной потребности, — пояснил Туен.

— Вы забыли, что я ни при каких обстоятельствах не способен на предательство? Общую необходимость я представляю себе несколько иначе, чем вы. Что же касается меня лично, то никакой подобной потребности я не испытываю!

Туен, все так же улыбаясь, открыл Луану дверцу машины.

— Еще одно дуновение Ню! — вздохнул Луан, когда машина отъехала от ворот.

Ночью Луан заслонил настольную лампу таким образом, чтобы свет не рассеивался по сторонам, Дверь была плотно заперта.

Написав на листе бумаги по порядку все буквы вьетнамского и латинского алфавитов, при помощи ключа он начал писать шифровку.

Часы пробили два, когда Луан закончил свое первое донесение, адресованное Шау Дангу.

Луан высыпал из сигареты табак, аккуратно вставил внутрь свернутое в тонкую трубочку донесение и снова набил сигарету табаком.

Через некоторое время Луан неслышной тенью проскользнул в гараж. Карманный фонарик в его руке, обернутый носовым платком, давал лишь очень бледный, рассеянный луч света. Какое-то время Луан повозился в моторе «опеля».

В пристройке к гаражу мерно посапывал Ву Хюи Лук.

...Лук вез Луана по улице Легран де ля Лирэ, «Опель» поминутно чихал. Лук несколько раз останавливал машину и копался в моторе, тщетно пытаясь найти неисправность. Луан раздраженно велел Луку заехать в автомастерскую.

В мастерской к машине подошли сразу несколько механиков, среди которых один был совсем невысокого роста, с пятнами машинного масла на лице.

Через несколько минут старый рабочий со смехом говорил:

— Всего делов-то, разболталось крепление контакта у аккумулятора.

Лук включил зажигание. Мотор работал ровно.

Расплатившись, Луан предложил каждому рабочему по сигарете. Низенький механик, обнажив в улыбке зубы, сунул сигарету за ухо:

— Сначала надо умыться, потом уж покурю. — И он ушел в помещение.

Откуда было знать Луку, кто этот механик. А Луан, разумеется, знал. «Ша, похоже, здорово освоился в городе!» — заметил он про себя.

У него было хорошее настроение.

Луан прибыл в здание муниципалитета. Он хотел познакомиться с новым мэром, профессором Чаи Ван Хыонгом, недавно сменившим губернатора Нгуен Фыок Лока. Чан Ван Хыонг лишил профранцузские силы важнейшего места в столичной администрации.

Луан много слышал о Хыонге, а также специально изучал данные на него. Ранее профессор долгое время был преподавателем лицея. Многие из учеников Хыонга в настоящее время занимали различные посты в армии, в администрации, а некоторые участвовали в войне Сопrotивления. Именно поэтому Зьем остановил свой выбор на Хыонге в переходный момент. Известный своими антифранцузскими настроениями и ничем пока особо не связанный с американцами, Хыонг являлся фигурой, помогавшей Зьему создавать у общественного мнения ложное представление о режиме, подкрепляя ярлык «антиколониализма и антифеодализма».

Луана встретила секретарша. Это была Май, преподававшая в школе Вьонг Зя Кана.

— Вы лишь раз побывали в школе, после чего господин директор потратился на рекламу, а затем был вынужден уговаривать учеников... — невеселым голосом упрекнула Луана Май.

— Я уже принес ему свои извинения... Дела не оставляют мне времени. — Голос Луана тоже звучал грустно. Он вновь попытался вспомнить, кого напоминала ему Май, но опять безуспешно.

— Вот уж не ожидала, что вы так быстро войдете в дело! Ведь вы теперь уже политический деятель. Более того, особа из окружения семьи премьер-министра. Поздравляю! — не без язвительности произнесла Май.

Луан понимал, что еще не пришло время объясниться с этой не совсем обычной секретаршей, в которой он до конца не разобрался. Он промолчал. Пройдя коридор, они вошли в просторную комнату.

— Хочу предупредить, чтобы это не явилось для вас неожиданностью. Господин Хыонг не жалуется людей премьера. Я доложу ему, но не могу ручаться, что он вас примет... Присаживайтесь.

Указав Луану на кресло, Май исчезла за дверью, явно недовольная.

«Возможно, она хороший человек, или из семьи, имеющей отношение к революции, или сама из наших. Быть может, просто из тех, кто понял и ведет себя, как многие, чье сознание пробудила война Сопrotивления. Может, провокатор или, по меньшей мере, профранцузский элемент, либо из антизьемовской группировки... Как бы то ни было, она еще слишком молода, легкомысленна...» — так думал Луан о Май. Вернувшись, она объявила:

— Господин мэр вас примет минут через пятнадцать. Вам действительно повезло. Вначале он сделал мне замечание: я, мол, уже сотню раз говорил, что не встречаюсь с людьми из канцелярии премьер-министра, за исключением лично господина Зьема. Но затем, прочитав ваше имя на визитной карточке, он изменил свое решение и сказал: «Попросите его подождать, это сын моего земляка из Виньлонга...»

Май то ли старалась возвысить себя в глазах Луана, то ли хотела сообщить полезные для него подробности.

Луан поблагодарил девушку и спросил:

— Есть ли здесь телефон? Мне необходимо связаться с канцелярией господина советника...

— Вот! — Май указала на аппарат в углу. — Можете воспользоваться.

Когда она тактично удалилась из комнаты, Луан подошел к телефону:

— Алло! Это дом сестрицы Ка? Это я, знакомый. Да, я хочу передать срочное сообщение для Нгока... Совершенно верно... Сделайте одолжение, передайте, пожалуйста, следующее: товар, принадлежащий Нга, скрыт, немедленно прекратить прогулки с земляком. Это уведомление Бай Ли. Прошу извинить, что причиняю вам беспокойство... Нгок знает, кто такие Нга и Бай Ли. Да, очень срочно...

Луан положил трубку. Открылась дверь, и в комнату бодро шагнул мужчина лет пятидесяти, в сером костюме, с короткой стрижкой.

— Учитель! — Луан склонил голову в почтительном поклоне.

— Здравствуйте, молодой человек! — Чан Ван Хыонг протянул руку Луану. Он внимательно оглядел Луана с головы до ног, словно врач пациента. — Садитесь! — Он указал Луану на кресло, сам устроился в кресле напротив.

Вернулась Май с чайным подносом.

— Спасибо, оставьте...

Чан Ван Хыонг налил чаю Луану и себе.

— Что привело вас ко мне? — коротко спросил он.

— Видите ли, учитель, я недавно получил работу в канцелярии премьер-министра и вот пришел спросить вашего наставления... — мягко проговорил Луан.

— Вот как! — Хыонг был явно доволен. — Где вы учились?

— Я учился в Шаслу...

— Так что же? Выходит, вы не у меня учились?

— О, вас я знаю давно. У вас учился мой старшин брат.

— Как его имя?

— Жан Нгуен Ткань Луан...

— А! Вспомнил! Адвокат Жан Луан. Он большой человек во Вьетмине... Мои ученики кто по эту, кто по ту сторону... Стали большими людьми... Вот как они меня слушали!

Луан молча смотрел на Хыонга, квадратное лицо которого свидетельствовало об упрямстве, а узкая выпуклость тяжелого лба выдавала ограниченность человека, склонного к категоричности в суждениях.

— Французы вернули нам независимость, — продолжал разглагольствовать Хыонг. — Хотя прежде они ошибались, тем не менее в конце концов французская цивилизованность победила. У нас сейчас ситуация достаточно запутанная. Половина страны под контролем йоммунистов. В оставшейся половине пока застой. Вместо того чтобы всемерно объединять антикоммунистические патриотически настроенные силы, господин Зьем постепенно противопоставляет их друг другу, стремится расколоть... Вам, человеку из его ближайшего окружения, следует дать ему совет. Я отнюдь не симпатизирую силам Биньсюен, однако их заслуга в том, что они прежде боролись против французов, затем против Вьетминя, неизменно правильно выбирая линию действий... Да! — как бы вдруг вспомнил Хыонг. — Сколько лет вы воевали?

— Прошел всю войну Сопrotивления!

— Вот как! — Хыонг снова изучающе посмотрел на Луана, и на сей раз в его взгляде сквозило меньше пренебрежения. — Я тоже какое-то время участвовал в войне Сопrotивления, — вскользь заметил он. — Затем тяжелая болезнь, возвращение в город...

— Именно это побудило вас написать стихотворение... — Луан продекламировал четверостишие.

— Как! — воскликнул Хыонг в изумлении. — Вам известны мои стихи?

— Да. Я помню еще и это, и это...

Луан, все больше удивляя Хыонга, декламировал строфу за строфой из его стихотворений разных лет. В конце концов Хыонг, расчувствовавшись, подхватил одно из них — то самое, от октября 1945 года, после написания которого он вернулся в город. Особенно его тронули слова Луана, заявившего, что стихи Хыонга пользовались популярностью среди бойцов.

Преодолевая волнение, Хыонг произнес:

— Я буду реализовывать демократию... У себя я подбираю и назначаю на службу людей по их способностям и моральным качествам. Я не отдаю при этом предпочтения представителям каких бы то ни было партий и группировок. Я не прощаю коррупции. Если вы признаете правоту того, что я делаю, я был бы рад сотрудничать с вами. Я не слеую слепо указаниям премьер-министра. Кроме того, глава государства — это так или иначе крыша здания, сама должность предопределяет зависимость людей от него. Личность главы государства — одно дело, положение верховного правителя нации — другое. Так прямо я и заявил генералу Коллинзу, и он согласился со мной. Правительство США обязалось поддерживать главу государства. Переворот сейчас на руку только коммунистам.

Хыонг блистал красноречием еще довольно долго, пока не рассеялись его давние воспоминания.

Луан простился с Хыонгом. В машине он размышлял. Сведения, которыми он располагал в отношении профессора Чан Ван Хыонга, оказались достоверными: непоследовательный,

высокомерный, поверхностный, субъективный. Член кружка «Душа», в который входили интеллигенты, занимавшие в войне Сопротивления выжидательную позицию. Хотя Чан Ван Хыонгу не исполнилось еще пятидесяти пяти, у него уже проявлялись признаки старческого маразма. Единственное, что заставило Луана задуматься, так это то, что Хыонг все еще питал какие-то чувства в отношении войны Сопротивления. Правда, они проявлялись изрядно поблекшими.

Перед самым уходом Луан спросил Хыонга:

— Имеете ли вы вести от своего сына Хая?

Единственный сын Чан Ван Хыонга прошел войну Сопротивления, после чего остался на Севере.

— Нет! И не интересуюсь. И жена моя не интересуется. Что проку интересоваться блудным сыном?

Блеск глаз контрастировал с интонацией Хыонга. При упоминании о сыне он утратил способность контролировать себя, однако говорил по-прежнему твердо.

Луан пришел к выводу, что Хыонг любит изображать сильную личность и заставляет себя держаться в рамках этой роли. Но дается это ему явно скрепя сердце. В нем целый клубок противоречий...

17

Расположенное на углу улицы Катина, на одной стороне с почтамтом, напротив католического собора, рядом с училищем Табера, ведомство генерального директора полиции, хотя не было отмечено вывеской, наводило ужас на всех обитателей Сайгона. В период французского колониального господства на этом месте находился всего лишь скромный участок секретной службы. После того как французы во второй раз вошли во Вьетнам, дом на Катина стал репрессивным центром всего Южного Вьетнама и южных провинций Центрального Вьетнама, с суровой тюрьмой, с кровавыми камерами пыток. Там использовались банды евразийцев, бродяг и наемников, завербованных в Африке и в Индии. Попав в дом на Катина, оттуда трудно было вырваться. Там каждую ночь уничтожали десятки патриотов. Если кому-нибудь и удалось выбраться оттуда, то только калеками, потерявшими рассудок.

Под влиянием войны Сопротивления, с целью подретушировать портрет марионеточной администрации и в рамках американо-французских расчетов 7 октября 1954 года Франция передала дом на Катина Нго Динь Зьему. Лай Ван Шанг, лидер Биньсюен, переместил туда свою штаб-квартиру.

Аресты продолжались. Теперь жертвами стали не просто сторонники Вьетминя, как раньше. В переполненных тесных камерах можно было встретить выступавших за мир представителей интеллигенции, людей, сотрудничавших с Нго Динь Зьемом, владельцев торговых домов. В то время как общество стонало от грабителей, в Катина почти не было уголовных преступников. Те уголовники, которые когда-то сидели там, сейчас служили в полицейском ведомстве, причем, главным образом, в качестве следователей.

* * *

Лай Ван Шанг швырнул лист бумаги на пол, с силой ударил по столу кулаком. Лицо его побагровело.

Ли Кай поднял бумагу и, заметно шевеля губами, прочитал. Это было решение премьер-министра о закрытии казино «Гран-Монд».

Лай Ван Шанг ходил по комнате, стуча каблуками.

— Шау Тхынга ко мне! — вдруг рявкнул он. Ли Кай бесшумно выскользнул из комнаты.

Лай Ван Шанг подошел к окну, отдернул штору. Окно выходило на кабинеты следователей, в которых велось дознание. В кабинете номер 3 Шанг увидел рыдающую девушку, довольно смазливую.

— Эй! — крикнул он вниз. — Что там у тебя? Парень, допрашивающий девушку, подбежал к окну:

— Осмелюсь доложить, это Ле Тьеу...

— Что еще за Ле Тьеу? Из парфюмерного магазина, что ли?

— Никак нет... Певичка из бара...

— А певичку-то зачем взяли?

— Приказ генерал-майора...

— Чего? — удивился Шанг.

— Так точно, она понравилась генерал-майору, он хочет переспать с ней и предлагает двадцать тысяч, а она ломается...

— Ах вот как? — пробурчал Шанг.

Он перевел взгляд на кабинет номер 4, хотя до него по-прежнему четко доносились голоса певички и ее следователя.

— Грешно ведь... У меня же муж есть, ребенок...

— Ничего, это простительно... Генералу нравятся замужние, с детьми.

— Грех-то какой...

— А я тебе говорю, никакого. Одна ночь всего. Таким красавицам приходится из кожи вон лезть, чтобы только добиться чести ублажить генерала, куда тебе до них! Ты своими песенками больше пяти сотен за вечер не напоешь. А генерал-майор готов отдать двадцать тысяч. Смотри, будешь со мной пререкаться, продержу здесь неделю да пущу в твою камеру по очереди ребят из патруля. За ночь десятерых ублажишь, а кормиться будешь только передачами из дому. К тому же, кроме сифилиса, наградить-то тебя ребятам нечем.

Непонятно отчего Лай Ван Шанг нахмурил брови.

Из кабинета номер 4 доносились стоны:

— Не могу! Не могу! Не лейте больше... Задыхаюсь...

Видимо, парень, ведущий допрос, хохотал:

— Ну, живучий попался! Целое ведро помоев испил, только тогда пощады запросил... Твоя фирма, говорят, миллиардами ворочает, а тебе нашему генералу всего миллиона пиастров жалко, орешь, будто тебя режут. Подписывай бумагу, получим деньги, отправляйся домой...

Лай Ван Шанг вернулся за письменный стол. Он открыл записную книжку, заполненную адресами: аптека традиционной медицины, экспортно-импортная фирма, пароходная компания, авиакомпания, аптека, ювелирная лавка...

Ли Кай привел Шау Тхынга. Шау Тхынг, со спутанными волосами, в кургузом костюме, сгорбившись, преодолел расстояние от двери до стола, робко пожал руку, протянутую ему Шангом.

— Присаживайся, Шау! — Шанг указал Шау на стул. — Дело срочное. У меня к тебе просьба. Ты недавно с нами, и я доверяю тебе дело, в котором ты сможешь отличиться. Даже совершить подвиг... Нго Динь Зьем приказал закрыть «Гран-Монд». А «Гран-Монд» — кормушка Биньсюен. Если его закроют, чем мы будем кормить своих жен и детей, откуда будем брать средства на наши великие дела? «Гран-Монд» существует еще с довоенных времен и вовсе не благодаря Биньсюен. Свет играет и развлекается там уже около двадцати лет, а Биньсюен открыл его как свое заведение после реставрации лет семь-восемь назад. Мы еще даже не возместили всего, что туда вложено... А Нго Динь Зьем уже закрывает. — Шанг ударил по столу кулаком: — Что ж, у Биньсюен на сей раз достаточно решимости померяться силами с Нго!

— Это уж точно! Стоит отступить на один шаг, они вообще спихнут наших в зловонную лужу! — Ли Кай разделял негодование Лай Ван Шанга.

— Ли Кай прав... Надо дать понять хозяевам «Гран-Монд», что они могут не беспокоиться: Биньсюен не даст спуску никому, кто посмеет посягнуть на «Гран-Монд»... — все так же резко говорил Шанг, — Я даю тебе, Шау Тхынг, роту, что квартирует у рынка. Если только они сунутся, открывай огонь. Пусть идут! Шау Тхынг выпрямился:

— Не извольте беспокоиться, господин Третий. Проникнуть в «Гран-Монд» можно будет только через труп Шау Тхынга!

Лай Ван Шанг вышел из-за стола, хлопнул Шау Тхынга по плечу:

— Молодец!

— Так ведь когда я только в Сайгон попал, словно щепка, волной выброшенная, только благодаря вам и спасся. Если бы не вы... Так я для вас за это...

— Довольно! Не говори о благодарности. Все мы скитальцы, ценить надо чувства и поступки...

Зазвонил телефон. Шанг снял трубку:

— Слушаю, кто это? А! — Шанг резко сменил тон. — Так точно, я, господин Седьмой. Есть... сейчас же буду... Так точно, вечером девица Ле Тьеу тоже будет у вас обязательно... Есть...

Положив трубку, Шанг приказал Ли Каю:

— Тихонько отвезешь Шау в «Гран-Монд», представишь роте охраны. Напомни в третью камеру насчет Ле Тьеу... Я срочно еду к генерал-майору.

Сделав несколько шагов, он вдруг подозвал Шау Тхынга и начал о чем-то шептаться с ним. Как ни старался Ли Кай, стоявший поодаль, он смог разобрать только отдельные слова.

— Достаточно одной тонны... — говорил Шау Тхынг.

— Заложить удастся? — спросил Шанг.

— Можете на меня положиться. Я же из морского отряда особого назначения!

* * *

Ли Кай наполнил коньяком два бокала, опустошив бутылку. Шау Тхынг сидел на высоком табурете и качался. Барменша то и дело отворачивалась, скрывая усмешку, потому что этот парень, который бил себя кулаком в грудь, похваляясь, что он «винный король Камау», явно проигрывал Ли Каю состязание, в котором каждый должен был выпить по десяти бокалов. Ли Кай был бледен, в то время как лицо Шау Тхынга напоминало переспелый помидор.

Поначалу Шау Тхынг не только пил, но и обнимал девицу. Теперь, наоборот, она прильнула к Шау Тхынгу, поддерживая его в то время, как он, казалось, выпускал дух, не в силах поднять руку, с полужакрытыми глазами.

— Господин Шау, по последней и... в «Гран-Монд»! — Ли Кай сунул Шау Тхынгу в руку бокал. — Господин Шау Тхынг во всем вне конкуренции! Сколько лет вы служили Вьетминю?

— Да лет этак пять, шесть...

— Вы в пятьдесят восьмом полку знали Бай Луана?

— Какого Бай Луана?

— Бай Луана, что был командиром четыреста двадцатого батальона, заместителем командира пятьдесят восьмого полка...

— Знал... Так он уже на Севере, да? Это агроном Луан, мой однополчанин. Это из-за него у меня пропала охота служить дальше, и я вернулся в общину Чифай.

— Отлично! — развеселился Ли Кай. — Служили в пехоте или на флоте? — спросил он, вдруг переменив тему разговора.

— Я заместитель командира роты морских диверсантов... Мой профиль — подрывать корабли, взрывать мосты... Любой, самый большой мост могу разнести...

— Даже такой мост, как сайгонский двухконсольный? — продолжал спрашивать Ли Кай.

— Это-то! Этот... — Шау Тхынг хихикнул. — Послушай, детка, ты такая милашка, не советую тебе на ощупь карабкаться на двухконсольный мост, а то костей не соберешь! — Шау Тхынг попытался встать. — Эй, пошли! Детка, дай-ка я тебя поцелую!

Девица подставила щеку. Шау Тхынг пошел было вдоль стойки и рухнул. Его стошнило...

18

В то утро впервые после прибытия в город и сближения с семьей Нго Луану представилась возможность нанести визит Нго Динь Зьему. Луан знал, что Зьем пригласил его только потому, что этого пожелал епископ Тхук. Луан ожидал этой встречи уже несколько месяцев. Строя свои расчеты, он понимал, что епископ как прикрытие не очень надежен. Похоже, Нго Динь Ню не был расположен знакомить приемного сына епископа с премьер-министром, хотя с Луаном Ню неизменно говорил как с членом семьи.

После телефонного звонка епископа Луан тотчас же связался с Ню. Звучавший с другого конца провода, из резиденции Зялонг, голос Ню был не очень радостным:

— Ну что ж... Ладно, приезжай...

Зьем принял Луана по-семейному. Когда адъютант провел Луана внутрь дальнего крыла дворца и он увидел Зьема в пижаме, беседующим с епископом, Луан внутренне воодушевился.

— Здравствуйте, молодой человек! — Зьем протянул Луану руку, даже не привстав.

— Здравствуйте, господин премьер-министр! — поклонился Луан.

Поцеловав перстень на пальце епископа, Луан устроился в кресле, на которое ему указал Зьем.

Зьем выглядел очень свежим, волосы его были расчесаны на строгий пробор, из сигареты «Голден клуб», зажатой между пальцами, тянулась струйка дыма.

— Как ваши дела? — мягко спросил Зьем.

— Вполне сносно, господин премьер-министр.

— Он немного поправился, даже потолстел, как раз до нормы, — с теплотой в голосе произнес епископ. — Ведь почти десять лет лишений!

— Быть может, в подходящий момент вы, святой отец, свозите его в Хюэ навестить дядюшек, тетушек и дядю Кана... — Зьем посмотрел на Луана — тот сидел робко, сцепив руки. Для Луана такой переход в беседе был неожиданным.

— Подождем дня памяти матери... Как раз соберутся многие. Луан тоже приедет... — охотно согласился епископ.

— Верно! — Зьем снова сменил тему беседы: — Вы слышали сообщение о нападении Патет Лао²¹ на Нонгкхай в Северном Лаосе?

— Да, я слышал об этом утром по радио.

— Как, по-вашему, что это предвещает?

— Видите ли, информация пока неполная, у меня нет достаточных данных, чтобы сделать прогноз. Однако, по-моему, этот эпизод не выйдет за рамки конфликта местного значения, он носит лишь временный характер... — сдержанно ответил Луан.

— Я несколько иного мнения. — Зьем погасил сигарету, достал из пачки новую, закурил. — У Патет Лао две провинции, они воспользовались слабостью королевской армии, рассчитывая расширить контролируемую ими зону. Ситуация будет быстро меняться... Не только в Лаосе, но и во всем Индокитае!

Луан молчал, епископ бросал на него взгляды, ободряя его, поощряя к дальнейшим высказываниям. Заметив замешательство Луана, Зьем улыбнулся:

— Здесь вы среди своих. Не смущайтесь. Я готов выслушать вас, пусть даже ваше мнение не совпадет с моим.

— Ну что ж, с вашего разрешения, господин премьер-министр, я бы сказал следующее. В целом стремление к миру является в настоящее время самым сильным и преобладающим стремлением на нашем полуострове. Никто не может безнаказанно нарушить положения Женевских соглашений. Та сторона, которая намеренно нарушит прекращение огня, тотчас окажется в изоляции в глазах общественного мнения как в регионе, так и в более широких масштабах. Таким образом...

Зьем слушал, время от времени кивая. В этот момент вошел Нью. Увидев, что Луан привстал, он жестом вернул его обратно в кресло, придвинул себе мягкий табурет и, усевшись, приготовился слушать, что скажет Луан дальше.

— Я отвечаю на вопрос господина премьер-министра, — пояснил Луан.

— Знаю... Я даже кое-что успел услышать... Продолжай, пожалуйста.

— Я говорил о том, что стремление к миру охватывает весь регион. Можно сказать, весь мир. В ближайшее время Вьетнам примет участие в конференция глав государств в Бандунге. Бандунгская конференция обязательно уделит особое внимание прочному миру в Азии. Когда две представленные здесь силы, Северный Вьетнам в союзе с Советской Россией и коммунистическим Китаем, Южный Вьетнам с оборонительным союзом СЕАТО...

— А что ты скажешь, Луан, если южнее семнадцатой параллели не мы первыми применим оружие, а кто-то другой? — перебил его Нью, ероша волосы.

— Мне не совсем ясно, кого вы имеете в виду?

— Допустим, речь идет о религиозных сектах в Южном Вьетнаме, о партии Дайвьет в Центральном Вьетнаме...

— Спасибо, Нью, что не имеете в виду ветеранов войны Сопrotивления, сражавшихся севернее семнадцатой параллели, — усмехнулся Луан.

— До сего дня у меня не было оснований для подобной гипотезы. Хотя в принципе полностью такая возможность не исключена, но, разумеется, не в пятьдесят пятом году.

— Что касается религиозных сект и Дайвьета, то я не считаю их потенциал, если действительно начнется стрельба, настолько серьезным, чтобы потребовалось хирургическое вмешательство глав государств в Бандунге, — уверенно заявил Луан.

— Верно! — воскликнул Нью. — Мы в состоянии удержать в наших руках знамя мира. Уверю тебя, что мы никогда первыми не спустим курок!..

— И что первыми сделать это должны будут они! — закончил начатую Нью фразу Луан, выделив слова «Должны будут они!».

Нью расхохотался. По наблюдениям Луана, Нью редко смеялся так. Нью продолжал хохотать, но его устремленные на Луана глаза оставались серьезными.

* * *

— Зьем очень доволен! — сообщил Нью Луану. После того как они распрощались со Зьемом и епископом, Луан получил приглашение на ужин к премьеру.

Слушая Нью, Луан только улыбался.

— Ты бывал когда-нибудь в «Гран-Монд»? — поинтересовался Нью, как бы давая Луану понять, что его нисколько не заботят только что завязавшиеся у Луана отношения с премьер-министром.

Услышав отрицательный ответ Луана, Нью посоветовал:

— Посети немедленно, дни этого заведения сочтены...

— По распоряжению правительства?

— Разумеется, выполнять его они не собираются. Они оборудуют огневые точки, бросают туда дополнительные силы.

— А вы также не хотели бы, чтобы они это распоряжение выполнили, не правда ли?

Нью, шагавший по коридору в ногу с Луаном, резко остановился:

— Что за чушь, ты считаешь меня вампиром? Просто сходи в «Гран-Монд», и тебе все станет ясно...

— Ну, так далеко в своих мыслях я не захожу... В этом единоборстве правительство впереди по очкам. Биньсюен занимается азартными играми, грабежами, поборами. Правительство просит их положить конец деятельности, которая столь не по душе народу.

Религиозные секты творят произвол, отбирают рис, нисколько не считаясь с законами. Силой заставляют людей работать на себя, убивают... Правительство против. Нападайте на них... Однако одновременно, прежде чем напасть, давайте похвалим их как основателей государства и лучших слуг престола!

— О чем ты, не пойму никак! — нахмурился Нью.

— Что ж тут непонятного? Допустим, Биньсюен и другие секты ни в прошлом, ни теперь не допускали никаких ошибок, не совершали нарушений. Тогда господину Зьему и господину Нью было бы нелегко совладать с ними. Ведь верно? Допустим, генерал Хинь не владел бы французским языком лучше, чем вьетнамским, а Бай Виен не был бы искуснее в проклятиях, чем в политике, что вожди всех каодай и хоахао не были бы поджигателями или похитителями жен. Тогда разве господин Зьем мог бы с такой легкостью вычеркивать их из высших титульных списков? Режиму господина Зьема выпала редкая удача: противник сам подставляет спину для битвы! И не сегодня завтра, когда конфликт достигнет апогея между главой государства и главой правительства, козыри останутся на руках у господина Зьема: за главой государства тянется грязный след его амурных историй с несовершеннолетними в Каннах...

Нью больше ничего не говорил, он продолжал размеренно шагать, рот его словно был залеплен пластырем.

— Чего я опасюсь, так это кровопролития посреди столицы! — сказал Луан, будто не замечая реакции Нью.

— Ты считаешь, что мне по душе кровопролитие? Но если бы тебе стало известно, что Биньсюен в своих реальных планах предусматривает взрыв двухконсольного моста, а также маяка Тёкуан, ты бы понял, что именно мы решительнее всего настроены против кровопролития и разрушений, — нахмутив брови, говорил Нью.

— Я подозреваю, что эти разведывательные сведения преувеличены.

— Видишь? Ты все-таки не веришь. Могу сообщить тебе одну деталь: Биньсюен заполучила специалиста по морским диверсиям, ранее он участвовал в войне Сопротивления: кажется, даже служил в подразделении, которым командовал ты! Этот парень оставит от двухконсольного моста один каркас. Всего с тонной взрывчатки... Теперь ты мне веришь?

— Мне приходится верить тому, что вы говорите...

— Досадно! — разгорячился было Нью, но тут же вновь овладел собой. — Я представлю тебе доказательства. Разумеется, позже. А теперь загляни в «Гран-Монд»...

19

По пути домой из «Гран-Монд» Луан с трудом сдерживал овладевшие им чувства. Водитель Лук время от времени бросал на него взгляды, теряясь в догадках. Луан сидел в машине неподвижно, даже вопреки обыкновению не смотрел на улицы, одевавшиеся в предновогоднее убранство.

...По сравнению с моментом, когда Луан был там в последний раз (до 1945 года), «Гран-Монд» значительно расширился. Хотя вход в казино остался прежним и по-прежнему над

ним мигали разноцветными огнями три строки с названием заведения на французском, китайском и вьетнамском языках, внутри было четыре больших холла, два зрительных зала, оформленных в стиле китайского классического театра, где выступала целая труппа иллюзионистов, было несколько десятков ресторанов, баров и различного калибра банкетных залов. Девушки в заведении проявляли готовность оказать клиентам самые разнообразные «услуги», номера любого разряда находились рядом. Однако десятки тысяч людей привлекал в «Гран-Монд» азарт: с несколькими пиастрами можно было попытаться судьбу в «лук-лак» или «бонгву», имея несколько десятков — в «три листика», с несколькими сотнями — в вист, «железку», владельцы же тысячных сумм шли играть в рулетку. Луан никогда не думал, что здесь имеется такое разнообразие азартных игр, одно их перечисление на листе бумаги составляло более пятидесяти строк.

Лица встречавшихся Луану посетителей в подавляющем большинстве были тупыми и возбужденными: от вина, от женщин, но главное — от возможности играть на деньги. Никто не брался подсчитать или измерить пагубную силу «Гран-Монда» с момента, когда казино попало под контроль Биньсюен — с 1948 года. Сколько самоубийств, сколько убийств, сколько посаженных в тюрьмы банкротов, сколько продавших свои души или души своих жен, дочерей.

Войдя в подъезд, перед которым за мешками с песком стояли с автоматами солдаты Биньсюен, и столкнувшись лицом к лицу с этим липким миром, Луан лишней раз убедился в правильности своей оценки того, кто победит в конфликте между Биньсюен и Нго Динь Зьемом. Весь город, весь Южный Вьетнам протестовал против этого злостного места. Возможно, очень немногие симпатизировали Нго Динь Зьему, однако не настроенных враждебно к Биньсюен не было вовсе.

Нгок был единодушен с мнением Луана.

Луан встретился с Нгоком — они условились заранее — в кафе левого крыла, в котором подавали дичь. Там было много светильников, но мало света. А Нгок был так искусно загримирован, что Луан лишь после нескольких секунд колебаний узнал его. Густая борода, неряшливый костюм, черная фетровая шляпа, в руке веер — все эти атрибуты придавали Нгоку вид счетовода, занявшегося кладоискательством. Он сообщил:

— Я установил связь с Бай Монгом, он бывший рабочий маяка. Бай служит в штабе Биньсюен. Нас познакомил его старший брат — подпольщик, поэтому я смог поговорить с ним прямо. Парень неплохой, готов нас слушать, однако слабоват. Я поручил его райкому Лонгхань. Если обстановка осложнится, Бай переплывет реку и наши пришлют подкрепление, что позволит покончить с военной зоной Д. Я обсудил с Бай Монгом вопрос о его уходе заранее, чтобы он не оказался замешанным в этом деле, однако Бай не согласился. У него свои аргументы: уйти сейчас — значит потянуть за собой десятки людей. Солдаты Биньсюен не осведомлены о преступлениях своих лидеров и по-прежнему фанатично им преданы. Они верят, что французы не бросят Биньсюен, они верят, что армия еще не склонилась на сторону Зьема, они рассчитывают на войска Нгуен Ван Тханя в Тэйнине, войска Леона Леруа в Бенче, войска Ба Кута в Лонгсюене, корпус «Нгылам» генерала Ви в Далате... Однако рано или поздно они придут в себя. Вот тогда-то Бай найдет повод уйти и изыщет способ известить об этом нас. Выслушав Нгока, Луан согласился с ним, потом вздохнул:

— Я еще не связывался с Шау Дангом. Пока неясно, как оценивает обстановку комитет.

— Через товарищей из лонгтаньского райкома, — продолжал Нгок, — мне известна следующая установка парткома Восточной зоны: противоречия между профранцузскими и проамериканскими силами вступили в предконфликтный период, профранцузский лагерь расслаивается. У него нет четкой политической программы. Он по-прежнему цепляется за антикоммунизм. По мнению центра, профранцузы обречены на изоляцию и поражение. Партком Восточной зоны предписывает воспользоваться конфликтной ситуацией и попытаться опереться на патриотически настроенную часть антивьетнамских группировок, что позволит сохранить наши силы и в то же время вызвать легальные формы для создания основы революционных вооруженных отрядов. Зональный партком считает, что нельзя открыто призывать массы к поддержке антивьетнамских фракций, потому что эти фракции — вчерашний день, они и сейчас против народа, и у них перед народом кровавый долг.

— Теперь ясно! А мы-то думали, что это директива парткома Юга... Я действовал именно в данном направлении. Теперь советую тебе на какое-то время лечь на грунт. Или, может, в зону вернешься? Поработал ты плодотворно. — Луан заботливо посмотрел на Нгока.

— Как только от тебя поступит сигнал тревоги, я тотчас затаюсь... Пока возвращение в зону я считаю неоправданным. Подождем, каков будет следующий этап развития ситуации. К тому же группа Бай Монга совсем неопытна, в случае чего вряд ли им удастся выкрутиться без нашей помощи. — Нгок вдруг вздохнул: — Поначалу я рассчитывал, что Биньсюен в поисках выхода так или иначе пойдет на союз с нами. Сколько раз я обращался к Лай Ван Шангу, Лай Кыу Таю в даже к Бай Виену. Однако они так и не прозрели. Кстати, их военные отличаются еще большей тупостью. Мало того, что они отказываются, они еще и пытались запугать меня. Бай Циен прямо заявил, что он ненавидит Зьема, но эта ненависть слабее, чем злоба в отношении нас, Я старался изо всех сил...

Немного помолчав, Нгок продолжил:

— Ну, я-то скоро заканчиваю. А вот твое задание ох и тяжелое. Я беспокоюсь за тебя. Ты ведь прямо у тигра в пасти!

— У тигра в пасти, но на сон и аппетит не жалуюсь, — пошутил Луан и тотчас понял, как только увидел встревоженное лицо Нгока, насколько неуместна была эта шутка. — Спасибо, что ты волнуешься за меня, — снова заговорил он серьезно. — Но, если я правильно понимаю, обстановка не так тревожна. В настоящее время для меня главное — добиться более высокого доверия семейства Нго Динь Зьема. ...Нам с тобой лучше на время прекратить контакты: береженого бог бережет. Отсидись пока где-нибудь... Если окажется действительно необходимо, я дам тебе знать через сестрицу Ка...

— Ну, я пошел... Знаешь, прошу тебя, все-таки будь осторожен.

Луан под столом крепко пожал Нгоку руку. Глаза обоих застилала горькая пелена. Украдкой наблюдал Луан за Нгоком, пока тот не смешался с толпой и не исчез из виду совсем.

По дороге в город на Луана вдруг нахлынули воспоминания. Его охватило непреодолимое желание очутиться в кругу друзей, товарищей, где можно безудержно смеяться, где веселье есть веселье, гнев всегда гнев. Вот уже несколько ночей, как ему, несмотря на все старания, никак не удавалось уснуть. Его угнетала пустота и одиночество. Близко был только водитель Лук. Искренний по натуре, он все сильнее выражал симпатии по

отношению к Луану, однако разве мог Луан забыть, что Лук — человек доктора Туена. Да плюс еще охранник.

За Луаном следили две пары глаз. Правда, Нью убрал парня, который чинил велосипеды. Но кто знает, сколько других парней наблюдали за Луаном. Каждый день он сталкивался, встречался, беседовал с очень многими людьми, и каждое его слово, каждое действие просеивалось и анализировалось. Малейшая ошибка, могла привести на виселицу. Каждый день он жил словно в напряженном спектакле, где все вплоть до смеха, до взгляда, до пожатия плечами должно быть продумано тщательнейшим образом. Ему до тошноты надоело говорить не то, что он думает, говорить вопреки собственной совести. Луан только теперь, понял, что заранее представить себе все эти сложности в полной мере невозможно. Как надолго хватит ему нервов, чтобы выдерживать эту адскую пытку? И во сне он не имел права терять бдительность. Сверхчувствительные микрофоны улавливали даже его дыхание.

В соответствии с принципами конспирации, обязательными в условиях работы в стане врага, Луан мог поддерживать связь только с Ша Кюеном и Нгоком. Вместе с Ша, безусым парнишкой-связником, он не раз спал под одной москитной сеткой. Связью через него он воспользовался пока лишь один раз — в день, когда угостил его «сигаретой». Следующая встреча с ним должна состояться уже на Новый год по лунному календарю. Интересно, удалось ли ему тогда благополучно уйти? От Кюена условный сигнал не поступал. Видимо, он еще оборудует «крышу». Нгок встречался с Луаном несколько раз, но теперь будет сложнее; достаточно Нью узнать, что они поддерживают отношения, как их обоих придется вычеркивать из списков живых.

Если бы не задание, да еще такое ответственное, он давно бы уже вернулся в родную партизанскую зону. Пусть обстановка там сейчас не та, что раньше. Наша армия ушла на север. Тем из наших, кто остался, приходится жить среди болот, в тайных норах, землянках, путая день с ночью. Но все равно это кусочек свободной земли.

Луан вздохнул. Он вспоминал 9-ю зону, местных жителей, ребятишек. До мельчайших подробностей всплывали в памяти места, где он провел годы. К действительности его вернул голос мальчишки — разносчика газет:

— Последний выпуск! Бывший губернатор Фан Ван Зяо предстанет перед судом за растрату шести миллионов пиастров! Крупное ограбление у рынка, совершено нападение сразу на три ломбарда, грабители воспользовались полицейской автомашиной...

Луан купил «Тьенг Тьюнг». Дело Фан Ван Зяо ему было безразлично. Ведь Нго Динь Зьем проводил сначала отвлекающе-заманивающие удары, оставляя решающие для деятелей весовых категорий, значительно превышающих категорию Зяо, в том числе и для Бао Дая.

Луан по диагонали просмотрел передовую статью.

«Друг все еще жив и здоров», — подумал он о Кхай Мине, авторе передовых статей газеты «Тьенг Тьюнг». Иногда эти статьи подписывал редактор Динь Ван Кхай, но стиль Кхай Миня угадывался в них безошибочно. «Дай тебе волю, так ты кого угодно заговоришь до беспамятства», — так Луан шутил раньше со своим другом Нгуен Ван Хьеу, который выступал под псевдонимом Кхай Минь.

Луан листал газету, бегло читал заголовки. Ничего существенного. Но вроде бы и не совсем так. Луан, уже сложивший было газету, снова торопливо развернул ее и прочитал

на четвертой странице в рубрике «Объявления»: «Брату Ле Зьет Тху (Шау Тхынг), бывшему заместителю командира роты 420-го батальона Бакльеу, ныне работающему в главном управлении полиции: матушка тяжело больна. Срочно приезжай. Сестра Ба».

Луан раза четыре или пять перечитал это коротенькое послание.

Ле Зьет Тху? Шау Тхынг? Да, сомнений быть не может, это он...

* * *

Собрание партийной ячейки второй роты затянулось глубоко за полночь. Все члены партии — около двадцати человек — сидели на циновках из листьев кокосовой пальмы. Самодельная лампа из снарядной гильзы тускло освещала их лица, мрачные и злые. Единственным, чье лицо оставалось невозмутимым, был Шау Тхынг, заместитель командира роты, отвечающий за диверсантов-подводников.

— Все товарищи из парторганизации выступили. Предоставляю слово товарищу Луану от парткома батальона. — Секретарь ротной партийной ячейки считал, что собрание пора заканчивать.

Луан довольно долго колебался. Дело ясное. Шау Тхынг получил задание командования возглавить группы, которым надлежало поставить подводные минные заграждения против французских судов в устье реки Нитнгует. Как и предполагало командование батальона, конвой французских судов вторгся в партизанский район через устье реки Нитнгует. Не встретив сопротивления партизан, противник разделил свои силы на две колонны: одна пошла по течению рукава Байхан, другая — против течения по основному руслу. Они подвергли ожесточенному артиллерийскому обстрелу базу партизан в устье Каикам... Французы ушли только после того, как напоролась на мины в Вьюнко. Мины, поставленные партизанами.

Шау Тхынг оправдывался: детонаторы мин отсырели, сколько динамо ни крутил, взорвать не удалось. Батальон провел расследование. В действительности же Шау Тхынга даже не было в устье Нитнгует. В тот момент, когда суда французов входили в освобожденный район, Шау Тхынг бражничал. После этого, когда до реки Нитнгует оставалось добрых десять километров, еще и уселся в карты на деньги играть. Младшие командиры и бойцы предупреждали Шау Тхынга о необходимости выполнить приказ командования, но он не только не послушал их, а еще и осыпал бранью...

На партийном собрании Шау Тхынг своих действий не отрицал, но отказывался признать их преступными.

— Я думаю, пусть лучше сначала Шау Тхынг выскажется...

Луан все еще пытался предоставить ему шанс удержаться на плаву, Шау Тхынг много лет служил в роте и, хотя любил выпить, участвовал почти во всех крупных операциях 420-го батальона.

— Мне нечего говорить, — надул губы Шау Тхынг. — Дорвались до экзекуции! Хотите взыскание наложить — валяйте... Вы что думаете, я рвался в замкомроты? Ночь уже — спать пошел! — Шау Тхынг привстал, намереваясь выйти из палатки.

— Шау Тхынг! Стоять! — крикнул Луан.

Рука Шау Тхынга потянулась к кобуре, сузившиеся глаза уставились на Луана.

— Руку. — Луан продолжал спокойно сидеть. — Застрелиться, что ли, хочешь?

— Шау Тхынг, ты что, забыл, как стреляет Луан? — охладил его кто-то из присутствующих, и Шау Тхынг тотчас отдернул от оружия руку.

Собрание постановило исключить Шау Тхынга из партии. От имени командования батальона Луан зачитал приказ об освобождении Шау Тхынга от обязанностей заместителя командира роты, увольнении его из армии и о переводе в подчинение партизанского отряда общины Чифай.

Это произошло в 1952 году. Луан совсем забыл о Шау Тхынге, Его имя не было даже включено в списки лиц, знающих Луана и могущих навести на его след.

Быть может, морской диверсант, о котором говорил Нго Динь Нью, именно он?

Луан еще не успел справиться с изумлением от прочитанного в газете, как уже искал невидящими глазами кого-то в толпе. Он не сразу заметил официантку, протягивающую ему влажную ароматную салфетку.

Кто-то очень похожий на Шау Тхынга шел по проходу между столиками за Ли Каем буквально по пятам. Точно, это был он.

Шау Тхынг в полицейской форме с пистолетной кобурой на поясе вот-вот должен был поравняться со стойкой, за которой сидел Луан.

Луан сложил газету, привлек к себе официантку, обнял ее и усадил к себе на колени. Девушка развязно улыбнулась, обвила руками шею Луана, наклонилась к нему. Так она заслонила Луана.

Ли Кай и Шау Тхынг остановились у стойки.

— Какие, к черту, отец или мать, чтобы им болеть... Ни сестер, ни братьев нет... Просто совпадение, однофамилец! — убеждал Шау Тхынг Ли Кая.

— Уж больно странно! Ведь сообщение однозначно адресовано вам, господин Шау!

Сердце у Луана учащенно забилося. Они стояли у стойки, и невозможно было предугадать, как события развернутся дальше.

Девушка, услышав участившееся напряженное дыхание Луана, игриво куснула его за ухо и прошептала:

— Пойдем туда, снимите комнату до утра, ладно? Через плечо официантки Луан видел, как Ли Кай и Шау Тхынг отошли в сторону эстрады и пропали из виду.

Немного подождав и убедившись, что они не возвращаются, он легонько чмокнул ее в щеку, расплатился за ужин, не забыв дать девушке «на чай».

Официантка осталась в недоумении, когда Луан, видимо, испугавшись, как она подумала, платы за комнату до утра, вдруг распрощался.

В глубине души Луан был благодарен также этому газетному уведомлению, публикация которого, как он был уверен, принадлежала Шау Дангу.

20

Луан вернулся к себе в середине ночи. Мысли его были заняты одним — он настойчиво искал способ решения задачи, возникшей в связи с Шау Тхынгом.

Еще и Ли Кай в придачу. По имеющимся у него сведениям, Ли Кай по-крупному занимался игорным бизнесом в «Гран-Монд». Но почему его интересует Шау Тхынг, заметка о нем в газете? Или?..

Луан поставил машину в гараж. Луан ступил на крыльцо. В луче света Луан у самого порога обнаружил окурок. Он присел, чтобы разглядеть получше. Окурок был затушен торопливо и еще оставался теплым. Вокруг Луана — никого. Но Луан чувствовал, что всего несколько минут назад кто-то стоял на этом самом месте. Возможно, этот человек скрылся, когда машина Луана подъехала к воротам.

Луан обошел вокруг дома. Ничего подозрительного. Водитель Лук погасил свет. Видимо, улегся спать.

Луан вернулся к двери. Едва вставив ключ в скважину, он сразу же понял, что в доме кто-то есть. Вытащив из-за пазухи пистолет и прижимаясь к стене, Луан тихонько отпер дверь и замер.

— А, хозяин вернулся домой. Что же неходишь, что же снаружи возишься? — раздался из гостиной хриплый голос.

Луан вошел. Кто-то широкоплечий сидел спиной к двери и потягивал вино, взятое из бара Луана. Увидев полицейскую форму и взъерошенные волосы, Луан сразу узнал Шау Тхынга.

И вдруг все стало предельно ясно. Шау Тхынг знает дом Луана, а ведь он только что был с Ли Каем в «Гран-Монд». Таким образом, Ли Кай перестал быть тайной для Луана.

Пистолет наверняка не понадобится — Луан быстренько убрал его и громко произнес:

— А я-то гадаю, кто это, а это, оказывается, Шау... Как живешь-можешь?

— Спасибо, господин агроном! Все нормально! — ответил Шау Тхынг безразличным тоном, не вставая, и залпом осушил бокал. — Коньяк классный, куда лучше, чем рисовая водка из Камау!

Шау был навеселе, язык его заплетался.

— Так давно не видел тебя, Шау, давай выпьем вместе... Подожди-ка минутку-другую, возьму что-нибудь закусить.

Луан достал из холодильника сушеных креветок, прошел на веранду и накрыл там стол.

— Сядем здесь, тут прохладнее! — позвал он Шау. Шау Тхынг притащил бутылку коньяка. Плотнo затворив дверь, Луан сел напротив Шау Тхынга. Его голос вдруг зазвучал властно:

— Что привело тебя ко мне?

— Вы и так знаете, что спрашивать... — развязно ответил Шау Тхынг.

— Поясни-ка все же! — Луан потянулся к столу, достал из пачки сигарету и легким щелчком переправил пачку Шау Тхынгу.

Шау Тхынг тоже взял сигарету.

— Ну, ты силен! — Шау Тхынг деланно засмеялся. — Вы прячете все и ото всех...

— Не понимаю, о чем это ты, — неторопливо ответил Луан.

— Не прикидывайтесь... Конечно, трудно назвать странной анкету, в которой вы приводите девяносто девять процентов подлинных сведений, если бы не одно обстоятельство: эта правда включена туда только для того, чтобы скрыть одну фальшь. Очень сожалею, но я знаю эту фальшь и мог бы продать вашу тайну...

— Так отчего же не продал? — Луана бросило в жар.

— Разумеется, не потому, что пожалел вас. До настоящего времени я еще не разгласил вашу историю. Хотя по-прежнему обижен на вас. Но, по правде говоря, у меня тоже склонность к аферам, как и у вас. Я бы хотел узнать, какую цену вы готовы заплатить, если я буду молчать? Я сопоставлю эту цену с ценой, какую мне предлагают другие, и соглашусь на ту, что окажется выше!

Луану захотелось плюнуть Шау Тхынгу в лицо.

— Ты забыл, что без приглашения вторгся в мой дом, причем ночью, что я могу пристрелить тебя за это и не нести никакой ответственности? — Луан был не в силах сдерживаться дольше.

Шау Тхынг вдруг усмехнулся и налил себе еще рюмку.

— Коньяк у вас... Чем больше пьешь, тем вкуснее кажется! Мне нужны деньги на коньяк. И все. Что же иаеается того, чтобы пристрелить меня, так этого я не боюсь. Стреляете вы отменно, это известно всем. Бог почему я пришел к вам без оружия. Я не боюсь, потому что вы не дурак. Если, убив меня, вы не покончите с собой, вам придется пуститься в бега. А это только поможет свету убедиться в обоснованности подозрений в отношении вас. Так что не советую вам стрелять в меня.

Шау Тхынг сидел, положив ногу на ногу и раскачивая ею. Руки он скрестил на груди.

Луану стало плохо от досады: Шау Тхынг был прав.

— Ну как? Можете дать мне займы на карманные расходы, скажем, несколько десятков тысяч?.. Идет?

— Послушай-ка, — нахмурился Луан, — это твоя личная инициатива?

— Господи! Вы, господин агроном, известны своей образованностью, а до сих пор ничего не поняли? Я не идиот, чтобы делиться с кем бы то ни было до того, как узнаю, согласны вы дать мою цену или нет. Вы, наверное, удивлены, откуда я знаю ваш дом и откуда у меня от него ключ. Прошу вас не думать, что Шау Тхынг — простая пешка и не в состоянии разыскать чей-то дом. Что касается ключей, то вы забыли, что Биньсюен располагает любыми ключами.

— Довольно, называй свою цену конкретно. Ты любишь прямую игру, я тоже. — Луан вновь овладел собой и почувствовал себя спокойнее.

— Здорово! Знать, правду о вас говорят, что смысленый. Для начала мне нужно двадцать тысяч!

— Значит, подразумевается продолжение?

— А как же!

— Ты знаешь, я не держу таких денег дома. Могу дать тебе сейчас пять тысяч. Завтра получишь остальное. В девять утра найдешь меня в Тёлоне, в ресторане «Арк-ан-сьель».

Шау Тхынг взял деньги, затем попрощался с Луаном, а когда вышел за ворота, вдруг обронил:

— Господин агроном, так не забудьте выполнить свое обещание!..

Луан позвонил Ню:

— Прошу извинить, что звоню вам так поздно, среди ночи, но я очень опасаюсь...

Голос Ню звучал очень бодро:

— Я лег только в два... Что-нибудь срочное? Ты уже был в «Гран-Монд»?

— Я только что оттуда... И по-прежнему не отказываюсь от намерения убедить генерал-майора Ле Ван Виена подчиниться распоряжению правительства.

— Я тебя понимаю. Однако дело это безнадежное. Это слишком большая и непозволительная роскошь — выяснять с грабителями-генералами, кто прав, кто виноват...

— Все равно я еще надеюсь.

— Как знаешь. По правде говоря, я очень беспокоюсь за тебя. Как по-твоему, может быть, стоит принять дополнительные меры безопасности?

— Да нет, спасибо. Хочу еще раз испытать судьбу. В трубке послышался смех Ню:

— Выбирай сам, когда будешь перебираться на тот берег по двухконсольному мосту. Прежде чем пуститься в путь, позвони мне.

— Есть еще кое-что. Я только что виделся с Шау Тхынгом.

— Каким Шау Тхынгом?

— Тем самым, специалистом по водным диверсиям!

— Как?! — встревожился Нью. — Когда вы с ним повстречались, где, зачем?

— Только что у меня дома, он явился, чтобы занять у меня денег!

— Взять займы?

— Именно!

— Он просил одолжить ему или вымогал?

— Пока форма, к которой он прибег, даже мягче, чем просьба о кредите. Он взял у меня займы. — Луан произнес эту фразу самым естественным тоном, на какой только был способен, хотя пот струился по его лбу. — Он так умолял, так упрашивал... Я не смог отказать. Он ведь раньше служил в одной части со мной.

Некоторое время Луан слышал с другого конца провода только сдержанное дыхание.

— Я хочу наладить с ним близкие отношения...

— Ладно... Хорошо... — вдруг обрадовался Нью. — Все же прошу тебя быть осторожнее. В этой партии особенно сложен дебют!

— Спасибо.

— Бон шанс!

Закончив беседу, Луан лег на кровать прямо в одежде.

Поединок с Ли Каем! Кстати, необходимо сообщить Нгоку про Ли Кая и его козни. Все мельчайшие детали дальнейших действий постепенно вырисовывались и проявлялись в сознании Луана, как на фотопленке. Затем он вернулся к действительности...

...На следующий день утром Луан зашел в фотоателье и пригласил мастера с собой в ресторан.

Луан закатил Шау Тхынгу пышный банкет.

— Давай сфотографируемся на память... Забудем старое... — великодушно предложил Луан.

— Отлично!

Шау Тхынг поправил костюм, Луан сел рядом с ним. Из «поляроида» появилась первая фотография, на которой оба одинаково широко улыбались с поднятыми бокалами. Затем фотограф начал суетиться, выбирая удачные ракурсы.

Когда первая бутылка коньяка опустела, Луан передал Шау Тхынгу деньги. Тот тщательно пересчитал толстую пачку крупных купюр.

— Помните, господин агроном, когда я понадобится, вам стоит лишь сказать. Не надо отказываться.

А потом другим, более дерзким тоном Шау Тхынг добавил:

— Вы вот вернулись, а стоит мне поднять шум... Тогда уж не обессудьте. Хочу вам сказать: кое-кто готов заплатить мне большие деньги за сведения о вас.

— Думаю, ты можешь это сделать, если захочешь. Я встретился с тобой и помогаю тебе совсем из других соображений: мы вместе воевали, оба сейчас вернулись в город целые и невредимые. Если ты думаешь, что я из боязни твоего доноса буду давать тебе деньги, ты ошибаешься. Если в будущем тебе понадобится помощь, приходи, я охотно тебе помогу. Честно говоря, я неплохо обеспечен. Но если ты собираешься шантажировать меня или, тем более, продавать сведения обо мне кому-либо, то хочу тебе посоветовать — не строй глупых расчетов! Я тебя не боюсь. Наоборот, если кто и нуждается в покровительстве, так это ты. Ты забываешь, что ты всего-навсего рядовой член секты Биньсюен, тогда как я работаю с премьер-министром.

Луан произнес эту тираду одним духом, самоуверенным тоном.

Лицо Шау Тхынга вытянулось.

— Ладно, давай лучше еще выпьем.

Луан открыл вторую бутылку коньяка. Он вздрогнул, когда снаружи послышался голос, говоривший о китайским акцентом, очень похожий на голос Ли Кая. К счастью, это оказался какой-то другой хуацяо.

Луан накачивал Шау Тхынга до тех пор, пока тот, еле-еле ворочая языком, не признался:

— Господин агроном, я вроде перебрал...

Луан позвал официанта и велел препроводить Шау Тхынга в номер, поручив его заботам какой-нибудь гостиничной девицы. Деньги за номер он заплатил на сутки вперед.

Подъехав к двухконсольному мосту, который за форму опор местные жители прозвали «Игреком», Луан увидел несколько пулеметных гнезд, глядящих амбразурами на Тёкуан. Здесь же стояли два танка-амфибии, и их 37-мм орудия были направлены на дорогу, ведущую к мосту. На пешеходной дорожке были навалены мешки с песком.

Под мостом вдоль берега реки стояли безоткатные 57-ми орудия, 75-мм пушки, 80-мм минометы. Рядом с ними лежали нераспечатанные зарядные ящики. Кругом слонялись солдаты Биньсюен в новенькой военной форме. Береты у всех были надеты набекрень. Луан понял, что недавно французская армия не пожалела выдать со своих складов этим наймитам ненужное обмундирование. Смешанное чувство стыда и злости поднималось в груди Луана каждый раз, когда он проезжал мимо наклеенных на деревьях и фонарных столбах фотографий генерала Ле Ван Виена.

Шофер Ву Хюи Лук, явно растерявшись, спросил дрожащим голосом:

— Воевать собрались?

— Да уж наверняка...

— Но зачем же патриотам воевать друг с другом? Луан не ответил. Ему многое вспоминалось. Биньсюен до относительно недавнего времени не пользовался дурной репутацией. Тогда местность к югу от Сайгона еще не была освоена. Здесь простиралась болота, поросшие камышом и кипарисовиком. Вокруг постепенно возводились деревни, дома строили на сваях. Народ собирался разный: люди, укрывавшиеся от набора в армию, лишившиеся средств к существованию в других местах и иные. Они ловили рыбу, крабов, заготавливали дрова, работали в городе грузчиками, гнали самогон. Постепенно сложилось представление, что районы Биньсюен и Тяньхынг существуют вне закона. В действительности народу здесь было немного. Но убежище для укрывающихся от властей тут было поистине идеальное. Именно в этом качестве Биньсюен и начал разрастаться.

Когда японцы высадились в Индокитае, фирма Дайнан Кооси построила в Тяньхынге судовой верфь. Одновременно вошел в строй и мост «Игрек», переброшенный через воды трех каналов. Прояпонские группировки, воспользовавшись этим, при помощи оккупантов создали свои вооруженные силы. К моменту захвата власти в стране японцами, после свержения французской колониальной администрации, вооруженные формирования Биньсюен были довольно многочисленны. В дальнейшем все они пошли за Вьетминем. Ле Ван Виен одновременно являлся заместителем командующего военным округом и начальником вооруженных подразделений Биньсюен.

Большой потерей для движения Сопротивления стала гибель Ба Зыонга, одного из патриотических лидеров Биньсюен. Бай Виен пошел в гору. В первые же дни Сопротивления на смену японской разведслужбе — «партии черного дракона» — пришла французская разведка, так называемое Второе бюро. Бай Виену было поручено разработать совместно с силами французов решающий удар с целью уничтожения руководящего ядра Сопротивления. В условленный час одновременно из приграничного городка Зонгзинь, где располагался штаб генерал-лейтенанта Нгуен Виня, через Ланг Ле, где находился горком компартии, французские войска начали крупномасштабную операцию по захвату южной части Сайгона, находящейся под контролем патриотов и служащей плацдармом для действий в городе. В операции участвовали: французская пехота, десантники, морские пехотинцы, части Бай Виена, Ты Ти, Фам Хыу Дыка. Силы Сопротивления понесли значительные потери. Почти все кадровые работники, члены партии, патриоты из числа военных из Биньсюен погибли. Были арестованы, замучены во время пыток тысячи жителей районов Кан Зюок и Нябе, изнасилованы сотни женщин... Освобожденный район к югу от Сайгона перестал существовать.

Славное имя Биньсюен было опозорено этим предательством.

Честные командиры из Биньсюен отказались служить предателям. Часть из них бежала в Донгхап, другие переплыли реку Варна. Благодаря именно им продолжало реять знамя Биньсюен.

Луану доводилось встречать этих людей в войсках Сопротивления. Они честно служили в боевых частях. За несколько лет боев под одним знаменем у этих командиров, по сути дела, исчезли черты, рожденные Биньсюен. Ныне они, очевидно, занимаются строительством военных объектов или честно трудятся где-нибудь на севере страны.

А Бай Виен и его подручные, наоборот, все глубже увязали в трясине преступлений. И трудно сказать, как низко они пали в этих злодеяниях, прочно связав свою судьбу с судьбой своих хозяев.

Несколько раз Луан мысленно прикидывал как на весах, с одной стороны, Бай Виена и ему подобных, с другой — Нго Динь Зьема. Однако он скоро пришел к выводу, что если Бай Виен не станет действовать против Зьема по указке французов, то ему суждено быть под пятой Зьема. Такой вариант многократно увеличит трудности для революционеров. Вопрос, как использовать этот конфликт в интересах революции, — вроде бы абсурд, но по логике выходит так, и здесь не место эмоциям. Естественно, это не относится к рядовым исполнителям, слабо разбирающимся в политике людям, ставшим жертвами Бай Виена и французских колонизаторов.

Луан равнодушно смотрел в окно. Его невозмутимость успокоила шофера Лука. Наконец машина подъехала к воротам главного штаба Биньсюен.

У ворот машину встретил Лай Хыу Тай, обладавший учтивыми манерами чиновника и представительностью политического деятеля. Он радушно пожал Луану руку и сел вместе с ним в машину. Они объехали вокруг выкрашенного зеленой краской здания, окруженного траншеями. Тай явно стремился продемонстрировать свою мощь. Он помнил, что в лице Луана имеет дело со знающим, бывалым офицером. Однако Тай все же ставил собеседника ниже своих настоящих, как он считал, командиров — выпускников Сен-Сира²².

Луан спокойно смотрел вокруг, и, когда они закончили объезд, ему стало ясно, что все оборонительные сооружения, если говорить серьезно, не более чем показуха. В предстоящем неизбежном столкновении генерал Виен явно не будет серьезным противником для генерала Ти: его логово в Биньсюен быстро захватят. Очевидно, генерал Ти продвинется по службе, ибо сражение с Биньсюен представляет собой наилучший трамплин в его военной карьере, к тому же оно не требует крупных сил.

Район главного военного штаба являлся хорошей мишенью со многих оперативных направлений. Огневые средства были размещены только в одну линию. Пулеметы и орудия были расставлены где попало и без учета необходимости огневого взаимодействия. Даже инженерные сооружения — окопы и ходы сообщения, картинно обложенные мешками с песком, не годились для настоящего боя.

Оборонительные сооружения Биньсюен отличались трагической слабостью. Похоже, что здесь французские офицеры не очень-то старались для своих подопечных. Правда, в другом месте были видны плоды их стараний: позади главного штаба стояли наготове бесчисленные баржи и грузовые моторные лодки с продовольствием, водой и, естественно, ящиками с винными бутылками. Здесь притаилась даже баржа с «веселыми девочками». Луан определил ее по сохнувшему на веревках женскому белью, которое развевалось на ветру наподобие праздничных флагов. На площадке возле здания штаба стояли два вертолета, приготовленные, разумеется, для командования, а никак не для боевых действий. Тай, не переставая с надменностью показывать, ждал от Луана выражения восхищения. А Луан размышлял, что бы ему сказать сейчас поуместнее...

Луана принял Лай Ван Шанг: Бай Виен находился в Бенче вместе с полковником Леоном Леруа.

Войдя вместе с Шангом в приемную, Луан увидел сидящего за столом Ли Кая. Тот вежливо встал, приветствуя Луана.

Приемная была роскошно обставлена. За спинкой кресла, покрытого тигровой шкурой, вздымались вверх слоновьи бивни длиной каждый с метр, а то и больше. Это, очевидно, место самого Бай Виена. Пол был устлан турецким ковром, играли огнями хрустальные люстры. На диване в стиле ампир стояло клеймо французской мебельной фирмы «Левитан».

В приемную вошла Тиеу Фунг, она принесла поднос с бутылкой вина и рюмками, Одета сегодня во вьетнамское национальное платье, она приветливо кивнула Луану.

— Как ваше здоровье, господин агроном?

— Спасибо, а как вы поживаете?

— Благодарю, хорошо.

Тиеу Фунг разлила вино в рюмки, украдкой посмотрела на Луана.

— Я очень сожалею, что генерал-майор Ле Ван Виен отсутствует. Сегодня я надеялся увидеть его, но, увы, мне не повезло. — Луан сказал это после того, как все трое чокнулись. Он говорил искренне, поскольку действительно хотел составить личное мнение о главе Биньсюена.

— Что вы думаете, господин агроном, о размещении наших войск? — Лай Хыу Тай не удержался и задал этот вопрос вовсе не к месту.

— Сегодня я приехал проведать генерал-майора и вас, господа, без какой-либо цели, которая имела бы отношение к армии. Очень признателен вам за доверие, за возможность взглянуть изнутри на секретные оборонительные сооружения...

— Ну что вы! — Тай остановил Луана протестующим жестом. ~ Мы же действуем среди бела дня, мы не похожи на тех, кто что-то скрывает! В течение вашей непродолжительной прогулки мы все время старались быть... ну... как бы откровенными друзьями, чтобы выявить существующие между нами разногласия... Прежде чем вы, господин агроном, расскажете о цели своего визита, нам хотелось бы услышать ваше мнение.

Тай говорил витиевато, капризным тоном.

«Пока не напугаешь этого хвастуна, — подумал Луан, — он будет неуправляем». Улыбнувшись, он произнес:

— Что же, если так, позвольте мне, господа, говорить с дружеской откровенностью. У меня не было возможности полностью осмотреть систему обороны, я видел своими глазами лишь район вокруг главного штаба и буду судить с чисто военной точки зрения. Вы согласны?

— Да, разумеется! — Лай Ван Шанг ссутулился, а Лай Хыу Тай, наоборот, откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди. Его поза говорила: дескать, послушаем тебя, хотя слушать-то нечего.

— Прежде всего, мне неясен тактический замысел командования Биньсюэна. Для чего размещены войска вокруг штаба? Чтобы оборонять командование? Может, это главный укрепленный пункт вашей крепости? Или же это, прошу прощения, лишь имитация? Я хорошо помню, что газета «Журнал д'экстрем Орьян» публиковала довольно обширный, подробный и, естественно, содержательный репортаж о районе вашего главного штаба.

Лай Ван Шанг нахмурился, его темное лицо помрачнело еще сильнее. Физиономия Лай Хью Тая тоже несколько погрузнела.

— Если ставилась цель обороны главного штаба, то численность войск и средств для этого несколько избыточна. Точнее говоря, она значительно выше необходимого уровня. Если же здесь основное оперативное направление, то, во-первых, войска располагаются скученно, а во-вторых, зачем для этой цели выбрано именно место дислокации главного штаба? Разве несколько пулеметных гнезд и амфибий способны воспрепятствовать захвату моста противником? Разве не использует противник господствующие высоты перед главным штабом, например маяк в Тёкуане? Как ваши военные эксперты предполагают развитие боевой обстановки? Они что, собираются воевать с группой лазутчиков или с отрядом легковооруженных штурмовиков, пытающихся прорваться через ваши укрепления? А вы не подумали, господа, что не потребуется и сотни стопятидесяти миллиметровых снарядов, чтобы сровнять с землей весь укрепрайон? Вы не предполагаете, что морская пехота противника ударит вам в тыл? А что вы будете делать, когда противник оседлает, с одной стороны, дорогу из Фусуана в Нябе, с другой — мост, соединяющий Онгтхин и Канзюок, и таким образом возьмет вас в клещи? Почему вы рассчитываете на нападение только с фронта? И потом, извините, господа, если это имитация, то она никак не напугает даже людей с элементарными представлениями в военной области. Одновременно она навлекает на вас политическое поражение! Не правительство, а Биньсюэна решается на кровопролитие! В нынешней тонкой политической ситуации в стране нет более серьезной ошибки, чем воинственно бить себя в грудь... Потерять флаг мира означает потерять почти все!

Луан говорил деликатно, но тоном твердым и решительным, Лай Ван Шанг, подперев кулаками подбородок, смотрел на него не мигая. Лай Хью Тай сидел выпрямившись, его голова, правда, несколько поникла.

Если бы все трое вдруг выглянули из приемной, то увидели бы Ли Кая, который, вытянув длинную шею, прильнул ухом к дверям и слушал весь разговор. Он не пропускал ни единого слова. Разумеется, он не МОР ничего видеть, так как ширма преграждала вход в его комнату. А вставать и подсматривать ему было неудобно, потому что три насторожившихся охранника могли это заметить и пустить в ход свои «томсоны» о воронеными стволами. А в другой комнате, тоже рядом, сидела, откинувшись на спинку стула, Тиеу Фунг. Разговор ей был слышен лучше, чем Ли Каю.

— Вы забыли об одном обстоятельстве, господин агроном, — кашлянув, вступил в разговор Лай Хью Тай, — о том, что боевые действия начнутся не в одном районе. Они начнутся во всем городе, на всем Юге страны! Что же касается репортажа... Я полагаю, общественность поймет, что именно мы вынуждены защищаться.

— Я всегда возражаю против кровопролития, по любому поводу — праведному и неправедному. Но я буду счастлив, если ваш довод, господин советник, не окажется просто благим пожеланием! Вы, господа, несколько переоцениваете значение своих опорных пунктов в городе: полицейский участок «Катина», кафе «Геофил», казино «Гран-Монд», полицейские посты в Баушене, Говане... Ну, что еще? Отряд охраны моста

Тантхуан, пост охраны у моста Онгтхин. Возможно, я упустил что-нибудь. Говоря обо всем этом, верите ли вы, господа, что сможете удержать настоящие опорные пункты больше пятнадцати минут после начала боевых действий? Что касается меня, то я не верю! То, что вы, господин советник, сейчас объяснили по поводу газетного репортажа, извините, всего-навсего благое пожелание. Вы занимаетесь политикой, а собираетесь использовать силу оружия в решении конфликтов, надеясь при этом главным образом на удачу. Общественность внутри страны и за рубежом поймет это так, как вы надеетесь. В печати утверждают, что Биньсюен лишен особых прав и привилегий, вызывавших конфликт. И еще они говорят, что Биньсюен бунтует из-за того, что Нго Динь Зьем не соглашается назначить генерал-майора Ле Ван Виена государственным секретарем. Нет ни одного довода в вашу пользу, господа. Господин советник напомнил мне о религиозных сектах. У нас достаточно времени, чтобы проверить. Все-таки я советую вам вспомнить одну пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Она уместна, когда говорят об обещаниях французского генерала Поля Эли.

— Так вы, значит, приехали принять нашу капитуляцию? — неожиданно спросил Лай Хью Тай, в его голосе прозвучала угроза.

Луан понимал, что военный советник номер 1 Биньсюена намерен отыгаться. В частности, статья в газете — дело его рук.

— Я прибыл сюда как частное лицо. — Луан оставался невозмутимым. — И повторяю: я никогда еще не действовал от имени правительства, у меня нет полномочий, к тому же мне это не нравится. Я связан с вами, господа, дружескими чувствами. Я не советовал вам капитулировать. Однажды я призывал господина советника проявить осторожность. И наконец, дам сейчас один совет отнюдь не ради выгоды Нго Динь Зьема. Закройте, господа, «Гран-Монд».

— Ха! Закройте... — прорычал Лай Ван Шанг.

— Да, лучше вы сами это сделайте, если не хотите потерять весь свой оборонный потенциал. Своим советом я показываю, как вам избежать поражения. Вам не следует капитулировать, однако очень важно избежать вынужденной капитуляции.

— Знаете ли вы, господин агроном, что мы полностью лишены дотаций? Все средства, кроме мизерного бюджета от командования французских экспедиционных войск, мы добываем самостоятельно. «Гран-Монд» — наш основной финансовый источник. — Лай Ван Шанг умерил гнев, и его голос зазвучал плаксиво.

— Возможно, есть немало деталей, которых я просто не знаю...

После этой фразы Луан вдруг окунул палец в воду и написал на столе: «Вы собираетесь взорвать мост «Игрек» и маяк?»

Он жестом показал на комнату Ли Кая и написал дальше: «Каковы бы ни были разногласия, все равно необходимо завоевать политическое доверие общественности».

Шанг и Тай прочли написанные Луаном слова, одновременно выглянули за дверь, а потом утвердительно кивнули.

«Шау Тхынг продал эту информацию Нью», — продолжал писать Луан, а вслух произнес:

— Из-за одного притона, я повторяю слова соотечественников, ввязаться в драку, которая вызовет разрушения, унесет жизни?! Это же преступная ошибка!

Лай Ван Шанг вдруг стукнул кулаком по подносу с рюмками — зазвенело разбитое стекло.

— Ах, он сукин сын!

Лай Хыу Тай крепко схватил Шанга за руку:

— Успокойся!

— Я думаю, нам сейчас действительно надо успокоиться. — Луан воспользовался фразой Тая и дописал на столе: «Сам Нью поручил мне передать денежное вознаграждение Шау Тхыпгу». Вслух он закончил ровным тоном:

— Следует заботиться об общей выгоде, — и передал Шангу конверт.

Тот вытащил из него четыре фотографии, на которых Шау Тхыпг берет деньги из рук Луана, сует их в карман, довольно усмехается...

Шанг закрипел зубами, глаза его сверкали еще большей яростью.

Лай Хыу Тай тоже ткнул пальцем в воду и написал: «Ли Кай?»

Луан на секунду прикрыл глаза, надо было продумать ответ, и написал: «Не ясно. Необходимо быть осторожным. Чем больше засекретите все дела, тем лучше».

— Очень вам признательны, господин агроном, — сказал Тай. — Мы тронуты проявлением с вашей стороны заботы о нас. Что касается... «Гран-Монд», то мы спросим мнение генерал-майора, хотя это будет трудно. Когда что-то улаживают, нужно, чтобы каждая сторона немного уступила. Мы уже много уступали, но ребята господина Зьема продолжают обижаться. Биньсюен благоразумен с тем, кто сам проявляет благоразумие. Ну а когда ружье выстрелит, предвидеть трудно. У вас свои аргументы, у нас в Биньсюен — свои... А теперь, господин агроном, предлагаю допить наши бокалы...

Когда Луан выходил из приемной, Ли Кая и след простыл.

«Ну вот, побежал докладывать Нью или Туену!» — угадал Луан.

* * *

Водитель вел машину с сумасшедшей скоростью, словно отрывался от погони. Когда Луан приехал домой, ему тут же пришлось отвечать позвонившему Нью.

— Вернулся? Ну как? По зубам не получил там? Луан подробно изложил состоявшуюся беседу. Ему показалось, что Нью не очень-то внимательно слушает. Да, тот уже имел представление обо всех фактах. По дыханию Нью в трубке Луану даже показалось, что Нью едва сдерживает смех.

— Их доктрина дала им многое, — Нью заговорил шутливым тоном. — И военное мышление, и жизненные принципы, и проницательность... Ты выполнил все задачи, кроме

одной, к сожалению главной, — не уговорил их уничтожить «Гран-Монд». Ну, теперь ты мне веришь? Или чары Сопротивления, которые действуют на тебя постоянно, обладают всепобеждающей силой? Ладно, пусть спорщики на время уступят слово пулеметам и пушкам.

* * *

Ли Кай и Бай Монг по приказу Лай Ван Шанга с трудом, но быстро разыскали Шау Тхынга: Шанг любил, чтобы его распоряжения выполнялись в считанные секунды. «Наверное, Шанг решил взорвать мост и маяк сейчас, услышав предостережения этого Луана», — гадал Ли Кай. Он поспешил доложить эту новость Ню, и тот дважды приказал ему запомнить разговор Шанга и Шау Тхынга.

Ли Кай и Бай Монг вытащили Шау Тхынга из спальни, где он голый валялся на кровати в объятиях взятой «напрокат» девицы. К моменту разговора с Лай Ван Шангом Шау Тхынг не успел протрезветь. Бай Монга и Ли Кая в кабинет не пустили.

Ли Кай забеспокоился, но потом решил разузнать обо всем у самого Шау Тхынга.

Кабинет Шанга был оцеплен охранниками. Шау Тхынг находился там около четверти часа. Двери стремительно распахнулись, и послышался его жалобный вопль:

— Да не предавал я вас!

Охранники скрутили руки Шау Тхынгу и поволокли его наружу. Ли Кая охватил ужас. Господи, неужели конец? Ведь если этот парень сознается, что говорил что-либо Ли Каю, тогда наступит и его черед.

С берега канала послышалась автоматная очередь. Ли Кай посмотрел вокруг: деваться некуда, разве только в воду прыгать.

Единственным, кто частично слышал разговор Шанга с Шау Тхынгом, был охранник. Он воспроизвел его так: «Шау Тхынг: он коммунист, он перетрусил, предлагал мне деньги... Шанг: ты даже перед смертью не отказался от привычки лгать; что он коммунист, известно всему человечеству, тут скрывать нечего...»

— Он же здорово испугался, — слабым голосом оправдывался Шау Тхынг.

— Заткнись! Склевал рис, а теперь клювик вытираешь? За сколько тысяч ты нас продал Ню, а?

Послышались глухие удары, за ними — хныканье. Похоже, Шанг бил Шау Тхынга ногами.

— Меня не интересует, коммунист он или чей-то сын, я знаю, что он человек Ню. Ты хвастался, что ты морской диверсант, можешь взорвать мост «Игрек», маяк Тёкуан, просил дать тебе взрывчатку, а потом донес об этом Ню, сукин сын! Оказывается, ты еще и трепло...

Охранник в конце посочувствовал бывшему начальнику:

— Шау Тхынг отпирался, но отпираться было глупо...

Ню позвонил по телефону Луану:

— Ты слышал уже? Нет еще? Лай Ван Шанг ликвидировал Шау Тхынга.

Ню подождал и услышал в трубке вздох Луана, а затем его удивленный голос:

— Почему он это сделал?

— Мне не ясно. Может, из-за того, что ты с ним встречался?

— Какой смысл? Я ведь говорил им, что мы встречались, что он брал у меня займы деньги...

— Возможно, они заподозрили... Да ладно, все равно — это хорошо.

Ню повесил трубку, долго стоял задумавшись. Потом опять снял трубку и набрал номер.

— Господин Май Хыу Суан? Это говорит Ню. Что там слышно о тайнике со взрывчаткой, который обнаружила служба армейской безопасности около моста «Игрек»? А все конфисковали? Ничего нет? Ну, раз конфисковали, тогда ладно...

Ню все еще беспокоился.

В тот же вечер он встретился с Ли Каем.

— Есть ли признаки, что они тебя подозревают?

— Сначала я перепугался... Но после расстрела Шау Тхынга Шанг продолжает давать мне свои поручения... Как и прежде, — ответил Ли Кай. Он говорил без малейшего китайского акцента.

— Жаль, что так мало удалось использовать Шау Тхынга... Ладно, теперь тебе надо быть крайне осторожным. Если заметишь, что они тебя заподозрили, немедленно сообщи мне...

* * *

В первое новогоднее утро приемная в доме Луана выглядела живописно. Тут было сразу несколько огромных тайваньских арбузов с прикрепленными визитными карточками из канцелярии премьер-министра. Это означало: от самого премьер-министра, от господина советника Нго Динь Ню с супругой, от архиепископа. Прислали новогодние подарки доктор Чан Ким Туен, Май Хыу Суан, генерал Ле Ван Ти, генеральный директор полиции Лай Ван Шанг, советник Биньсюеи Лай Хыу Тай. Были даже подарки от посла США, от генерала Коллинза — свежие яблоки из Флориды. Французский верховный комиссар армейский генерал Поль Эли прислал несколько бутылок превосходного «шамбертена».

Луан сел в машину. Сегодня ему предстояла встреча с Ша. Взрывы новогодних хлопушек не прекращались со вчерашнего вечера. Так или иначе, а это все-таки первый мирный Новый год.

Луану все было непривычно: он праздновал Новый год вдали от войны, от освобожденной зоны.

Подобно Луану, его шофер Ву Хюи Лук тоже был задумчив. Плотнo сжав губы, он смотрел на супружеские пары, вышедшие с детьми на прогулку...

Утреннее солнце пробивалось через придорожные деревья и скользило по лицу Луана стремительными бликами. Он пригладил волосы, а когда опустил руку, увидел на ней два выпавших седых волоска.

«А ведь я был в бою ни много ни мало сорок пять суток!» — подумал Луан.

Часть вторая.

Подъем

1

В Сайгоне закончился праздник Нового года по лунному календарю. В город вернулась тропическая духота, а с ней и духота политического климата.

После временного прекращения военных действий — впервые с 1946 года, когда в Сайгоне грохотали праздничные петарды по случаю Нового года, — все вернулось на свои места. Секта Биньсюен возобновила вооруженные вылазки в различных частях города и в его предместьях, всемерно демонстрируя, что она сильна и будет продолжать драться до тех пор, пока не сбросит премьер-министра Нго Динь Зьема. Правительственные силы действовали тоньше, хитрее. Но как бы то ни было, ночные передвижения пехотных и бронетанковых частей по-прежнему не давали спать горожанам.

В эфир вышла радиостанция Биньсюен. Ее идейным вдохновителем был Чинь Кхань Ванг. Где-то по ту сторону моста «Игрек» начала печататься газета «Иеу Ньюк». Город наводнили различного рода листовки, обращения. Газета «Дои Мой», легально издававшаяся по эту сторону моста «Игрек», утверждала, что Биньсюен — организация, имеющая особые заслуги, которая на протяжении всей войны Сопrotивления выступала за справедливость и равенство. Эта организация якобы объединила вокруг себя интеллигенцию. Газета подвергала самым унижительным нападкам частную жизнь премьер-министра. У нее хватило такта лишь на то, чтобы не записать его в сторонники коммунистов. Эффект от такой пропаганды был невелик. Приближенные Бай Виена мало что знали о Нго Динь Зьеме. При всей злобности поднятой ими шумихи они не осмелились предать его политической смерти и направить свой нож в самое чувствительное место — по его американскому партнеру. Они выступали против Зьема. Но флиртовали с американцами. Они намертво сцепились с французами. Но и им они не могли не льстить, поскольку полностью от них зависели. Но льстить французам, когда весь народ после Дьенбьенфу их ненавидел, — это было равносильно приговору к самоубийству. Вот почему их политические позиции становились все более шаткими.

Что касается правительственных средств информации, то все они призывали к национальному единению в борьбе против колонизаторов, феодалов и коммунистов. Совершенно не случаен тот факт, что они обходили стороной «мелкие слабости», какие позволяли себе сторонники секты Биньсюен: грабежи, насилия. Похищений, убийств становилось все больше, хотя преступные акции со стороны низших чинов ограничили обе стороны.

Заведение «Дай Тхе Зой» закрылось. Но, как говорится, война из-за этого не разразилась. Поль Эли только намекнул Бай Виену: нельзя будет никого привлечь на свою сторону,

если разгорится драчка из-за денег. Бай Виену такого замечания не требовалось. Главное, что следовало из рассуждения Поля Эли, — французы еще не готовы зажечь ему зеленый свет.

Черными ночами деньги, получаемые в «Дай Тхе Зой», куда-то исчезали, а стена недовольства вокруг этого заведения росла. Но деятельность «Дай Тхе Зой» еще не была закончена. К этому злачному месту стекались деньги из Гонконга и Сингапура. Девочки экстра-класса по невообразимой цене были всегда готовы принять уважаемых гостей «Дай Тхе Зой», стоило гостям лишь намекнуть о своем желании. Каждый вечер Ли Кай, как и прежде, привозил в район по ту сторону моста «Игрек» портфель, набитый деньгами.

Правда, это была мелочь по сравнению с суммами прошлых времен.

Правительственная газета вышла под крупным заголовком: «Премьер-министр Нго Динь Зьем в предновогодний вечер совершит паломничество в Тэйнинь, где проведет переговоры с его преосвященством Фам Конг Таким». Ниже более мелким шрифтом было напечатано: «Премьер-министр встретится с генералом Чинь Минь Тхе — командующим воинскими формированиями союза Каодай».

Похоже, печать пыталась запутать истинный смысл поездки Нго Динь Зьема в Тэйнинь: крупными буквами следовало сообщить о предстоящей встрече Зьема с генералом Тхе.

Вереница тщательно охраняемых машин на высокой скорости мчалась по государственной автостраде номер 1 в сторону Тэйниня. Такие скорости были обычными для премьер-министра. Возможно, это его врожденная привычка, а может, все объяснялось стремлением обезопасить себя. Организовал поездку и непосредственно руководил ею сам доктор Чан Ким Туен. На своем «лендровере» он то обгонял колонну машин, то пропускал ее вперед, проверяя, вся ли техника в порядке и надежно ли организована ее охрана.

Премьер-министр, в прошлом приближенный императора, сидел в шикарном «кадиллаке». Впереди него шла машина начальника генерального штаба. Сразу же за премьером ехал Май Хыу Суан — начальник армейской службы безопасности. Машина Луана шла за машиной Май Хыу Суана. Такой порядок движения был установлен доктором Туеном. Перед тем как двинуться в путь, Туен сказал Луану:

— Я хочу просить вас ехать предельно рядом с машиной шефа и надеюсь, что вы своевременно отреагируете в случае опасности...

— Кто будет следовать за мной? А, полковник Нгуен Нгок Ле, — улыбнулся Луан. — Чан Ким Туен действует по принципу: «Использовать яд в качестве противоядия». Я еду за Май Хыу Суаном, Нгуен Нгок Ле — за мной. Наверняка кто-нибудь еще едет за Нгуен Нгок Ле. Что ж, это, наверное, правильно.

Как бы то ни было, Луан с удовлетворением отметил, что он единственный человек в сопровождении премьера, кому доверено носить оружие.

И Май Хыу Суан это тоже хорошо понимал. Когда все собрались на ленч во дворце Зялонг, Май Хыу Суан подошел к Луану и приветствовал его такими словами:

— Разрешите познакомиться с вами, господин инженер. — Суан крепко пожал руку Луану. — Я Май Хыу Суан.

— Счастлив, — ответил Луан.

Суан и Луан сделали вид, что встретились впервые и у них нет повода подозревать друг друга в чем-либо.

— Я слышал, что вы инженер, и знаю, что вы работаете вместе с советником. Однако у меня не было случая познакомиться с вами. Надеюсь, вы меня извините, — с наигранной скромностью произнес Суан.

— Ну что вы! Если кто и должен извиняться, так это я. — Луан от удовольствия громко засмеялся. — Я не заходил в управление безопасности поприветствовать вас, полковник, только потому, что вы очень заняты, да и честно говоря, просто не представлялся подходящий случай.

Не ясно, как понял Суан истинный смысл слов о его, Суана, занятости, но, когда Луан произнес их, он отвел взгляд и крепко сжал губы.

Луан глазами пересчитал количество людей, собирающихся в поездку вместе с премьер-министром. Затем как бы случайно спросил Суана:

— Что-то я не вижу директора национальной полиции. А ведь, казалось, официальная поездка премьер-министра должна была быть организована старшим полковником Сангом Лай Ван Шангом.

— Видимо, шеф не вызвал его. Да если бы даже и позвал, тот не поехал бы. У него сейчас очень много дел.

При этих словах Суана верхняя губа Луана дернулась...

— Сейчас все заняты, — произнес Луан флегматично. — Конечно, каждый занят по-своему. Вы спокойны за нынешнюю поездку премьер-министра?

Услышав неожиданный вопрос, Суан пожал плечами:

— Я сказал вам, господин инженер, что за поездку отвечает доктор Туен. И только в небольшой мере я. Что касается тех вопросов, за которые несу ответственность я, то тут все в порядке. Если же вы хотите знать, не произойдет ли что-нибудь по части господина Лай Ван Шанга, то на этот вопрос я ответить не могу. Вы знаете, что за человек господин Шанг? Как и его шеф, господин Бай Виен, все они одного поля ягоды. Прикидываются простачками. На самом же деле привыкли действовать кулаками, и только кулаками.

Выложив это, Суан взглянул на сидящего рядом человека с погонами полковника. Высокий, смуглый, тупое выражение лица... Луан знал его. Полковника звали Нгуен Нгок Ле. Луан понял, что Суан хочет представить ему полковника на всякий случай. Ле раньше жил в Северном Вьетнаме, был командиром в регулярной армии. Католик. Вскоре он должен был получить должность в управлении безопасности. Все это вызывало у Суана неприязнь к нему.

Ни Луан, ни Суан не ускользнули от внимания подозрительного Нью. Хотя Нью не ехал в Тэйнинь, на завтраке перед доездкой он присутствовал. Когда отъезжающие с шумом рассаживались по машинам, Нью тихо сказал Луану:

— Это хорошо, что ты так далеко смотришь... Суан вне подозрения, даже в отношении лично тебя. Точно. — Нью ухмыльнулся. — Сегодня Суан — наш человек. Но, конечно, все равно меры предосторожности не излишни.

«Интересно, — подумал Луан, садясь в машину, — к какому лагерю Нью относит меня».

Итак, у Луана было достаточно фактов, чтобы прийти к следующему заключению: Май Хью Суан не принадлежит к лагерю Биньсюен, хотя, как и Биньсюен, связан с французской разведкой. Возможно, в самих разведывательных органах Франции не было единства: одни хотели немедленно направить религиозные группировки и Биньсюен против Нго Динь Зьема, другие — выступали за сохранение сил до наступления благоприятного момента. Как бы то ни было, Суан не мог не сохранить верности своим старым хозяевам. В то же время в своих делах он был профессионалом, к тому же считал, что его законное место во главе разведки (кто лучше мог знать эти дела?) было занято Лай Ван Шангом. Поэтому он никогда не называл Шанга старшим полковником и директором. Он ненавидел и презирал Шанга. «Такая скотина, — думал он, — а вот втерся когда-то в доверие ко мне!» Можно сказать, что Нью использовал Суана как железную руку в отношении тех сил, которые шли когда-то вместе с ним.

2

Над дорогой вились клубы пыли. Главная артерия Индокитая была вся в ухабах, выбоинах. Еще виднелись и другие следы войны, такие, как остовы сгоревших домов или засохшие фруктовые деревья. Самые зажиточные деревни находились под властью секты Каодай. Деревни были окружены земляными валами с натянутой вдоль них колючей проволокой. Виднелись молитвенные дома под красными черепичными крышами и с выкрашенными известью стенами. Ну и, конечно, посты с солдатами Каодай. На их головах — пилотки образца пилотов французских колониальных войск.

Луан сразу же вспомнил о дороге, ведущей на Сайгон. Интересно, какая сейчас дорога на Биньдай? Наверняка так же много народу, такие же пилотки. Разница, видимо, только в тол, что там хоругви секты Хоахао, да на степях пагод изображен огромный открытый глаз.

Все это — наследие французского колониализма с его политическими проблемами. И в один миг от этого не избавиться.

До сих пор Луану не приходилось соприкасаться с сектой Каодай. Он воевал в районе, населенном главным образом адептами секты Хоахао. Но обстановка была во многом схожей.

Он навсегда запомнил бой своего батальона с полком Ба Га Мо. Это произошло в сухой сезон осени 1952 года в общине Намтхайшон. Бой разгорелся в три часа дня. Полк Ба Га Мо ворвался в деревню, вооруженный только ножами и палками. Командиры шли сзади. Батальон организовал надежную оборону, и все атаки были отбиты. Но противник не переставал штурмовать укрепления и нес бессмысленные потери. Луан, хотя в его батальоне никто не был даже ранен, приказал покинуть деревню.

Видимо, руководители вооруженных отрядов этой религиозной секты вообразили, что их армия действительно сильна, поэтому на протяжении целых девяти лет они бросали на смерть десятки тысяч юных жизней.

Луан внимательно разглядывал военные посты Каодай. Те же торговцы, такие же товары. Сколько же времени будет продолжаться торговля этими святыми духами?

Подполковник — начальник провинции Биньзыонг — встречал кортеж машин прямо на пограничном пункте Хокмон-Кути. Но кортеж на высокой скорости промчался мимо. Кажется, только Май Хыу Суан успел помахать рукой начальнику провинции, который, чтобы встретить гостей, поднялся чуть свет. Но шефа провинции приветствовал не только Май Хыу Суан. Притормозил свой «лендровер» и Чан Ким Туен, чтобы сказать встречающим одну-две протокольные фразы. Этот тип всегда был внимателен.

Машины подъехали к Тэйниню. У обочины дороги их встречали губернатор провинции полковник Ле Ван Тат и командир гарнизона капитан Чанг Банг. Машины остановились у выкрашенного известью здания.

Нго Динь Зьем парадно вышел из машины.

«Ну прямо политический деятель!» — подумал Луан.

Ле Ван Тат был совершенно другой человек в отличие от Ву Тхань Куюиня, губернатора провинции Бинь Тьюиг. Наверняка большой чиновник секты Каодай, официальный или неофициальный. Только большой чиновник этой секты мог занимать пост губернатора провинции Тэйнинь. Что касается полковника Кхюиня, то тот, конечно, был католик и не скрывал этого.

Луан вышел из машины и присоединился к сопровождающим Нго Динь Зьема. Премьер-министр сел в кресло, инкрустированное перламутром. Луана никто не представил Тату. Тот в свою очередь не обратил на это внимания. Он угодливо крутился вокруг Нго Динь Зьема.

— Какова оперативная обстановка в провинции, господин губернатор? — спросил Зьем, делая вид, что готов внимательно его выслушать. На самом деле он внимательно изучал лицо командующего гарнизоном.

— Разрешите доложить, господин премьер-министр. Обстановка вполне спокойная, — ответил Тат, протягивая зажигалку к сигарете Нго Динь Зьема.

Зьем сделал глубокую затяжку и вдруг повернулся к капитану, хлопающему от страха глазами:

— Так вы и есть кварталный?

Капитан вытянулся как струна!

— Так точно, господин премьер. Я капитан Лок, кварталный.

— М-да! — повысил голос Зьем. — Образцовый капитан, а так небрежно одет!

У капитана была не застегнута одна пуговица на кителе. От слов Зьема он посинел словно утопленник, не зная, как поступить в присутствии премьер-министра. Уничтожающе действовал на него и взгляд начальника военного округа.

— Ну так что, поедem дальше? — произнес Зьем.

— Чашечку чаю... — умоляюще произнес Тат. Зьем подал знак — офицер охраны принес ему трость и шляпу. Зьем посмотрел на предложенную ему чашку с чаем, огляделся. Доктор Туен незаметно кивнул, давая понять, что чай можно выпить. Зьем сделал несколько глотков.

— В следующий раз одевайся более опрятно, — буркнул он, ткнув капитана концом трости прямо в грудь.

* * *

Колонна машин выехала на перекресток Гозауха. Квартальный и все чиновники поспешно выстроились в линейку под огромным транспарантом со словами: «Горячо приветствуем Нго Динь Зьема!»

Колонна остановилась. Зьем подошел к группе местных активисток, одетых в длиннополое национальное платье аовяй с клетчатым шарфиком на шее. Здесь же возвышался небольшой, аккуратный алтарь со свечами и курильницами для фимиама.

Женщины согнулись в поклоне, приветствуя Нго Динь Зьема.

— Не надо так делать, а то люди подумают, что я император! — выговаривал Зьем квартальному и собравшимся дамам, но по лицу его растекалась радость.

Нго перешел мост, дальше дорога вела к границе. Зьем, обращаясь к квартальному, очень молодому для старшего лейтенанта парню, сказал:

— Запомните! Сегодня граница не та, что раньше. Камбоджийский король не встал на нашу сторону. Он придерживается нейтралитета.

Квартальный покорно изогнул спину, вместо ответа приложил руку к козырьку фуражки.

Через минуту Луан вдруг вспомнил этого человека: вскинутая вверх рука квартального как две капли воды была похожа на руку Лыу Кханя — заместителя командира его батальона. Густые брови, вздернутый подбородок, бакенбарды. На чисто выбритых скулах синевой проступает густая щетина. И эти глаза... В них было что-то такое, что подсказывало Луану — это не такой квартальный, как все другие.

И транспарант у дороги, и алтарь, и дамское общество в национальных платьях... Словом, «государственные почести», которые так любил Зьем, — все говорило о том, что местный квартальный очень хочет задержать здесь премьер-министра.

Он спросил имя квартального. Доктор Туен пришел в замешательство. Тогда сам квартальный ответил Луану:

— Меня зовут Ле Кхань Нги.

Таким образом, он был не из семьи Лыу. Но это ничего не значило. Ле и Лыу — на слух очень похожие имена. И потом, средняя частичка «Кхань» — это ведь тоже не случайно.

Луан не слышал от Лыу Кханя, что один из его сыновей работает на противника. Однако он знал, что у того было две жены. Первая умерла давно, когда он был молодым. Вторая

родила сына, мальчика назвали Лыу Кхань Чунг, то есть второй. Это имя уже кое о чем говорило. Тогда Луан решился еще на один маневр:

— Я слышал, что кварталный родом из Дыкхоа?

Дело в том, что жена Лыу Кханя была родом из Дыкхоа.

— Так точно!

Глаза Луана заблестели от слез. Он отошел в сторону, чтобы не привлечь к себе внимания.

Май Хыу Суан, находившийся в машине, где был установлен радиопередатчик, вышел из нее, быстро подошел к Нго Динь Зьему и что-то шепнул ему на ухо. Тот побледнел, но взял себя в руки.

— Ну что же, поехали!

Он попрощался с кварталным и с вышедшей встречать его группой женщин, затем быстро подошел к автомобилю. Здесь он тихо спросил доктора Туена:

— Кто организовал эту встречу? — Увидев, что кварталный продолжает стоять у машины, добавил: — Зачем понапрасну беспокоить народ, местные власти?

Май Хыу Суан едва слышно шептал Луану:

— Силы самообороны сообщили, что в здешнем районе появилось множество неизвестных людей. Все они одеты в черное и движутся от границы в направлении районного центра. Генерал Ти имеет возможность...

Квартальный отворил дверцу автомобиля. Его лицо выражало абсолютное спокойствие. Луан восхищенно подумал: «Вот это нервы!»

Конечно, план пахивал авантюрой. Нельзя было всем сосредоточиваться в этом маленьком районном центре, тем более сегодня, когда силы местной самообороны находятся здесь в таком количестве.

Но Луан рассчитывал, что если «повезет», то они смогут уйти своевременно, как только услышат рев автомашин. Генерал Ти вряд ли сумеет угнаться за ними.

3

В Камзанге, где командовал генерал Чинь Минь Тхе, не организовали никакого приема. В лесных зарослях гевеи скрывались солдаты вооруженных формирований союза Каодай. Все это выглядело довольно смешно. Разница между союзом Каодай и другими группировками этой секты состояла лишь в том, что первые носили белую форму, вторые — форму других цветов. Но у всех на форме была выведена черная надпись «US ARMY». Видно, ЦРУ хорошо поработало.

Колонна автомашин, не останавливаясь, проехала мимо дома губернатора и направилась прямо к резиденции епископа.

Дорога была широкой, но не покрытой асфальтом. О строительстве дороги в народе рассказывали настоящие анекдоты. Дело в том, что епископ Фам Конг Так торжественно объявил, что отдал приказ завершить ее строительство от резиденции до границы с Камбоджей. Он говорил, дорога пойдет даже на Индию, чтобы на ассамблею каодаистов могли съехаться люди со всего света.

У рынка Лонгхоа все автомобили в колонне были вынуждены сбавить скорость. Обернувшись и увидев представшую перед ним картину, Луан особо ощутил подлинный смысл разгоревшегося вокруг этой дороги спора. Народу на рынке было полно. Со всех сторон свозили сюда крестьяне свои товары. Они приходили не только из всей провинции Тэйнинь, но и из примыкающих к границе камбоджийских провинций. «Святые места» превратились в фабрики по переработке древесины. Каодаисты самостийно захватили право на разработку лесных богатств в этой провинции, поросшей крупными массивами лесов с деревьями ценных пород. Здесь же освоились сборщики всякого рода налогов и податей. Рядом с рынком было выстроено роскошное здание, на котором красовалась вывеска «Гостиница».

«Довольно оборотистые ребята эти каодаисты», — подумал Луан.

Вдруг на дорогу вышло стадо коров и перегородило ее. Животные мотали головами, привлекая к себе внимание собравшихся на рынке. Колонна была вынуждена остановиться. Доктор Туен вышел из машины и стал отгонять коров на обочину.

Луану доводилось слышать, что иногда на рынке Лонгхоа сразу собирается до ста тысяч человек. Такое положение укладывалось в политический курс, провозглашенный Фам Конг Таким. Правительство выделило епископу территорию в сорок квадратных километров. Фам Конг так мечтал создать здесь «восточный Ватикан».

* * *

Хо Тан Кхоа ожидал премьер-министра у главного входа в храм. Это был высокий худощавый человек с пронизательным, умным взглядом. Недаром он смог пережить времена французов и приход японцев.

Луан довольно хорошо разбирался в делах секты Каодай. Он изучил все материалы о ней, когда работал начальником разведки. Да и совсем недавно ему довелось кое-что почитать дополнительно. В стране, пожалуй, не было ни одной другой настолько путаной секты. По своей организации она была феодальной, по идейным установкам — буржуазной. Некоторые формы ее деятельности никак не укладывались в привычные представления. Не было во Вьетнаме другой религии, располагающей столь мощным кадровым аппаратом как на уровне провинции, так и непосредственно в уездах. Возникнув благодаря поддержке колониальных властей, она тем не менее не была удовлетворена своим положением. Более того, она помышляла даже о свержении властей. А это уже цель, далекая от религии. Политика и идеология, нация и мироздание — все это преподносилось в афористичных, легко запоминающихся фразах, но не трогающих сердце, да и крайне несовершенных в литературном отношении.

То, что Луан знал о секте Каодай, подтверждалось уже самим видом храма.

Его преосвященство Фам Конг Так встретил премьер-министра под сводами галереи храма. Небольшого роста, безусый, одетый во все белое. Скрестив руки на груди, он произнес буддийское приветствие. Нго Динь Зьем, который был моложе его

преосвященства, также одетый в белый, ладно скроенный костюм, склонил голову, сделал несколько шагов вперед и в свою очередь сложил руки на груди.

Находясь внизу, под галереей, Луан мог хорошо разглядеть и сравнить двух конкурентов. Приблизительно одного возраста и одинакового телосложения, они очень походили друг на друга. Правда, Зьем был немного полнее. Да и биографии их особо ничем не отличались.

В свое время Нго Динь Зьем также находился в монастыре подобного типа. Фам Конг Так был отправлен французами на Мадагаскар в ссылку за тесную связь с прояпонской группировкой. Это, впрочем, понятно. Во главе секты Каодай тогда находился принц Кыонг Де. А он рассматривал японскую империю как «опору для желтых народов». Поэтому, когда японцы оккупировали Индокитай, первой опорой для них стали группировки, входящие в секту Каодай, во главе которых в то время стоял профессор Чан Куанг Винь.

В свою очередь Нго Динь Зьем был выслан французами из страны, а затем он перебрался в Америку. Фам Конг Так вернулся во Вьетнам вместе с французским экспедиционным корпусом. Французы держали его в тени. Он всеми способами старался показать им, что они его недооценивают. Он создал так называемую армию каодаистов Тэйниня, которая действовала заодно с французской армией. Он держал под контролем все коммуникации в провинции Тэйнинь. Его солдаты заменили французские части во многих других районах.

Зьем вернулся в страну другим путем.

И вот теперь два конкурента вступили в новую борьбу. Возможно, в личном плане их замыслы не так уж сильно отличались один от другого. Разными были способы действий.

Девять лет спокойно отсиживался Так в своей резиденции. Он являлся хозяином лишь одной из многих фракций каодаистов — фракции, расположенной в провинции Тэйнинь. Правда, это была самая крупная группировка. Французы рассчитывали использовать Така с тем, чтобы он принял участие в вооруженных действиях на их стороне. Таким образом, для него религиозные догматы были только прикрытием собственных амбиций. Но от Така требовали твердо следовать учению Каодай с тем, чтобы «это учение превратилось в государственную религию Вьетнама и завоевало симпатии всего человечества». В соответствии с начальной догмой учение Каодай не являлось религией, но с тех пор, как Нгок Хаонг назначил Така епископом, настоятелем собора, учение Каодай стало носить религиозный характер все явственнее, а сам Так сконцентрировал в своих руках законодательную и исполнительную власть в провинции.

Постоянные карательные рейды, террор, бомбардировки, обстрелы, проводимые французами, сорвали сотни тысяч людей с насиженных мест. Этим обстоятельством и воспользовалась религиозная секта каодаистов, расположенная в провинции Тэйнинь. Те, кто пытались избежать преследований французов и марионеточных властей, заявляли о своей приверженности к учению каодаистов. Для этого необходимо было уплатить определенный денежный взнос и вписать свою фамилию в список верующих. На основании этого списка и выдавались документы о принадлежности человека к секте. После того как человек становился адептом секты, ему предстояло сколотить вокруг себя семерку таких же верующих. Семерка должна была жить по своему собственному внутреннему распорядку. Вокруг жилища семерки возводился забор, выставлялась охрана. Таким образом возникли объединения отрядов Каодай. Эти объединения получали оружие из французских складов. Однако таких отрядов было недостаточно для

организации обороны. Тогда отдельные вооруженные отряды каодаистов объединялись между собой. Но и у них не хватало сил, чтобы противостоять отрядам Вьетминя. Поэтому они прибегали к помощи все тех же французов. Так постоянно росла роль вооруженных отрядов Каодай. И по существу они превратились в региональные войска. Но коль скоро появилась армия, требовались генералы, нужны были мундиры. Армия должна была иметь своего главнокомандующего. Таким образом, епископ стал одновременно и командующим армией.

Господин Так буквально хмелел от нынешней военной ситуации в стране. Именно война привела к крупным и радостным переменам в его жизни. Война вознесла его на самый верх религиозной иерархии. Война спасла его от прозябания, в котором он пребывал еще совсем недавно, находясь в ссылке на одном из островов у восточного побережья Африки. Спал он там с домашним скотом, а трапезу делил с чернокожей женщиной.

Ну а теперь, когда, казалось, все начало складываться так хорошо, силы стали покидать тело. Сказывался возраст. Да к тому же французы неожиданно начали терпеть поражение. Неудачи Франции были и его личными неудачами. Его гнев, правда, немного поубавился, когда он узнал, что после Женевских соглашений 1954 года территория южнее семнадцатой параллели осталась в руках националистов.

Но причина для настоящего беспокойства пришла совсем с другой стороны. Французы не остались с лагерем националистов, они приняли решение о полном уходе из Вьетнама. Они старались успокоить Така. Но на душе у него все равно было скверно. Дело в том, что он плохо понимал американцев и не знал, захотят ли они использовать его, как это делали французы.

Поступало много тревожных сообщений. Американский генерал Лэнсдейл завязал контакты с Чинь Минь Тхе. Так и Тхе уже давно враждовали между собой. Отношения между их группировками складывались по принципу: днем отвешивать друг другу поклоны, а ночью дубасить друг друга по голове. Тхе уже неоднократно проявлял неподчинение Таку. Он вывел свои части из общей «базы сопротивления». Французы ему потворствовали в этом. А теперь, когда пришли американцы, он немедленно переметнулся на их сторону.

С трудом предугадывались действия и других руководителей военных группировок. Без поддержки французов вооруженные формирования Така были подобны ржавому гонгу, который мог рухнуть на землю от малейшего дуновения ветра.

Люди разное рассказывали Таку о премьер-министре Нго Динь Зьеме. Говорили, тот не любит французов. Однако он был ярким поклонником католицизма. Если бы Зьем был буддистом, многое было бы проще. За все время, сколько Так находился в Тэйнине, это был первый премьер-министр, который исповедовал католическую веру.

Советники рекомендовали Таку совершить путешествие за границу и тем самым приобрести там известность. Они готовили его визит в Японию, на Тайвань, встречу с японским императором, с Чан Кайши — хозяином процветающего благодаря американской помощи острова.

Двухнедельная поездка доставила Таку массу удовольствий. Он даже пожалел, что взошел на вершину власти слишком поздно. Но эта мысль пронеслась мимолетно.

По возвращении на родину он был приглашен на обед к премьер-министру Нго Динь Зьему. Состоялась их первая встреча. Именно в ходе этой встречи/ Нгуен Тхань Фьонг в качестве члена военного совета правительства предложил отрядам секты Каодай влиться в национальную армию на правах армейского корпуса. Несмотря на то что у корпуса сохранялось собственное знамя с изображением восьмизначия «космического духа» и колесницы — символа эволюции, а Таку предлагался пост командира корпуса, это не меняло дела. Прекрасно приготовленный обед не лез в горло Таку. Слова премьера он не мог слушать. Сразу же после приема, пожав ему руку на пороге дворца Зялонг, Так пулей полетел в свою ставку и немедленно собрал секретное совещание. Это было 14 октября прошлого года.

Нгуен Тхань Фьонг на совещание не явился. Этим воспользовался Нгуен Ван Тхань. Он обвинил Фьонга в предательстве. Епископ отдал приказ освободить Нгуен Тхань Фьонга от занимаемой должности и назначил Нгуен Ван Тханя заместителем командующего вооруженными силами секты.

Решение епископа нельзя было назвать разумным, В армии начались волнения. Дело в том, что солдаты хорошо знали Фьонга и не имели никакого представления о Тхане. Обстановка резко изменилась в худшую сторону, когда французская армия начала эвакуацию. Надо было как-то выбираться из создавшегося положения.

Руководители секты собрались на совещание. Они предложили выработать широкую программу действий. Авторитет Така в секте оставался еще довольно высоким, с этим приходилось считаться. Они предпочли жили ему самому избрать тактику дальнейшего поведения с учетом того, что французы выбывают из игры.

Дискуссия затягивалась. Генералы Чан Ван Соай, Ле Куанг Винь, Ле Ван Виен, Нгуен Ван Ви, полковник Леон Леруа, а также Нгуен Тхань Фьонг как-то пытались договориться. Как всегда, Фам Конг Так сидел на председательском месте. Генерал Нгуен Ван Ви, страстный поборник секретности, выступал без заранее написанного текста. Его секретный план действий состоял в том, что он предлагал убрать семейный клан Нго, создать правительство национального единства, в котором бы епископ Фам Конг Так занял место если не заместителя главы государства, то по крайней мере председателя парламента. Кресла в этом правительстве должны были быть распределены следующим образом: генерал Виен — министр обороны, генерал Соай — министр внутренних дел, генерал Ви — начальник генерального штаба, генерал Фьонг — министр экономики. Епископу предстояло занимать пост до тех пор, пока в страну не вернется Бао Дай. Так твердо выразил свое кредо: необходимо восстановить монархию.

В то время как заговорщики выработывали свои планы, генерал Чинь Минь Тхе 11 января 1955 года сделал заявление о том, что он без всяких предварительных условий передает пять тысяч штыков, находившихся под его командованием, в распоряжение правительства Нго Динь Зьема. Это была катастрофа. В секте Каодай произошел раскол. Но главная опасность состояла в том, что войска, верные генералу Тхе, находились в самом центре провинции Тэйнинь и при желании могли нанести по секте непоправимый удар, поскольку были оснащены лучше, чем любые другие части в распоряжении каодаистов.

...Нго Динь Зьем, стоявший на пороге главной резиденции секты бок о бок с епископом, пребывал в самом хорошем расположении духа. Лицо его засветилось улыбкой, когда рядом оказались журналисты, освещавшие его поездку. Он спокойно вошел в храм, остановился, склонив голову перед «всепроницающим глазом» — символом веры каодаистов.

Расчет у Нго Динь Зьема был простой. Он хотел показать себя перед общественностью страны и за рубежом как миротворец и примиритель. На самом же деле он не желал объединения различных религиозных группировок. Его тактика состояла в том, чтобы уничтожать их по одной.

Луан воспользовался паузой, чтобы оглядеть дворец. Уже с порога увидел множество забавных и даже, смешных вещей. Надписи и изречения на французском и английском языках. Транспаранты с поучениями и наставлениями по всей стене. Здесь были представлены высказывания мудрецов со всего света, с запада на восток. Рядом с цитатой из Магомета красовались изречения Иисуса Христа, Карла Маркса, а также доморощенных мыслителей типа Нгуен Аи Ниня.

В храме находилось несколько сот верующих, согнувших спины в молитве. У Луана складывалось странное ощущение. Архитектура этого экстравагантного дворца была рассчитана на то, чтобы поразить воображение. Ощущение усиливалось от тихого гула голосов тех, кто молился. Это были темные, забытые люди, облаченные в простые красно-синие одежды, символический смысл которых мог объяснить, наверное, только сам верховный правитель секты.

Епископ поднялся со своего кресла. Но Нго Динь Зьем продолжал неподвижно стоять, скрывая нервное напряжение.

Луан вдруг как-то сразу осознал, что Фам Конг Так, этот дворец, вся резиденция, эти верующие, как, впрочем, и сама секта Каодай, — это всего лишь предмет торговли для Нго Динь Зьема.

4

О посещении Нго Динь Зьемом резиденции каодаистов в печати было помещено короткое сообщение: «Премьер-министр и епископ сделали обзор внутренней и международной обстановки. Премьер-министр вновь подтвердил право всех религий отправлять свои верования. Епископ со своей стороны заявил о поддержке усилий правительства по сплочению всех национальных сил под руководством главы государства против коммунизма».

Печать хранила полное молчание по поводу содержания встречи Нго Динь Зьема и генерала Чинь Минь Тхе. На этот счет в прессе промелькнуло совсем коротенькое сообщение. Правда, и сама печать не знала толком о содержании встречи. Она проходила в районе горы Баден. Организовал ее на обратном пути Нго Динь Зьема из резиденции каодаистов в Сайгон американский генерал Лэнсдейл.

Кортеж машин, сопровождающих премьера, двигался дорогой номер 1 по направлению к городу. Но в «кадиллаке» Нго Динь Зьема не было. В машине находился другой человек. На встрече с Тхе кроме самого Нго Динь Зьема присутствовали его врач Туей и Луан. Сам Лэнсдейл буквально за несколько минут до встречи покинул здание, где она должна была произойти. Встреча состоялась краткая, даже очень краткая, если сравнить с тем временем, какое Нго Динь Зьем отвел посещению резиденции каодаистов. Она длилась минут пятнадцать. Но этих пятнадцати мину? вполне хватило для того, чтобы Нго Динь Зьем поблагодарил генерала Тхе и сделал ему наставление, как отец сыну. Все прошло хорошо. Генерал Лэнсдейл мог быть вполне доволен тем, как реализуется его замысел.

Во время, встречи Луан находился рядом с Нго Динь Зьемом. Генерал Тхе, человек весьма авторитетный среди руководителей секты Каодай, подобострастно выслушивал премьер-министра. Доктор Туен и Луан осторожно обменялись взглядами. Доктор внимательно следил за каждым движением и жестом генерала, который с трудом скрывал свое волнение.

Луан понимал, что любая акция, предпринимаемая Тхе, направляется Лэнсдейлом. ЦРУ, если не прямо Коллинз, сразу же пустило в ход несколько своих карт, чтобы ограничить самостоятельность Нго Динь Зьема. Внешне Тхе проявлял полную покорность. Но было ясно, что он ведет свою игру. Он изображал абсолютную преданность Нго Динь Зьему. В то же время был подчеркнуто вежлив с Луаном и Туеном, сопровождавшими Зьема в поездке. Им одним он подобострастно жал руки.

На поляне находилось три вертолета. Ими управляли американские летчики. Зьем возвращался в Сайгон по воздуху, поскольку прослышал о беспорядках в районе Гозау. Но это была недостоверная информация. Из посторонних лиц там не было никого.

Поднявшись в вертолет, Нго Динь Зьем перестал думать о генерале Тхе, глубоко уверенный, что теперь страна будет находиться в его, Зьема, власти.

Спустя две недели после того, как в печати появилось сообщение о встрече Нго Динь Зьема и Така, премьер решил собрать пресс-конференцию во дворце Зялонг. Это была его первая пресс-конференция. Данное событие произошло 12 февраля, спустя триста дней после истечения срока перегруппировки войск, прошедшей в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года. Вьетнам по существу был расколот на две части.

Зал государственных приемов дворца Зялонг переполнен. Официальной резиденцией правительства был избран дворец Нородома, но здание этого дворца находилось на реставрации. Кроме того, дворец Зялонг традиционно считался резиденцией главы государства. В силу всех этих обстоятельств Нго Динь Зьем расположился во дворце Зялонг.

Сквозь густой табачный дым просматривался портрет Бао Дал на стене. Портрет этот придавал всему происходящему в зале еще более «государственный» вид. В огромных кожаных креслах сидели гости из самой страны и заграницы. На столе было установлено множество микрофонов, красовалась огромная ваза с цветами, доставленными из Далата.

Пресс-конференция еще не началась. В ожидании гости небольшими группами стояли в зале, обсуждая последние новости.

— Стране нужен глава государства. Премьер-министр раскроет свои замыслы. Ситуация в Индокитае вскоре совершенно изменится. Французскому индокитайскому банку придется уступить место своим коллегам из Нью-Йорка.

— Бао Дай, говорят, забавляется с девицами на вилле Торенк. Он готовится издать вердикт о передаче власти. Словом, ситуация щекотливая. Нго Динь Зьем держится за ручку ножа, а Бао Дай схватился прямо за лезвие.

Сидевшая в зале женщина, черноволосая, голубоглазая, остроносая, внимательно слушала все, что говорят присутствующие, и быстро записывала слова гостей. От торопливой работы лицо ее зарделось. Она была очень красива.

Вдруг с улицы донеслись возгласы:

— Долой колонизаторов, феодалов, коммунистов!

— Да здравствует Нго Динь Зьем!..

Раздавались слова песни, такой же убогой, как и те, кто ее пел. Демонстрация шла по проспекту Копг Ли, который еще несколько месяцев назад носил имя генерала де Голля. Собравшиеся обогнули дворец Зялонг и остановились у главного входа в него.

Гости, собравшиеся во дворце, с замиранием сердца следили за тем, что происходит у дворца. Может быть, потому, что вся эта сцена с демонстрантами была необычна, особенно для западных наблюдателей. Красивая женщина — журналистка быстро скинула фотоаппарат и сделала несколько кадров.

Большая часть демонстрантов, подростки и пожилые женщины были одеты в коричневые одежды. С исступленными, фанатичными лицами, держа по батону хлеба под мышкой, они пугливо озирались по сторонам.

За всем происходящим наблюдали Ню и Луан, находившиеся в одной из комнат дворца. Увидев, что Луан согнулся, пытаясь расслышать доносившиеся из соседнего зала слова. Ню тихо сказал:

— Опасаться можно только за Чан Ким Туена и Фам Суан Тхая. Все остальные — подставные лица, собранные специально для одурачивания корреспондентов.

Рядом с группой гостей возвышался тучный, страдающий одышкой Нго Чонг Хиеу. Он беседовал с красивой женщиной.

— Элен, это наша народная революция...

— Кто это? Зачем эти люди пришли сюда? — переспросила Элен.

— Они ждут представителя Нго Динь Зьема, чтобы узнать его решение, — пояснил Нго Чонг Хиеу.

— Почему же тогда все, кто собрались на демонстрацию, получили по батону хлеба? Что верно, то верно — это самая дешевая в мире народная революция! — Элен скривила губы в усмешке. Затем она перевела иностранным гостям эту реплику на английский язык. Присутствующие вновь столпились вокруг Элен. Нго Чонг Хиеу громко произнес:

— Господин Чан Ван АН, я обещаю вам, генерал, провести точно такую же демонстрацию. Конечно, чтобы одновременно собрать да еще в одну толпу столько люмпенов, надо потратиться. Но ведь людей прибыло не так уж и много. Даже журналистов в этом зале можно пересчитать по пальцам.

Перебранка продолжалась бы долго. Но как раз в это время через главный вход дворца проследовал начальник управления информации Фам Суан Тхай. В руках он держал текст заявления премьер-министра. Раздался звонок, известивший о начале пресс-конференции.

Нго Динь Зьем слегка наклонил голову, приветствуя собравшихся. Он был одет в шелковый костюм, в котором выглядел значительно старше и солиднее. Этот костюм ему

очень нравился, видимо потому, что напоминал о временах, когда он был министром при императорском дворе в Гюе.

— Господа! — твердо произнес Зьем. — Прежде всего я выражаю благодарность друзьям в стране и за рубежом, независимо от того, разделяют они мои убеждения или нет, за то, что они пришли на пресс-конференцию. Сразу же по возвращении на родину я намеревался провести встречу с представителями печати. Но обстановка была сложной, поэтому мне удалось встретиться с вами только сегодня. Печати принадлежит важная миссия в современном мире. Через нов общественность узнает обо всех изменениях... Хочу надеяться, что, верные своему профессиональному долгу, вы будете правдиво рассказывать об обстановке во Вьетнаме в этот особенно ответственный период его истории...

Сначала Зьем говорил тихо, но через несколько фраз его голос зазвучал громче.

— Тот, кто следит за обстановкой во Вьетнаме, знает, что страна прошла через тяжелые испытания. Женевские соглашения были подписаны без договоренности с правительством Вьетнама. Вы, наверное, помните заявление министра иностранных дел Чан Ван До, сделанное им сразу же после того, как этот документ был подписан: «Правительство государства Вьетнам заявляет решительный протест против способа, которым было подписано соглашение о перемирии». Во избежание неправильного толкования сказанного я зачитаю эту часть заявления по-французски. — И он произнес тот же самый текст по-французски. — Мы протестуем против условий, которые зафиксированы в соглашении вопреки чаянию вьетнамского народа осуществлять свое право на свободу действий в целях защиты «независимости и свободы». Конечно, Вьетнам сам прилагает усилия и приветствует любые другие усилия по восстановлению мира и не использует насилия с тем, чтобы воспрепятствовать осуществлению соглашения, несмотря на изложенные ранее возражения.

— Не слишком ли много противоречий? — шепнула Элен на ухо Нго Чонг Хиеу.

— Никаких противоречий нет. Мы возражаем против методов, — услышала она в ответ.

Зьем бросил взгляд в сторону Элен и Хиеу. Хиеу сжал Элен руку, давая ей знак молчать, и выпрямился.

— Раскол страны на две части — это преступление, — вещал с нажимом Нго Динь Зьем. — Это сговор коммунистов и колонизаторов. К сожалению, мое правительство создано слишком поздно. Многие основы уже подорваны, и моя речь сегодня словно глас вопиющего в пустыне... Теперь для того, чтобы избежать участи, которая постигла северную часть страны, мы должны создать мощную армию и таким образом избежать горечи Дьенбьенфу.

Собравшиеся шумно зааплодировали:

— Прощай, Дьенбьенфу!

Глаза Зьема вспыхнули.

— Спасибо, друзья! Мы создадим национальную армию. Повторяю: создадим. Это значит, мы не будем реорганизовывать, расширять старую армию и уж тем более не будем ее латать!

Нго Чонг Хиеу закричал:

— Начнем сначала! — Это у него получилось так громко, что Элен даже язык высунула.

Но Нго Динь Зьем сделал вид, будто не слышит Нго Чонг Хиеу. Он насупился, как подросток, стал смешным.

— Разве может независимая страна мириться с тем, что ее армия располагает всего лишь одним батальоном? Вы ведь знаете, друзья, что наш батальон выполняет только вспомогательную роль. Это своего рода дворцовая охрана. — В голосе Зьема вновь послышался металл. Он перешел с центральновьетнамского диалекта на южновьетнамский: — Позор!

Чан Ван Ан громко рассмеялся:

— Не вспомогательные силы, а ненужные силы.

Зьем продолжал разглагольствовать:

— В программе широких действий, разработанной моим правительством, предусмотрено создать регулярную стопятидесятитысячную армию в самые короткие сроки. Она должна быть хорошо обучена и оснащена. Я буду командовать талантливыми и обученными офицерами.

При этом Зьем особо выделил слова «я» и «обученными».

— Вы увидите, родится новое поколение вьетнамских генералов, которые нужны армии-победительнице!

В зале, где проходила пресс-конференция, отчетливо слышался скрип перьев. Зьем рисовал далекую перспективу. Она вызвала настоящий переполох в рядах командования национальной армии.

Небольшой репродуктор, установленный в соседней комнате, позволял Ню и Луану слышать каждое слово премьер-министра.

— Это объявление войны! — сказал Луан, и Ню улыбнулся в ответ. — Немного запаздываем, совсем чуть-чуть, — продолжил Луан.

Зьем на секунду перевел дыхание и умолк, будто закончил читать написанный заранее текст. Потом продолжал:

— Одновременно с созданием армии я ускорю проведение аграрной реформы, чтобы передать в руки мелких крестьян большую часть земли. Я вывезу вгз Северного Вьетнама полмиллиона соотечественников, жаждущих свободы, проведу налоговую реформу. Это будет удар по самым богатым, большинство из которых не являются вьетнамцами. Я сформирую структуру демократии, прежде всего временное Национальное собрание, Оно соберется в ближайшие три дня с целью изучения вопроса о создании конституционного Национального собрания. Эта структура демократии будет опираться на советы городов, провинций, других населенных пунктов, на представителей общественных, религиозных организаций и будет насчитывать шестьдесят человек. Затем я приложу максимум усилий для восстановления безопасности в деревне. Надо признать, что проблема безопасности на

нижнем этаже нашей структуры пока не решена. И не только по причине активности Вьетконга. Вот, друзья мои, что я мог наложить на сегодняшний день представителям общественности. На этом заканчиваю. — Зьем оглядел собравшихся. На его губах застыла улыбка, располагающая к доверию.

— Господин премьер-министр, решен ли вопрос о главе государства?

Не сговариваясь, все, в том числе и Зьем, подняли глаза на портрет императора Бао Дан, окутанный густым облаком табачного дыма. Это был портрет человека, больше похожего на разбитного гуляку, чем на главу государства.

— Я считаю, что в этом вопросе главная роль принадлежит гражданам! — нравоучительно ответил Зьем.

Встал один из западных журналистов. Он представился как корреспондент самой массовой французской газеты «Франс-суар» и обратился с вопросом:

— Господин премьер-министр, хотелось бы подробнее услышать об обучении и оснащении стопятидесяти-тысячной регулярной армии.

— Миссия генерала О'Даниэля подробно обсудит всю программу формирования армии в контакте с миссией французского генерала Поля Эли... — Зьем вдруг оборвал фразу на полуслове, словно для того, чтобы произнести что-то очень важное. И действительно, последовало серьезное заявление: — Мое правительство приветствует французских инструкторов, которые хотят служить во Вьетнаме добровольно, если они будут помнить, что Вьетнам — это не колония, прикрываемая вывеской «союзного государства», и забудут о своих прежних эгоистических интересах. Мое правительство будет приветствовать их и в том случае, если они покинут нашу страну.

Вообще для Нго Динь Зьема говорить грубости было делом привычным. Он мог так гаркнуть на человека, с которым разговаривал, что его крик был слышен в другой комнате. Вот и сейчас он в очень грубой форме «поставил на место» корреспондента «Франссуар».

Корреспондент улыбнулся. Было видно, какого труда стоила ему эта улыбка.

— Я удовлетворен вашим ответом, господин премьер-министр. И еще один вопрос: что ожидает вьетнамских офицеров, получивших образование во Франции?

Зьем выдержал паузу, как будто дожидался перевода вопроса с французского языка на вьетнамский, потом ответил:

— Отныне у нас единая система офицерского корпуса — вьетнамская. Все, за исключением людей, выступающих против интересов страны, совершивших преступление или просто неспособных, могут служить своей стране...

Французский корреспондент сел, слегка пожимая плечами. Встал вьетнамский журналист. Он представился как корреспондент газеты «Иеу Ньюк» — органа религиозной секты Виньсюен. Он задал вопрос:

— Господин премьер-министр, общественность хочет знать о судьбе вооруженных формирований религиозных сект, не являющихся регулярными частями, но на протяжении всей войны выступавших на стороне правительства...

— Это очень своевременный вопрос! — радостно воскликнул Нго Динь Зьем. Создалось такое впечатление, что он заранее ждал этого вопроса. — Я с удовлетворением отвечаю вам, друзья: командование французской армии только что сообщило нам, что с пятнадцатого февраля, то есть через три дня, оно прекращает поставки оружия вооруженным формированиям, не входящим в армию Французского союза.

Корреспонденты зашумели. Нго Динь Зьем продолжал с безразличным видом:

— По существу таких формирований уже нет... Французская армия грузится на корабли для возвращения на родину. К середине года, как вы знаете, на вьетнамской земле не останется ни одного французского солдата. Под словами «французский солдат» я имею в виду тех, кто находится на содержании французского правительства и выполняет его приказы. Это не обязательно должны быть французы по цвету кожи и по языку, на каком они говорят...

Элен в свою очередь тоже задала вопрос. Когда она поднялась, Зьем засмутился, уставился в стену, будто что-то там высматривал.

— В такой обстановке, то есть в период, когда французская армия перестала снабжать вооруженные подразделения религиозных групп, намерен ли господин премьер-министр снабжать их всем необходимым?

— Мое правительство, как я уже говорил, занимается созданием национальной армии.

— Спасибо, господин премьер-министр. — Элен села.

— Я Чан Ван Ан, редактор газеты «Дои Мой». Хотел бы задать вопрос.

Чан Ван Ан не поднялся со своего места, а только сделал легкое движение. Он внимательно рассматривал Нго Динь Зьема и поглядывал по сторонам. Ан был похож скорее на гостя, чем на редактора газеты.

— Я готов вас выслушать. — И Зьем стал напряженно выжидать.

— Господин премьер-министр указал, — произнес Ан сначала по-вьетнамски, а затем по-французски, особо упирая на слово «указал», — что «всякая крайность опасна». Вы, господин Зьем, наверняка еще в школе слышали это выражение. Политика в отношении подразделений религиозных и патриотических групп... Я говорю об этом прямо, потому что Биньсюеп — это не религия...

— Но церковная секта — это тоже своего рода религия, — оборвал Ана Нго Чопг Хиеу и громко расхохотался.

— Когда гости беседуют с хозяином, прислуге не положено вступать в разговор. Когда взрослые люди обсуждают государственные дела, юнцы могут выйти позабавиться во двор, — очень резкоотреагировал Ан.

Хиеу покраснел как рак. Однако Зьем устремил на него грозный взгляд, и Ан сразу же понял смысл этого взгляда.

— Я благодарен господину Зьему за то, что он умеет поставить на место свою прислугу. Так уж принято, что сапожники и массажисты не лезут вперед...

— Господин Ан, быстрее задавайте свой вопрос. Дайте возможность другим получить ответ на интересующие их проблемы.

АН повернулся в сторону сказавшего это человека с большими черными очками на носу.

— А, господин Ву Бак Тиен, газета «Ты Зо». У вас еще будет время, «подсадная утка». Не волнуйтесь, вы не понесете свои вопросы домой... Итак, я хотел бы продолжить беседу с господином премьер-министром. Вы проводите жесткую политику. Не думаете ли вы, что вам придется отвечать перед историей за гражданскую войну, которую вы развязываете?

Стало видно, как занервничал Зьем. Он начал сжимать суставы пальцев.

— Если французское правительство согласно, то религиозные группы могут вывести свои вооруженные подразделения в Северную Африку. Франции нужны наемники. Я готов не чинить им препятствий. — Голос Зьема звучал приглушенно. — Вы должны войти в наше положение. Ни одно государство не может позволить себе «держат улей пчел в собственном рукаве» или «кормить обезьяну на собственной шее».

В зале раздался дружный раскатистый хохот. Но слышались и недовольно брюзжащие голоса.

— Что касается выражения «гражданская война», то здесь вы явно допускаете передержку. Мое правительство призывает всех к национальному единению. Но государство — это не базар, где каждый выкрикивает все, что ему заблагорассудится. Тем более, государство не может терпеть всяких шарлатанов, махинаторов, уголовников! — Нго Динь Зьем вытаращил глаза, — Повторяю, мы стоим на позиции шести пунктов, сформулированных правительством, и выступаем за обеспечение безопасности!

— Таким образом, можно сделать вывод, что по отношению к религиозным и патриотическим силам кровопролитие допущено не будет!.. — громко заключил АН.

— Вам следует помнить, что есть еще честная общественность... — произнес Нго Чонг Хиву, опомнившийся после удара, нанесенного ему Аном.

— Честная общественность? — скривил губы Ан, глядя на Хиеу. — Это те люди, которым выдали по батону хлеба?! И последний вопрос к премьер-министру: что станет с госбезопасностью?..

— Это еще один чрезвычайно своевременный вопрос! — рассмеялся Зьем.

* * *

В ресторане «Геофил» царит полумрак. Посетители сидят в напряженном ожидании. Даже в звоне хрусталя слышится какое-то отчаяние. Офицеры Виньсюен, окутанные табачным дымом, осушают до дна бокал за бокалом. Обслуживающие их девочки небрежны. Они устало хлопают глазами в ответ на приветствия посетителей, которые приходят сюда

словно не для того, чтобы повеселиться в компании, а посидеть наедине с собственными мыслями.

Паркетные полы еще блестят, но прежний лоск все равно потерян. Из проигрывателя доносится низкий голос певицы, исполняющей «Если ты вернешься».

На высоких табуретах около бара молча сидят, попивая коньяк, шеф государственной полиции Лай Ван Шанг и подполковник французской армии де Шовин. Хотя Шанг одет в костюм с иголки, а в зубах неизменно держит дымящую трубку, он не может скрыть беспокойства.

Де Шовин выпил рюмку до дна. Уставился на Шанга и хорошо поставленным голосом произнес:

— И кто же вам сказал, что Франция уходит из Индокитая? Кровь десятков тысяч французов и вьетнамцев, пролитая во имя дружбы между французским и вьетнамским народами, во имя присутствия Франции в Юго-Восточной Азии, — это не водица, которую можно проливать напрасно.

Лай Ван Шанг медленно поднес к губам рюмку, отпил немного коньяку. Но напиток не мог успокоить душу шефа Биньсюен. Де Шовин тоже понимал, что произнесенный им монолог звучит неубедительно. Он налил себе еще рюмку и залпом осушил ее.

— Посмотрите, десятки тысяч французских солдат все еще остаются здесь. Немало их находится в самом Сайгоне. Только в районе Гюибенхоа квартируется не менее бригады сенегальцев.

Де Шовин посмотрел на свои часы, улыбнулся, включил на полную мощность приемник «Филипс». Зеленый глазок приемника загорался все ярче. Де Шовин искал нужную волну.

— Подождите чуть-чуть, — попросил он.

Официантка у стойки бара застыла от любопытства. Шанг по-прежнему небрежно пыхтел своей трубкой.

Из приемника раздавались хрип, шипенье, отрывки каких-то мелодий. Де Шовин переключил на другой диапазон.

— Вот, вот слушайте... — сказал он Шангу так громко, будто обращался ко всем сидящим в баре.

Из приемника раздался мужской голос. Звучала чистая французская речь.

— Говорит «Франс-Ази», французское радиопредставительство на Дальнем Востоке. Наша радиостанция находится в городе Сайгоне. Слушайте нас на волнах двадцать четыре, тридцать один, сорок один, сорок девять и двести сорок метров.

Де Шовин поднял глаза и оглядел присутствующих.

— Дорогие радиослушатели... — Теперь из приемника лился приятный женский голос. — Передаем сводку новостей... Последние известия... Париж... По сообщению АФП, вчера во

дворце Матиньон премьер-министр Эдгар Фор встретился с верховным комиссаром Франции в Индокитае армейским генералом Полем Эли...

Де Шовин принял надменный вид. Он втягивал в себя табачный дым, рассматривая потолок. Шанг подошел к приемнику и выключил его.

— Присутствие Франции в Индокитае — это лишь присутствие в эфире, — резко сказал он.

— Успокойтесь... Не забывайте, что здесь у нас есть «Эйфель», «Дени Фрер», «Козюнам», «Сарик», «Мик», «Банк», «Мишлен», «Терр Руж»²³. Ну и потом у нас здесь бесчисленное количество друзей. Франция по-прежнему остается великой державой. Радио сию минуту сообщило о встрече Поля Эли с премьер-министром Эдгаром Фором. Понятно, что речь шла о наших делах.

Лай Ваи Шанг продолжал пыхтеть трубкой, делая вид, что не слушает бестолковые речи де Шовина. Прижавшись спиной к стойке бара, он болтал ногами. Вдруг произнес с упреком:

— Люди уже не верят вашим словам... Генерал Хинь потерял пост начальника генерального штаба, а французское правительство молчит... Правительство Франции выводит свои войска, даже не обсудив этот вопрос с нами.

Де Шовин пытался возразить, однако Шанг снова оборвал его:

— Дослушайте меня... Хуже того, именно генерал Эли, а не кто-нибудь иной заявил о прекращении поддержки... Вы, господин подполковник, французский военный атташе, а тоже не посоветовали ему все тщательно взвесить. Как будет дальше существовать армия, насчитывающая несколько сот тысяч солдат? И уж совсем никуда не годится, когда французы сидят сложа руки и созерцают, как Нго Динь Зьем формирует отряды городской полиции, действующие независимо от нас. Это трудно понять! Скажу откровенно, господин подполковник, вьетнамцы начинают задавать вопрос: «Не бросит ли Франция своих друзей на произвол судьбы?»

Шанг кивнул. Де Шовин засмеялся. Это был вымученный смех, поскольку ничего вразумительного сказать он не мог.

— Сушая ахинея! — Де Шовин схватился за стойку бара. — Франция не торгует друзьями! Никогда, никогда!

Затем он резко понизил голос, огляделся вокруг, будто хотел сказать что-то секретное, и произнес:

— Конечно, тактика должна быть гибкой... Склад с оружием «Х-11» перешел в ваши руки? — И продолжал оживленно: — А сколько боевой техники вы накопили в лесу вдоль реки Ратзя! Не мы ли организовали вам военный лагерь в Сухом лесу! Вы наверняка знаете, что там до сих пор стоит бригада сенегальцев. А ведь по Женевским соглашениям Франция не имеет права вмешиваться во внутренние дела Вьетнама. Как нам обосновать наши действия?

Шанг, слушая подполковника, то и дело кивал. Когда де Шовин выговорился, Шанг поднял голову:

— Вы ищете обоснование. Обоснование — это вы сами. Не вы ли с самого начала выступали под лозунгом: «Защитим полномочия главы государства»?.. Вы же знаете, что глава государства скоро вернется на родину. Возвращается также и генерал Хинь. Это люди, которых никому не удастся обойти просто так, Генерал Виен должен стать политической фигурой номер один. У нас есть люди и на другие посты.

Шанг встал, налил коньяку в обе рюмки:

— Прошу!

Они чокнулись и залпом осушили рюмки.

— Я считаю, что ваше слово — слово чести представителя Франции. Вы согласны?

Де Шовин кивнул:

— Конечно!

Оживившись, они в обнимку двинулись к выходу из бара. Но дверь была очень узкой. Им пришлось разжать свои объятия. Группа полицейских, вооруженных с головы до ног, будто готовая к бою, вытянулась в струнку.

— ...У вас прекрасные солдаты!

Де Шовин ответил на приветствие солдат, похвалил каждого и сел в «рено».

* * *

4 марта, то есть через двадцать дней после пресс-конференции Нго Динь Зьема, в свою очередь собрал журналистов Фам Конг Так.

За эти двадцать дней произошло множество событий.

Было создано временное Национальное собрание, в задачи которого, как сообщалось, входило следующее: подготовка к избранию законного Национального собрания и образованию им правительства. Делегаты избирались во временное Национальное собрание по два — четыре человека от каждого административного совета городов, провинций, а также от ряда политических и религиозных организаций. Временное Национальное собрание подписало первое соглашение о предоставлении Соединенными Штатами Америки экономической помощи. В распоряжение вьетнамского правительства, без французского посредничества, передавалось 18 миллионов долларов. Командующий войсками секты Хоахао генерал Нгуен Зак Нго заявил, что на сторону правительства перешло девять тысяч солдат. В Сайгон прибыл государственный секретарь США Фостер Даллес. Президент США направил Бао Даю телеграмму, в которой заявил о готовности оказывать Вьетнаму помощь в борьбе с коммунистами.

В это же самое время на международной арене произошло два крупных события: в Бангкоке впервые собрались восемь стран — участниц СЕАТО. Об отречении от престола заявил Сианук. Он передал власть своему отцу Нородому Сирамариту.

* * *

Пресс-конференция Фам Конг Така собрала всех местных и зарубежных представителей газет, телеграфных агентств, радио, телевидения, находившихся в Сайгоне. Правда, поездка в Тэйнинь явилась для них делом довольно деликатным. И вот почему. На приглашениях, которые они получили, было написано: «Председатель Фронта общенациональных сил, руководитель религиозной организации Фам Конг Так приглашает Вас на пресс-конференцию». Таким образом, Фам Конг Так провозгласил себя руководителем Фронта и религиозных сил.

Луан в сопровождении сотрудника органов безопасности второй раз поехал в Тэйнинь. Охранника звали Тхатъ. Ему было около тридцати лет, был он крепкого сложения, смуглый. Родом из Тегао. Женат. Имел четверо детей. Жена — крестьянка. Причины вступления в полицию у него были очень простые: он стремился избежать мобилизации в армию Као, Дай. Бежал в Сайгон. Первое время зарабатывал тем, что грузил мешки с рисом на пристани Биньдонг. В конце 1954 года его уволили за недостачу. Стал искать место в полиции. Пришлось сунуть взятку — две тысячи пиастров. После месяца учебы его направили охранять дорожный перекресток рядом с домом Луана. Луан обратил внимание на парня и попросил Туена дать его к нему в личную охрану. Со времени просьбы Луана прошла неделя. Луан знал, что за это время Тхатъ должен был быть подвергнут самой тщательной проверке в политическом управлении и в управлении национальной полиции. Об этом Луану рассказывал и сам Тхатъ. Прежде всего, говорил он, спрашивали, какие отношения связывают его с Луаном. Тхатъ, понятно, ничего не знал о Луане, кроме того, что тот был хозяином красивой виллы, что он выезжал в город на «опеле», которым управлял северовьетнамец. В управлении национальной полиции его проверили на знание приемов борьбы. Он хорошо знал английскую, японскую борьбу. Шутки ради выучился, когда был помоложе. Он спокойно клал на землю своих противников. С ним захотел встретиться Нго Динь Нью. Он сказал Туену, чтобы тот не отдавал Тхатя в личное распоряжение Луана.

— Это невозможно, — возразил Туей, — я уже пообещал Луану.

— Сожалею, но тебе придется выполнить приказ.

— Да поймите вы, Нгуен Тхань Луан — умный человек и поймет, с чьей помощью мы за ним следим. Лучше все-таки послать Тхатя к Луану. И не давать ему никаких заданий, кроме задания самым внимательным образом оберегать Луана, чтобы полная его безопасность была гарантирована. Затем Тхатъ наверняка захочет посоветоваться с нами по каким-нибудь сложным вопросам. К примеру, о водителе машины. Я не уверен, что тот служит только Луану. Конечно, Луан не мог знать содержание беседы Нью с Туеном. И тем не менее он не мог не предполагать, что такой беседы не было.

Итак, по решению управления национальной полиции Тхатъ стал охранником Луана. Рядом с койкой Лука поставили койку для Тхатя.

Луан разрешил Тхатю на несколько дней вызвать в город жену и детей. Жена Тхатя была очень благодарна Луану. Она жила в общине Тханкыунгиа. Именно через нее Луан познакомился со многими нашими кадровыми работниками, обосновавшимися здесь. Когда Тхатъ отвозил на «опеле» Луана гостивших у него детей и жену, она всю дорогу наставляла мужа:

— Запомни, господин инженер для тебя все равно что старший брат. Береги его. Он очень добрый человек.

* * *

Начало пресс-конференции задерживалось. Фам Конг Так был занят каким-то неотложным делом. Луан вошел во дворец вместе с группой журналистов, Он обратил внимание, что в зале находится немало политических деятелей. И что особенно интересно, среди присутствующих были люди, одетые в военную форму.

Почти вдоль всей стены протянулся транспарант со стихотворным изречением о религии — источнике веры.

В зале были верующие, в основном женщины. Толпу окутала дымка алоэ. Доносился тихий гул голосов. Все походило на царство теней.

Журналистка Элен, одетая в брюки, рубашку с короткими рукавами и накладными карманами на груди, схватила фотоаппарат. Она повернулась лицом к Луану. Короткая вспышка света, и Элен быстрыми шагами подошла к нему.

— Если я не ошибаюсь, вы инженер Робот Нгуен Тхань Луан? — вкрадчиво спросила она. Затем, спохватившись, добавила: — Прошу извинения, я неправильно произнесла ваше имя. Робер Нгуен Тхань Луан? — Она протянула ему руку.

Луан легко поклонился:

— Почтенно приветствую вас, Элен Фанфани.

— Ого! Вы опасный человек! Если я не ошибаюсь, мы с вами никогда прежде не встречались. — Элен подняла голову, широко раскрыла глаза.

— Зато я ваш верный читатель. Ваша последняя статья о Фам Конг Таке в «Файнэншл афера» показывает, что опасны, скорее, вы...

Элен пожала плечами:

— Вы мне льстите. Отплатили за мою ошибку в произношении?

— Нисколько! — парировал Луан. — Так ли уж это важно, Робот или Робер? Я позволил себе произнести эти слова, потому что вашу статью смог бы отличить от статей любых других авторов. Ну а то, что вы смогли отличить меня от тысяч моих соотечественников, — это действительно талант!

Элен насторожилась:

— Уж не подумали ли вы, что я разведчица? Вы, кажется, вбили себе в голову, что я агент ЦРУ!

Луан раскатисто засмеялся:

— У журналистов всегда богатое воображение.

— А вы не хотели бы познакомиться с американским разведчиком? — спросила она, подойдя к Луану поближе.

Тот продолжал, смеясь:

— Смотрите, я действительно смогу подумать, что вы — агент ЦРУ. Я еще не готов полностью ответить на ваш вопрос, но могу ответить частично: я с удовольствием познакомлюсь с корреспондентом «Файнэншл аферз».

Элен сделала вид, что смутилась:

— Вы мне опять льстите!

Луан продолжал, теперь уже серьезно:

— Я не из дамских угодников. Не беспокойтесь. Я люблю «Файнэншл аферз» потому, что, если говорить откровенно, все, что происходит в мире, так или иначе связано с финансами. Контакты «Файнэншл аферз» — это контакты с самыми могущественными людьми Америки. Думаю, не случайно редакция направила вас в Тэйнинь, не имеющий никакой связи с финансовой проблемой.

Элен остановила на Луане пронзительный взгляд:

— Мне хочется провести с вами более приятную встречу... Не согласились бы вы?

— Конечно! — с готовностью отозвался Луан.

В храме началась религиозная служба. Снаружи не было видно, какие действия совершают верующие.

Но Луан знал, что эти моления сопровождаются торжественными, пышными обрядами. Секта Каодай отличается от других сект тем, что в соответствии с ее догматами любое земное деяние, будь то большое или малое, должно благословляться Папой, непосредственно им самим или же его представителем.

Молоденький служка, вошедший в храм, держал в руках листок со стихотворным текстом.

Элен слушала молящихся, повторяющих псалмы, но, не поняв молитвы, спросила:

— Каков смысл этого четверостишия?

— Если сложить первые слова четырех строк, то получится следующее: «Явление Ли Тхай Батя».

— А кто это такой?

— Это поэт эпохи Тан в Китае. Его звали Ли Бо. Церковь Каодай причислила его к лику святых и назвала «Бессмертным Пришельцем с Неба». Поэт служил начальником канцелярии при императоре. Он разрабатывал политику, а император подписывал приказы. — Луан говорил тихо-тихо. — Этот факт из государственной практики был взят на вооружение Фам Конг Таком. Похоже, карта скоро будет перевернута лицом вверх, тайна будет разгадана. Так что в вашей статье все говорится правильно. — Луан улыбнулся и глазами пригласил Элен выйти из храма.

— Посмотрите, что делается вон там...

В соседнем зале храма шел жаркий спор между де Шовином, Лай Ван Шангом, Ван Тхань Као, Леоном Леруа, Хай Нгоаном...

— Мне кажется, что Фам Конг Так выиграет больше всего, если армия религиозных сект выступит против Нго Динь Зьема, — сказала Элен, глядя поверх голов офицеров.

— Вы американка? — спросил Луан, нахмутив брови.

— Я могу заверить вас, что во мне течет не менее семидесяти процентов вьетнамской крови. Ну а остальное — это кровь человека, родившегося в районе Средиземного моря. Конечно, у меня американское гражданство... Но только гражданство, не больше. Только гражданство, — повторила она по-английски.

Луан пожал плечами:

— Во всем мире, пожалуй, не найдется ни одной другой страны, которая бы, как США, так запутала всех этнографов. Можно ли говорить о существовании американской нации? На этот вопрос еще нет абсолютно точного ответа.

Элен мгновенно отреагировала:

— Итак, вы согласны, что я не американского происхождения?

Луан долго смотрел на Фанфани, затем, как будто не видя ее, произнес:

— Америка не нуждается в поисках кровного родства.

Из дворца раздался громкий голос:

— Его преосвященство, епископ каодаистов благословляет!

Луан тихо произнес:

— Надо брать себе то гражданство, в каком находится епископ.

— Сейчас у него французское гражданство.

— Это верно, — тихо согласился Луан, — но придет момент, и он изменит гражданство. Именно в этом смысле я и говорю, что вы американка. Если читать ваши статьи, то можно прийти к выводу, что военные Америки больше, чем кто-либо другие, надеются на то, что во Вьетнаме начнутся столкновения...

Фанфани возразила:

— Я только журналистка.

Луан рассмеялся:

— Конечно. Я понимаю. Вашу статью не напечатали бы, если бы вы написали ее по-другому.

— А в каком качестве приехали в Тэйнинь вы?

— Я вьетнамец!

Элен кивнула:

— Конечно, вопрос о происхождении американской нации — довольно запутанная проблема. Здесь я согласна с вами. Но ответ «Я вьетнамец» слишком обтекаем. Вот пример, там!

Она показала на группу людей, толпившихся вокруг Чинь Минь Тхе, который в это время беседовал с Джэймсом Кейси. Затем она повернулась к Луану:

— И здесь! — Она ткнула пальцем прямо ему в грудь. — На маленьком пяточке собралось три Вьетнама! Как вам это нравится? Как вам это нравится с точки зрения справедливости?

Луан невозмутимо ответил Фанфани:

— Ваше наблюдение недостаточно точно. Есть еще один Вьетнам. Вот, смотрите!

Там, куда показал Луан, Фанфани увидела Ли Кая, прохаживающегося с группой собеседников.

— Это, кажется, хуацяо?

— Да, хуацяо вьетнамского гражданства.

— Он какой-то начальник?

Луан кивнул и сказал:

— А вы спросите у него. Но что бы там ни было, вы должны помнить, что они — это только один лагерь. Более того, они готовы перегрызть друг другу глотки. Их не так много, как вы думаете. Что они значат? Они лишь хозяева салонов.

— Я уважаю вашу убежденность. Мы вернемся к этому вопросу в другой раз, если вы не возражаете. Но как бы там ни было, я благодарю вас. Вы оставили в моей памяти след о сегодняшней встрече. Скоро, видимо, начнется пресс-конференция. Вы будете дожидаться? Ведь не молитесь же приехали вы в Тэйнинь!

Элен крепко пожала Луану руку. Ее красивые глаза говорили о куда большем, чем рукопожатие.

— Я вынуждена вас покинуть, у меня работа. Заранее предупреждаю: мы будем встречаться часто.

* * *

Конференция затянулась. Его преосвященство не родился полемистом. На едином выдохе он зачитал монотонным голосом заявление о создании Фронта общенациональных сил. Помимо дежурных фраз о том, что во Фронт вошли представители всех религий и вооруженных формирований Бипьсюен, что Фронт располагает собственной армией, пользуется поддержкой народа, в заявлении содержались обвинения правительства и

персонально Нго Динь Зьема в nepoтизме, узурпаторстве власти, предательстве дела борцов против коммунизма.

В документе были сформулированы следующие требования:

1. Расширение состава правительства за счет включения в него представителей всех политических партий, общественных и религиозных организаций.
2. Справедливое распределение министерских постов в самом правительстве.
3. Признание правительством всех антикоммунистических военных формирований в качестве подразделений и частей и соединений национальной армии, снабжение их всеми видами довольствия, официальное признание существующих званий у офицеров.
4. Конституционный созыв Национального собрания с включением в него с равным представительством деятелей всех партий, общественных и религиозных организаций. Депутаты направляются в Национальное собрание самими организациями, которые они представляют. Это не должны быть фиктивные лица.
5. Сохранение земельных владений и административного аппарата в провинциях Тэининь, Лонгсуен, Тяудок, в городских районах Ганзуок, Нябе, Лапво... Губернаторы и уездные начальники, военное и полицейское командование в выше перечисленных районах должны утверждаться четырьмя группами — Каодай, Хоахао, Биньсюен и руководством мобильными частями по защите католицизма.
7. Иностранная военная и экономическая помощь Вьетнаму должна строго контролироваться.
8. Любое важное решение по вопросам внутренней и внешней политики должно утверждаться главою государства. В случае если глава государства находится на лечении или за границей, он назначает лицо, его представляющее.

* * *

Зачитав заявление, его преосвященство произнес несколько слов:

— Я, бедный монах, живу обычно вне мирской суеты. Но в стране большой беспорядок. Север занят коммунистами. Юг оккупирован семейством Нго Динь Зьема. Дети господни пребывают в больших страданиях. Многие сыны, преданные отечеству, просили меня отвести беду. Я уклонялся от сего бремени. Но меня убедили, что только я способен взять на себя сию великую ношу. Я обращался к господу нашему за наставлениями. Всевышний внял нашим молитвам. И сказал господь наш: «Прими на себя сии страдания, и воцарится спокойствие и порядок». Повинуясь воле господя бога, я, бедный монах, провозглашаю создание Фронта общенациональных сил. Вот все, что хотел я донести до вас. А сейчас, если кто из присутствующих здесь возжелает спросить о чем, я весь к вашим услугам.

Первым поднялся корреспондент газеты «Нгыой Вьет Ты Зо»:

— В требованиях Фронта сформулирована одна серьезная юридическая проблема: кто должен управлять этой землей — религиозные группы или правительство?..

— Разве религиозные группы ставят вопрос о том, чтобы они одни имели места в правительстве? — вопросом на вопрос ответил Фам Конг Так.

— Но если пойти на удовлетворение требований Фронта, то что останется от национального единства? Это же предательство!.. — не выдержал корреспондент.

— Я думаю, наши требования носят справедливый характер... — замешкавшись, проронил Фам Конг Так.

Иностраный корреспондент продолжал:

— Ваше преосвященство, мы понимаем, что между правительством Нго Динь Зьема и военными группировками различных религий имеются разногласия. Положим, что требования Фронта носят справедливый характер. Мы хотели бы яснее понять позицию Фронта в отношении будущего Южного Вьетнама: рамки демократии, экономическая политика, внешняя политика. В заявлении Фронта ни слова не говорится об этих важных проблемах.

— После создания правительства Национального единства все эти проблемы будут обсуждены.

Увидев, что его ответ привел корреспондента в уныние, Так добавил:

— У меня имеется прекрасный план из десяти пунктов по совершенствованию государства, оказанию помощи людям, установлению вселенского согласия. План переводится на английский, французский, русский, китайский языки и будет направлен всем государствам и в ООН. Как только он будет переведен, вам сразу же все станет ясно.

Элен включила магнитофон:

— Ваше преосвященство, какова позиция Фронта в отношении объединения Вьетнама?

— Если господин Нго Динь Зьем будет готов удовлетворить все требования Фронта, то Фронт добровольно в первых рядах пойдет на Север с целью его освобождения. Я сам, бедный монах, понесу наши хоругви, чтобы водрузить их по ту сторону реки Бенхай! — торжественно произнес Так.

— Отсюда можно сделать вывод, что вы и Фронт не согласны с Женевскими соглашениями и не желаете их выполнять? — спросила Фанфани.

Так заколебался. Сидевший за ним Хо Тан Кхоа прошептал ему на ухо:

— Я направил письмо Хо Ши Мину относительно объединения страны. Поскольку речь идет о важном государственном деле, не считаю возможным проинформировать вас о его содержании.

— Мы просили бы рассказать хотя бы в общих чертах о содержании письма, не раскрывая секретов, — настойчиво продолжала Элен.

— Оно очень длинное. Скажу об одном: я предлагаю установить во Вьетнаме триумvirат. Хо Ши Мин, Нго Динь Зьем и я создадим Президентский совет. Хо Ши Мин будет

представлять коммунистов, Нго Динь Зьем — националистов, я стану арбитром, — самодовольно вещал Так.

— А кто станет президентом этого совета? — не унималась Элен.

— Я готов пострадать за народ. Председатель Президентского совета должен располагать достаточным авторитетом.

— Ваше преосвященство, какая же роль отводится Бао Даю?

Вопрос Фанфани загнал Така в угол. Он повернулся в другую сторону, но мало кто желал задавать ему вопросы.

— Прошу вас... — произнес Так.

...Луан сидел в глубине зала, наблюдая за происходящей суетой. Он чуть наклонился вперед, опершись подбородком на руку. Его кресло стояло рядом с отлитой из бетона колонной, на которой были изображены извивающиеся драконы. Весь мир вещей, находившихся здесь, подчинялся единому замыслу игры, которую разыгрывали населяющие дворец люди. Эти игры зачастую носили кровавый характер. Нго Динь Зьем и его брат нуждались в такой организации, как Фронт общенациональных сил. Еще более им требовался председатель этого Фронта. Для семейства Нго эта была самая легкая победа, причем победа, добытая не в смертельной военной схватке. Луан понимал слово победа в широком смысле — политическая победа. Ничто не могло предотвратить схватку. Но чем дольше тлел конфликт, тем было лучше для роста народного сознания, укрепления сил революции. Открытый конфликт, когда он вспыхнет, будет означать, что у американцев и Нго Динь Зьема полностью развязаны руки. А это создаст дополнительные трудности для революции.

Кто-то сел рядом с Луаном. Луан посмотрел в сторону севшего человека. Это оказался Хью Тай.

Луан пожал ему руку и продолжал спокойно сидеть.

— Здравствуйте, господин инженер, как вам все это нравится?

Луан улыбнулся, но не ответил. Тай продолжал злорадным тоном:

— Я хотел бы знать ваше мнение, какими реально силами мы располагаем?!

Луан снова повернулся к Таю, посмотрел на него сочувственно. Но Тай, этот верный Бай Виену человек, не был способен в полной мере оценить взгляд Луана.

— Я думаю, — начал Луан, — что вы слишком отрываетесь от реальной действительности, особенно в оценке собственных сил. Мне кажется, новый премьер-министр Франции Эдгар Фор намного ближе к американцам, чем Мендес-Франс...

— Генерал Поль Эли встречался со мной несколько раз. Он настроен решительно, — перебил Тай Луана.

— Американский генерал Коллинз настроен еще более решительно... — сердито пробурчал Луан. — Оба генерала опираются на свои армии. Я позволю себе заметить

следующее. Если встать на военную точку зрения, то ваши вооруженные силы слабы, способных командиров мало. Так как же вы собираетесь драться?! У противника один главнокомандующий, а у вас по меньшей мере — пять: четыре — от религиозных сект и группы Биньсюен и еще один — генерал Ви. Ну а реально командующих еще больше. Наверное, несколько десятков...

Тай обиделся:

— Это народная война!

Луан чуть было не рассмеялся. Действительно, чем смешнее комедия, тем более жалкими выглядят люди, участвующие в ней, К счастью, в это время какой-то журналист задал вопрос Фам Конг Таку. Такой вопрос был словно удар по голове.

— Ваше преосвященство, вы верите в название «Фронт общенациональных сил», которое вы дали вашей организации?

— Это не мы дали такое название. Оно подсказано самим господом богом, — серьезно ответил Так.

— Ваше преосвященство, с земными и небесными силами, помогающими вам, все ясно. Но объясните, пожалуйста, почему генералы Чинь Минь Тхе и Нгуен Зак Нго отказались сотрудничать с вами. Они встречались с журналистами и заявили о своей твердой поддержке правительства. Кроме четырех основных сил, представленных во Фронте, о которых вы говорили, можно ли рассматривать полковника Леона Леруа как представителя еще одной, пусть небольшой, но силы, как выразителя интересов католичества?

— Зачем вы говорите об этих реакционерах! — вскипел от таких слов Фам Конг Так.

— Но, ваше преосвященство, у генерала Тхе пять тысяч солдат!

— А у нас около двух миллионов верующих!

И пресс-конференция вдруг превратилась в шумную склоку.

Луан повернулся к Хыу Таю:

— Теперь не я один, а все понимают, что его преосвященство не видит, как опасно играть с реальностью, питая при этом иллюзии.

Тай промолчал.

б

— Я хотел бы знать, кого я принимаю?

— Ваше преосвященство, вы должны видеть во мне человека, который болеет за общие интересы, хотя, быть может, вас и не устраивают те отношения, что сложились у меня с премьер-министром Нго Динь Зьемом.

— Нет, нет, что вы! — засветился улыбкой Фам Конг Так. — Напротив, я очень рад этой доверительной встрече между Фронтом общенациональных сил и официальным представителем премьер-министра.

— Скажу честно, ваше преосвященство, у меня нет таких полномочий...

— Если вы считаете неприемлемым для себя беседовать со мной, как с председателем Фронта, я готов обменяться мнениями о представителе премьер-министра как руководителе религиозной организации.

— Что касается меня, то я не вижу никаких препятствий для беседы с вами в любом вашем качестве. Я в Тэйнине второй раз и исключительно с частными целями.

— Да?! В прошлый раз мне, к сожалению, не удалось встретиться с вами с глазу на глаз. Честно говоря, я не думал, что в сопровождении Нго Динь Зьема может оказаться такой человек, как вы. Хочу задать вам личный вопрос... Какое у Нго Динь Зьема мнение обо мне?

Так после пресс-конференции началась беседа между Папой каодаиотов Фам Конг Таким и агрономом Нгуен Тхань Луаном. Она проходила в обширном зале, пышно называемом «покои благоразумия» и похожем на зал старого оперного театра.

Многие просили Така об аудиенции. Но он первым пригласил Луана, хотя Луан передал в его канцелярию всего лишь скромную визитную карточку, на которой было написано: «Инженер-агроном Нгуен Тхань Луан. Сайгон, улица Мише, дом 5, телефон: 20461».

Прежде чем войти в личную канцелярию Паны, Луан внимательно посмотрел на Ли Кая. Тот пытался не выдать своего смятения, но это давалось ему с трудом. Парень согнул шею, приветствуя Луана, и буркнул:

— Здоровья вам, господин агроном!

— Спасибо, как ваше самочувствие?

Луан еще не успел изучить все детали биографии этого увертливого типа, но точно знал, что он — агент Нго Динь Нью, внедренный в организацию Биньсюен.

— Я собрался пойти на рынок Лонгхоа, чтобы купить хороших семян, но оказалось, здесь довольно бедно... — иносказательно начал Ли Кай.

— Желаю вам всевозможных успехов, — отрезал Луан.

Как только он вышел из апартаментов Така, к нему тут же подскочила Фанфани.

— Вы становитесь «звездой» в этом запутанном спектакле. Вы будете еще встречаться с Папой? Не могли бы вы мне помочь взять у него интервью?

— Я передам ему о вашей просьбе, но пожелает он встречаться с вами или нет — это зависит не от меня.

— Спасибо, господин агроном. Надеюсь, по возвращении в Сайгон мы снова с вами встретимся. Вот мой адрес, — Фанфани протянула Луану свою визитную карточку. —

Гостиница «Мажестик». Если вы не придете ко мне или даже не позвоните, то я сама приду к вам, — добавила она.

Луан улыбнулся. Элен поняла его улыбку.

— Вы удивляетесь, откуда я знаю ваш адрес? Если есть желание, это нетрудно сделать.

Она солгала. Лицо ее залилось краской. И не потому, что она не умела лгать. Луану вдруг стало весело, что американка устыдилась собственной лжи. Покрасневшая, смущенная Фанфани стала просто девушкой, обыкновенной и очень симпатичной. Луан взял Элен за руку и задержал ее пальцы в своих чуть-чуть дольше, чем это положено по протоколу.

Через плечо Фанфани Луан увидел, что Ли Кай стоит рядом с его машиной и беседует с Луком и Тхатем.

* * *

Фам Конг Так предложил Луану сигарету. Луан не знал, сам Так курит или нет.

— Я не знаю мнения премьер-министра на ваш счет. — Луан многозначительно посмотрел на своего собеседника. — Кроме того, как мне представляется, вам не кажется важным знать это мнение, раз в пункте десятом своей программы вы торжественно заявили, что подадите в отставку, если требования Фронта не будут удовлетворены. Я думаю, вы заранее догадываетесь, что таких уступок вам не добиться.

Фам Конг Так неожиданно тихо ответил:

— Заявление — это лишь заявление!

Он не услышал вздоха облегчения, внезапно вырвавшегося у Луана.

— Что вы предполагаете делать, если Зьем откажется принять вашу программу?

Фам Конг Так удивился:

— Что собираюсь предпринять? Я ничего не собираюсь предпринимать.

Теперь настала очередь Нгуен Тхань Луана удивляться.

— А тогда для чего же вы собирали пресс-конференцию?

— Уж очень настаивали на этом мои коллеги. Если бы я не провел пресс-конференцию, они засмеяли бы меня. Что касается меня лично, то я пошел на этот шаг лишь в отместку Тхе...

Теперь Луан видел реального, настоящего Фам Конг Така, хотя и облаченного в монашескую ризу.

— Как вы считаете, Нго Динь Зьем запретит религиозные секты? — Луан и Так поменялись ролями. Теперь вопросы задавал Так.

— Ваше преосвященство, предположим, господин Зьем закроет секты...

Лицо Така становилось все более бледным.

— А зачем их закрывать? — Он задал вопрос таким тоном, что Луан понял: Так на что-то надеется.

Луан решил, что отвечать он не должен. В душе он с симпатией относился к монаху, который вознесся на вершину церковной пирамиды только благодаря воле случая. Слушая целыми днями молитвы о загробной жизни, Так, похоже, твердо вообразил, что истинная жизнь развивается согласно религиозным писаниям различных направлений. Главное заключалось в том, чтобы его секретари своевременно и точно нашли соответствующую цитату из святых писаний и изложили ее в стихотворном варианте. Он платил большие деньги своим секретарям, сочинявшим стихи, поскольку считал, что без такого их труда передать святую волю обычной людской среде невозможно. Конечно, ума у него хватало, и он понимал, что не все молитвы дают нужный эффект.

Его преосвященство Фам Конг Так внимательно разглядывал карту Индокитая. Красная ниточка дороги номер 1 от Тэйиния до Камбоджи была очень короткой.

— Я не удивлюсь, если премьер-министр не подумает о своих соотечественниках. Что же, тогда я переберусь в Камбоджу. Там у меня множество верующих. По ту сторону реки Бассак ведется строительство нашего большого храма. Сианук всегда был милостив ко мне.

— Ваше преосвященство, не присылал ли вам письма начальник разведывательного управления камбоджийского принца подполковник Косеем? — неожиданно спросил Луан.

Так удивился:

— Вы знакомы с подполковником Косеемом?

— Правильнее сказать, я знаю его, но лично еще не встречался, — ответил Луан.

— Я тоже знаком с ним только заочно, через одного капитана. Он видное лицо в камбоджийской разведке. И хочет обратиться в веру Каодай.

— Это верно. Господин Косеем кроме выполнения своих разведывательных обязанностей одновременно является командиром подразделений парашютистов и заместителем командира сил обороны камбоджийской столицы. Насколько мне известно, подполковник Косеем по национальности тям, так почему же до сих пор он не вступил в секту Каодай? — спросил Луан и засмеялся.

— Ого! Да вы, господин агроном, куда более сведущи, чем я думал. Хочу сообщить вам, что господин Косеем выразил готовность вступить в секту Каодай. Среди каодаистов имеется много французов, американцев, индусов, японцев... — Так перевел дыхание.

— Я вновь хотел бы вернуться к теме наших взаимоотношений с Нго Динь Зьемом. Прошу передать ему только одну просьбу. Если он согласится с ней, то с программой из десяти пунктов, с которой я выступил, правительство может поступить по своему усмотрению. Я прошу подписать с нами соглашение, признающее наш округ размером в сорок квадратных километров в провинции Тэйинь, и наш суверенитет в масштабах данного округа. Что касается того, как данный вопрос лучше представить общественности, то это я оставляю за Нго Динь Зьемом. Речь идет о небольшой

территории размером сорок на сорок километров. Как вы считаете, господин агроном, я могу надеяться?

— Это ваше самое главное требование?

— Да!

Слова, манера поведения его преосвященства в эти минуты выдавали его самые заветные желания. У Луана было такое чувство, будто он сидит перед толстосумом, который по уши залез в долги, а теперь готов бросить все свое имущество и просит оставить ему лишь дом и могилы предков, к которым он всю свою жизнь готовился уйти.

— Не могли бы вы, господин агроном, передать Нго Динь Зьему о моей просьбе? Я никогда не забуду вашей любезности! — прошамкал Так.

— Передать вашу просьбу Нго Динь Зьему не составляет труда. Я обещаю, что она будет доложена премьер-министру сегодня же или завтра утром. Но я думаю, Нго Динь Зьем откажется ее удовлетворить!

— Почему же? Я ведь прошу не о многом.

— Это верно. Просьба небольшая. И все же Зьем откажется. Он опасается потерять более крупные вещи. Когда же он будет уверен, что крупных вещей не потеряет, то не захочет терять и мелочь.

— Ну и что же я должен делать, как вы считаете?

— Похоже, вы еще не готовы дать отпор Нго Динь Зьему?

— Я всего лишь смиренный монах! — бессильно ответил Фам Конг Так.

Настала очередь Луана глубоко вздохнуть.

— А вы никогда не задумывались над возможностью вступить в контакт с людьми, участвовавшими в войне Сопротивления? Их много, в том числе и здесь, в Тэйнине...

Луан старался направить беседу в нужное русло. Так судорожно затряс руками:

— Да что вы, господь с вами! Зачем вы так шутите... Если Нго Динь Зьем простит меня, то я, как его единоведец, готов идти вперед и наказать Север.

Луан встал:

— Спасибо. Прошу извинения.

Фам Конг Так тоже встал и проводил Луана до дверей.

— Еще раз прошу вас передать мою просьбу Нго Динь Зьему.

Вид у его преосвященства был жалкий, лицо страдальческое. Но перед тем как принять нового посетителя, он преобразился, принял гордую осанку.

Через распахнувшуюся дверь Луан услышал голоса молящихся и удары гонга. На какую-то долю секунды нервы его сдали. Нет, не из-за этого старика склеротика. Того ждала достойная его участь, унижительная и позорная. Тяжело было, что этот примитивный человек властвовал над душами сотен тысяч людей, втягивая этих людей по своей воле в катастрофические авантюры.

Фанфани быстро выбежала к парадному подъезду. Но машина Луана уже рванулась с места. Он помахал Элен в знак приветствия и в этот момент поймал себя на мысли, что забыл ее представить его преосвященству.

Но Фанфани не проявила беспокойства. Она знала, что Луан ей еще пригодится, и послала воздушный поцелуй вслед удаляющейся машине.

7

Тяжелые четырехмоторные транспортные самолеты приземлились на летном поле аэродрома Таншоннят. Из самолетов высадилось несколько сот человек. Это были самолеты специального назначения, на них перевозили людей с Севера на Юг. По сравнению с теми, кто эвакуировался морем, эти пассажиры выглядели куда более свежими, неуставшими, да и одеты были лучше. Все поспешно расстегивали воротники. Когда они садились в самолет, было 15 градусов тепла. А здесь, в Сайгоне, — 36 градусов в тени.

Их ждала толпа встречающих.

Из самолета вышла девушка. В руках у нее был только небольшой чемоданчик да шерстяная кофта ручной вязки. Девушка заметно выделялась своим видом: очень красивая, лет двадцати пяти, не более, среди прибывших единственная женщина в брюках европейского образца.

— Тетя! — громко крикнула девушка, подбежала к женщине аристократического вида, одетой в национальное платье аозай, и обняла ее.

— Зунг, это ты? — удивленно посмотрела на девушку женщина и вдруг громко заплакала: — Ну как ты выросла! Еще в прошлом году, когда ты навещала меня, была же совсем девочкой. А почему не приехал отец? Я приготовила места вам обоим. Для него держат пост управляющего делами министерства финансов. Ну а ты должна учиться, чтобы получить диплом.

Женщина все говорила и говорила, продолжая обнимать Зунг.

— До чего же ты стала красивая, прямо принцесса! Нет, ханойские девушки не то, что наши. А шрам на руке у тебя зажил?

— Я...

Тетушка сразу перебила ее и начала подробно, не останавливаясь перед мелочами, рассказывать о своей племяннице стоящим рядом людям. А те просто не могли наглядеться на Зунг: белолицая, глаза сияющие, фигурка ладная, стройная.

— Она у меня хорошая, но немного шалунья...

На первом курсе юридического факультета... Вот решила навестить меня. Я ее тетя... — быстро, сбивчиво говорила женщина. — Поехала прогуляться на наши чайные плантации... Не знаю, как она там бегала, но, короче говоря, упала и сильно поранила о кусты руку...

— А где дядя, почему он не приехал встречать меня? — спросила Зунг, пытаясь отвлечь тетю и переменить тему разговора.

— Он договаривался пообедать сегодня с подполковником Чан Винь Датом. Дядя шлет тебе привет... Ну что? Поехали!

К Зунг подошел парень, поздоровался и предложил:

— Можно ваш чемодан?..

— Давай помоги... — заторопила парня женщина. — Дочка, разве ты не помнишь Кхая? Он возил тебя на машине.

— А... Здравствуйте, Кхай! — оживилась Зунг. — Ваша жена родила кого-нибудь еще? А как ваш Тиен, пошел в школу?

Они вышли из здания аэровокзала и направились к новенькому, блестящему «Пежо-203».

— Богатая семейка! У тетки, видимо, нет своих детей, посмотри, как она балует племянницу, — сказал стоящий поблизости мужчина своему приятелю.

Зунг села в машину рядом с тетушкой. Она понимала, что та о многом хочет расспросить ее, но стесняется. И потом эти слезы на аэродроме?! Зунг догадывалась, что тетка плакала совсем не потому, что они давно не виделись.

* * *

Август 1945 года. У Зунг каникулы. Она готовилась ко второму курсу лицея. Ей минуло 18 лет. В это время вспыхнула революция. Зунг с упоением, как и ее друзья, участвовала во всех мероприятиях, проводимых молодежью. Именно тогда она хорошо познакомилась с родным дядей. Он был политическим заключенным. В 1943 году он бежал из тюрьмы, командовал партизанским отрядом. Отец Зунг — служащий в финансовом управлении Ханоя. Дочь воспитывал один. Мать девочки умерла, когда той исполнилось шесть лет. Говорить об этом в семье было не принято. Дядя Зунг был одиноким человеком. У него не хватало времени на то, чтобы создать семью, потому что еще со школьной скамьи он с головой ушел в революцию. Его выгнали из школы, потом он попал в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, он часто посещал дом, где жила его племянница. Соседи слышали о нем лишь то, что он активист национальной самообороны. А сама Зунг однажды узнала, что работает он в системе госбезопасности. Она не придавала этому особого значения, но по просьбе дяди хранила в секрете даже от собственного отца.

Учебный 1945/46 год был необычайный. Учащиеся большую часть времени проводили вне стен лицея. Дядя Зунг был очень недоволен этим. Он требовал, чтобы она продолжала учебу. Более того, по его настоянию девушка начала заниматься предметами, которые она не любила, — математикой и французским языком. При этом ради любимого дяди она старалась учиться хорошо.

Ханой в то время был город голодный и шумный. На улицах, в барах и ресторанах было полным-полно чанкайшистов. По городу поползли слухи о зверских убийствах. Дядя рассказывал Зунг, что это дело рук банды Ву Хонг Кханя, Нгуен Хай Тхана.

После летних каникул Зунг пошла учиться на третий курс. Чанкайшисты отвели свои войска к границе. Но в это время в Ханой вступила французская армия. Не проходило и дня, чтобы то тут, то там не вспыхивали стычки между французскими солдатами и нашими отрядами самообороны. Юноши, друзья Зунг, совсем забросили учебу и поголовно стали записываться в армию. Некоторые девушки поступили на курсы медсестер. Зунг тоже подумывала, не заняться ли медициной. Ее отец с тех пор, как из тюрьмы вышел дядя, старался не решать такие проблемы в одиночку. Дядя одобрил намерение Зунг.

Ситуация складывалась так, что почти все обычные школы закрылись. До города докатились сведения, что на юге страны развернулась настоящая борьба с французскими колонизаторами. Да и в самом Ханое все труднее становилось избежать столкновения с французскими частями.

Вооруженный конфликт между патриотическими силами и французской армией разразился в Ханое в ночь на 19 декабря. Отец метался по дому, не зная, какое принять решение — оставаться в городе или эвакуироваться. На следующий день под вечер появился дядя и начал торопить с выездом из Ханоя. Солдатский грузовик привез их в Хадонг. Туда же эвакуировалось и финансовое управление, в котором работал отец Зунг. Говорили, что лицей, в котором она училась, был эвакуирован по ту сторону реки Красной, в район городка Бакнинь.

Зунг твердо решила записаться на краткосрочные курсы медсестер скорой помощи, открывшиеся в Зыонгное. Она проучилась неделю и уже с нетерпением ждала окончания курсов, чтобы быстрее вернуться в Ханой для оказания помощи бойцам, защищавшим столицу. Вести об их успехах в борьбе против французов радостно всколыхнули всех ханойцев. В это время повидаться с ней приехал дядя. Они заперлись с ее отцом в доме на окраине Хадонга... Утром на следующий день он явился в медучилище, потребовал отчислить ее с курсов и увез с собой в Бави.

Поначалу Зунг очень удивилась всему этому. Но несколько дней спустя она все поняла. Здесь в горах находилась особая школа. Учащихся в ней было немного, преподавателем оказался не кто иной, как дядя. Кроме политических и специальных дисциплин здесь обучались стрельбе. Стрелять ей очень нравилось.

К середине 1947 года отец Зунг и она сама перебрались опять в Ханой, их возвращение буквально повергло в смятение соседей.

Отец Зунг пошел в финансовое управление, хозяин-француз потребовал от него заполнить анкету. Отец написал правду: был эвакуирован вместе с управлением, продолжал работать по своей специальности. Когда французы расширили зону контроля, не решился еще раз менять место жительства, потому что надо было уезжать на партизанскую базу в горы, и вернулся в город. Отец, принятый в учреждение сразу же без всяких проблем, начал аккуратно ходить на работу.

В 1948 году Зунг окончила лицей и получила диплом. Отец сменил место жительства. Откуда он взял деньги для покупки нового дома, было неясно. Дом находился на улице

Гамбетты. Сразу же появился первый гость. Им оказался дядя Зунг. Он приходил три раза в неделю и всегда в разные часы. Вскоре дядя и племянница стали настоящими друзьями.

В 1951 году Зунг, теперь уже бакалавр, продолжала изучать юриспруденцию. Летом 1952 года она впервые прилетела в Сайгон, где «по рекомендации» остановилась в доме «родной тети». Эта женщина давно перебралась в Сайгон из Северного Вьетнама и основала здесь свое дело: в районе гор Блао у нее была небольшая чайная плантация.

Зунг впервые познакомилась с Сайгоном и Южным Вьетнамом. О тете она многое узнала через некоторое время. Когда-то давно она была невестой дяди. Но дядя все время откладывал свадьбу: девушка, в отличие от него, была из богатой семьи, и он опасался попасть в материальную зависимость от родственников будущей жены. В конце концов его невеста вышла замуж за другого молодого человека, врача по специальности. Молодые супруги перебрались в Сайгон. Он открыл лавку по продаже минеральной воды, а она купила землю и разбила плантацию чая... Детей у них не было.

Зунг не знала, каким образом ее дядя связался с тетей. Она только слышала, что дядя как-то летал из Ханоя в Сайгон и там останавливался в доме тетушки. Тетушка подробно рассказала мужу об увлечении молодости, хотя тот никогда прежде не задавал ей никаких вопросов на подобную тему. Увидев Зунг, он буквально был очарован ею, принял ее в своем доме с радушием и теплом.

Когда разразилась битва при Дьенбьенфу, Зунг закончила только третий семестр юридического факультета. Ее институт перебазировали из Ханоя в Сайгон. В это время дяди в Ханое не было. Зунг решила бросить высшее учебное заведение, за что дядя, узнав об этом, задал ей настоящую головоломку. С его помощью она смогла восстановиться в институте. В это время она тайно пробралась в Тхайнгуен, где закончила трехмесячные курсы политической и профессиональной подготовки. Вернувшись после курсов в Ханой, Зунг записалась как беженка на переезд в Сайгон. Это было еще до того, как вьетнамская Народная армия вошла в столицу. Поначалу Зунг рассчитывала, что и ее отец переберется в Южный Вьетнам. Однако отец отказался трогаться с места куда-либо. Он очень любил дочь. Но жить в жарком климате не мог. И потом, он хорошо внал своего ребенка. Она была намного способнее его. И он вряд ли мог помочь ей чем-нибудь. Более того, он мог просто мешать. Но по совету дядюшки он все-таки записался на переезд на Юг. Когда же пришло время эвакуироваться, он сообщил властям, что сильно заболел и ехать не может. Обычная история, ни у кого не вызывающая подозрений.

8

Луан внимательно смотрел в окно. Его водитель Лук проводил технический осмотр «опеля». Это было его обычным, каждодневным занятием. Тхатя дома не было. После праздника Тэт Луан получил через Ша записочку, в которой сообщалось, что скоро к нему придет «деловой, достойный доверия человек», которого направил в город А-07. А-07 — это псевдоним руководителя, стоявшего во главе всей службы безопасности, в том числе и контрразведки. На новом участке Луану еще не доводилось непосредственно работать с этим человеком. Но он часто находился под его началом, когда отвечал за деятельность своей секретной службы. Это был толковый, деловитый, принципиальный и в то же время добрый человек. В свое время французы приговорили его к смертной казни. Но под давлением общественности казнь заменили на 15 лет одиночной камеры особо строгого режима на острове Пуло Кондор. На волю он вышел после победы Августовской революции.

«Кто же этот деловой, достойный доверия человек?» — думал Луан и никак не мог догадаться. Помощник ему, конечно, требовался позарез. Нередко случалось так, что нужно было с кем-нибудь своим обменяться мнениями. Но рядом никого. Единственный человек, с которым можно было обо всем поговорить, — это Нгок. Но после встречи в «Дай Тхе Зой» Луан в целях обеспечения безопасности Нгока и своей собственной перестал выходить на связь через Ка. Что касается Ша, который пристроился в городе в качестве торговца ментоловым желе, то они встречались не чаще раза в месяц и ни о чем друг с другом не говорили, кроме как о явках и времени встречи.

Прошло три недели после пресс-конференции преподобного отца Фам Конг Така. Обстановка в Южном Вьетнаме продолжала оставаться напряженной, все бурлило. Первым отреагировал на пресс-конференцию Чинь Минь Тхе. Он заявил в печати, что не поддерживает заявления Фронта общенациональных сил, и призвал все партии и религии к сплочению и поддержке правительства премьер-министра Нго Динь Зьема. Заявление заявлением, однако имя генерала Тхе продолжало оставаться среди руководителей фронта. В Куангчи начались настоящие боевые действия между подразделениями правительственных войск и армией партии Дай Вьет. Только много дней спустя правительственная армия вступила в Балонг — опорную базу армии Дай Вьет. В это же самое время подполковник каодаистской армии по фамилии Нгуен Тхань Дей привел свои части в Кан Тхо на соединение с частями Нгуен Кханя. По этому случаю была устроена пышная церемония. 12 марта правительство заявило о завершении операции «Свобода», в ходе которой под его контроль попал район Камау. За несколько дней до этого премьер-министр провозгласил создание управления гражданских дел во всех районах, контролируемых ранее органами власти, созданными в ходе войны Сопротивления. В функции управления и его органов на местах входило несение военной охраны, агитация и пропаганда, осуществление разведывательных функций, решение повседневных задач.

19 марта произошел серьезный инцидент. В сайгонском районе Нгабай вспыхнула кровавая стычка между сенегальцами — солдатами французского экспедиционного корпуса — и вьетнамской армией. Заявления, протесты, опровержения, извинения, следовавшие одно за другим со стороны вьетнамского правительства и командования французского экспедиционного корпуса, наводнили страницы всех местных газет. В это время глава государства Бао Дай, проживавший в Каннах, опубликовал удививший всех указ: «Отныне национальный праздник Вьетнама должен отмечаться не 8 марта, в день, когда в 1949 г. было подписано Елисейское соглашение, в соответствии с которым Франция предоставляла Вьетнаму свободу, а 21 мая, в день коронавания императора За Лонга».

Нго Динь Зьем действовал куда более определенно, чем Бао Дай. 21 марта, давая радиоинтервью, он подчеркнул: необходимо объединить армию, нельзя дальше допускать, чтобы вооруженные силы действовали разрозненно; необходимо создать единое административное управление, нельзя, чтобы местные органы действовали автономно; необходимо объединить финансы, нельзя, чтобы сборы налогов и податей осуществлялись только в пользу местных органов.

За два дня до того, как была обнародована телеграмма Бао Дан, в которой содержалось требование к Нго Динь Зьему и религиозным сектам добиться примирения, в печати было опубликовано постановление правительства об отмене поста высочайшего заместителя императорских владений. Тем самым был нанесен мощный удар по одному из родственников Бао Дая и еще двум французам, в правлении которых фактически пахотилось обширное горное плато Тэйнгун.

* * *

Неожиданно для себя Луан заметил нечто странное в поведении Лука. Тот приводил в порядок автомобиль хозяина и в то же время к чему-то внимательно прислушивался. Вид у него был крайне растерянный. Луан спустился во двор. Лук продолжал прислушиваться и не заметил подошедшего Луана. Оказалось, что в машине установлен небольшой радиоприемник. Луан прислушался к голосу диктора и сразу все понял: радиостанция Ханоя, вещающая на Южный Вьетнам.

И тут Лук увидел Луана и немедленно выключил радиоприемник, его руки дрожали. Луан сурово посмотрел на водителя, резко повернулся и пошел в дом.

Через несколько минут Лук оказался у рабочего стола Луана.

— Господин агроном, — произнес он сквозь слезы, — прошу пощадить меня. Когда я уезжал на Юг, то даже не успел повидаться с матерью, женой, детьми... Думал, по радио что-нибудь о них узнаю, может быть... Это невыносимо!

Лук разрыдался, лицо его выражало страдание, страх, раскаяние.

Луан выждал паузу.

— Убирайся! — громко выкрикнул он.

Лук, продолжая плакать, тяжелыми шагами вышел из комнаты.

Луан снова спустился во двор вместе с Луком.

— Я ничего не знаю о своей семье. Я так скучаю о них, — бормотал Лук.

И вдруг он увидел, что Луан протянул ему платок вытереть слезы.

— Доктор Руен наверняка приказал следить за мной, а ты... — неожиданно перешел к другой теме Луан.

— Господин агроном, — продолжал всхлипывать Лук, — клянусь всеми святыми. Я ни разу не доложил про вас ничего дурного. Мне приказали. Я подчиненный, не имею права не докладывать. Я хотел сам сказать вам об этом. Но потом подумал, зачем... Ведь вы, господин агроном, не делаете чего-то незаконного... Не верите, тогда смотрите сами... — Лук вытащил из кармана небольшую записную книжку, протянул ее хозяину.

Луан прочитал:

6 января. Господин агроном встречался с советником Его Динь Нью.

9 января. Господин агроном встречался с советником Нго Динь Нью.

12 января. Господин агроном ездил в «Дай Тхе Зой».

14 января. Господин агроном обедал в «Арк-ан-сьель».

15 января. Господин агроном ездил по ту сторону моста «Игрек».

Дальше шли незаполненные листы. Луан вернул книжку Луку:

— Почему ты перестал записывать?

— А чего писать? Я докладывал доктору Туену — тот приказал прекратить...

— Доктор Туен приказал тебе прекратить записи? Не следует этого делать... Ты должен продолжать записывать все, понял?!

— Да! — удивленно ответил Лук.

— К примеру, сегодня днем мы ремонтируем машину, почему ты этого не записываешь?

— Не знаю.

— Или, может быть, записи делает Тхать?

— Нет, Тхатю не давали такого поручения.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю...

«Это похоже на правду», — подумал Луан. Но именно Тхать для него был наиболее опасен. Не столько сам Тхать, сколько способ, каким доктор Туен решил его использовать: угрозы и шантаж заставят Тхатя обо всем докладывать своему начальству.

— Ладно, хватит, — миролюбиво произнес Луан, — я тоже хочу, чтобы ты как можно быстрее узнал, что с твоей семьей, и был за нее спокоен. Как зовут твоего сына, сколько ему лет? Где жила твоя семья?

— Сына зовут Тхань, ему четыре года... Семья жила в провинции Намдинь, уезд Хайхау, община Хайфан, деревня Хайлу.

— Семья, наверное, жива? — спросил Луан.

— Думаю, да, — оживился Лук. — В свое время я вступил в отряд безопасности. Вы с Юга, поэтому не знаете, что многие вступали в эти отряды добровольно, чтобы избежать призыва в регулярную армию. Так мне удалось избежать смерти в Нёкуане, а затем в Насене... Но семью я потерял. Кого из земляков ни спрашивал, все говорили, что мать живет в своей деревне. Но есть один вопрос, о котором я должен доложить. Мой родной дядя сотрудничает с Фронтом Вьетминь.

Луан насупил брови. Лук испугался.

— До сих пор я боялся говорить об этом. Но вижу, сказать необходимо... Господин агроном, прошу пощадить меня, — испуганно пробормотал он чуть не плача.

— А ты когда-нибудь встречался со своим дядей?

— Да! Когда он еще работал в уезде Хайхау. Я передавал ему какие-то письма. Это было еще до того, как французы ввели свои войска в нашу провинцию. Затем дядя совсем исчез. Только спустя много времени моя мать получила от него весточку.

— А чем конкретно занимается твой дядя, ты знаешь?

— В Хайхау он был председателем уездного комитета Сопротивления...

— А потом? — едва скрывая радость, спросил Луан. — Ладно. Прошу тебя, никому не рассказывай о своем дяде. Это очень запутанное дело. Никому не говори, слышишь, даже Тхатю... А теперь принимайся за машину.

* * *

Ню и Луан сидели в рабочем кабинете Ню в маленькой квартирке с задней стороны дворца Зялонг. На Ню был плохо выглаженный костюм.

— Нго Чонг Хиеу — тупица! — брюзжал Ню. — Но он ловкий подхалим. Мой брат Зьем как-то нашел с ним общий язык. Но я понимаю, что глупый человек во главе финансов может создать серьезные политические осложнения... Ты согласен?

Луан ничего не ответил.

— Почему брат выбрал Нго Чонг Хиеу на этот пост? Есть же еще Нгуен За Хиен, Чан Куок Быу... Все это странно! — Ню постепенно перешел почти на крик.

— Чего ты так возмущаешься? — спросил Луан.

— Ну как же не возмущаться?! Я хочу, чтобы наша политика была умной. А этим типам только бы поднимать шумиху по каждому поводу. Я сказал: надо лишь в самом общем виде возложить ответственность на Поля Эли за инцидент с сенегальцами в Нгабае. А они сразу же созвали пресс-конференцию, выступили с заявлением... Даже в отношении генерала Ви я предлагаю проводить политику умиротворения. А они все время ему угрожают. Они умеют только шуметь. Организуют митинги, ты видел, просто позор. Это ведь все наемники.

Луан улыбнулся:

— В любом подходе для правительства есть польза. Конечно, правительство должно действовать мягко. Но это не значит, что оно может быть неповоротливым. И потом, не каждая глупость есть... глупость.

Ню уставился на Луана:

— Ты говоришь что-то странное...

Луан показал пальцем на картину, висевшую на стене. На ней была изображена гора, покрытая снегом. На переднем плане была нарисована ветка персика.

— Это ведь картина японского художника Фудзиты «Гора Фудзияма»? Теперь посмотри, если убрать рамку, то от картины сразу же теряется впечатление. Ты скажешь, рамка плохая. В данном случае это как раз и можно использовать.

— Согласен! — уже спокойнее заговорил Ню. — Теперь я хочу тебя спросить еще об одном: не слишком ли жестко действует брат Зьем?

— Нет! — решительно ответил Луан. — Бао Дай слишком суетлив. Думаю, премьер-министр в своих действиях должен быть еще чуть тверже.

Ню неожиданно переменял тему разговора:

— Ну, как твой охранник?

— Спасибо...

— Я еще раз хочу напомнить, что он только охранник, и не больше!

— Спасибо! Да, он отличается от моего водителя.

— О! — всплеснул руками Ню. — Я должен перед тобой извиниться. Это инициатива доктора Туена... Я заменю тебе водителя...

— Не надо! — засмеялся Луан. — Мы работаем по-крупному. А в крупных делах нужна гарантия. Он меня не стесняет.

— Ну смотри! — Ню решил прекратить разговор на эту тему. — Скоро весь этот «спектакль» закончится...

— И начнется новый, не менее грандиозный! — парировал Луан.

Ню предложил Луану закурить. В кабинете поплыло легкое облачко дыма. Оно окутало сидящих, придав происходящему таинственность.

* * *

Луан вошел в книжный магазин на улице Лорда Китченера. Он пришел сюда чуть позже назначенного времени. Луан сделал вид, что роется в книгах, а сам поглядывал по сторонам. Народу в магазине было довольно много.

Кто это там?.. Высокая худая девушка, одетая в длинное голубое платье. Глаза большие. Все приметы совпадали. Неужели «надежным человеком» может быть эта девушка? В руках она держала книгу. Если у нее роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», тогда просто потрясающе. На какую-то долю секунды Луан вдруг засомневался: а вдруг это не человек от А-07?

Между прилавками с книгами появилась еще одна девушка. Да ней тоже было длинное голубое платье, в руках — книга. И она была очень красивая. Но ее красота была другая, слишком демонстративная. Она улыбнулась и принялась разглядывать Луана. Не может быть... Тиеу Фунг, певица, которая пела на частной квартире Лай Ван Шанга. Это она разносила вино во время встречи в ставке Биньсюен. Девушка вплотную подошла к Луану.

— Приветствую, господин агроном, — протянула она ему руку. — Я Тиеу Фунг... Вы разве не помните меня?!

Луан стал пристально рассматривать книгу в ее руках. Это был роман «Прошу вас, лошадь укрощена» Ле Ван Чыюнга. Луан облегченно вздохнул.

— Я хотела бы с вами поговорить, господин агроном...

Своим взглядом она буквально испепеляла Луана.

— Спасибо... — замешкавшись, произнес он.

— Луан! — вдруг донесся до него веселый девичий голос. Перед ним появилась другая девушка в голубом платье. Она держала в руках нашумевший роман американской писательницы.

— А, это ты! — ответил Луан. Они готовы были броситься друг другу на шею. — Знакомься, пожалуйста. Это Тиеу Фунг. Она работает у генерал-майора Ле Ван Виена.

Тиеу Фунг протянула девушке руку, глаза ее потускнели.

— Вы инженер? — спросила Тиеу Фунг, обращаясь к девушке.

Луан побагровел, словно от удара. Но та, ухватившись за его рукав, быстро произнесла:

— Что вы, пока еще рано меня так называть... Но, если хотите, можете называть инженером... — важно закончила она с ханойским акцентом, понизив голос, затем повернулась к Луану: — Я так голодна. А ты заставляешь меня ждать...

— До свидания, Тиеу Фунг. До встречи... Прощаясь с Тиеу Фунг, Луан услышал тяжелый грустный вздох певицы.

— Меня зовут Зунг... — быстро произнесла девушка прямо в ухо Луану. — Я Мимоза!

— А я Нгуен Тхань Луан. Агроном, — так же мгновенно ответил он.

В машине Луан представил Зунг сидящих в ней мужчин:

— Это Тхать. Он помогает мне. А это Лук — мой водитель. А это... Зунг...

— А кем тебе приходится Зунг? — расхохотавшись, кокетливо спросила Зунг. — Ни сестра, ни подруга сестры.

Лук и Тхать засмеялись. Они то и дело искоса посматривали на прижавшихся друг к другу Луана и Зунг.

— Теперь куда? — спросил Луан.

— Поехали в ресторан, — весело сказала девушка. — Я люблю ресторанчик на улице Братьев Луи, куда ты меня раньше водил, помнишь? Слушай! А ты давно знаком с Тиеу Фунг? — неожиданно задала Зунг вопрос.

— Я видел ее раньше, но разговаривал с ней только что впервые.

— Правда?! — Зунг пристально посмотрела на Луана.

— Спроси Тхатя. И Лук тоже знает!

— У господина агронома нет других подруг, кроме вас. Клянусь головой! — повернулся к ним Тхать.

Похоже, Лук был поражен еще больше, чем Тхать. До сегодняшнего дня он даже не подозревал, что господин агроном встречается с такой красивой девушкой.

Луан буквально пришел в восторг от этой суеты. Время от времени он поглядывал на девушку.

— А где же ты был все дня на Новый год? Я так тебя ждала! — Зунг продолжала говорить намеками и умело знакомила Луана со своей легендой.

В ресторанчике они сели за один столик, Лук и Тхать — за другой, неподалеку. Лук был просто счастлив за Луана. Не отрывая глаз, он смотрел на него и улыбающуюся Зунг.

— Это тебе от А-07, — сказала Зунг, передавая Луану пачку сигарет. — Я устроилась работать в канцелярию Чан Винь Дата секретарем. Я из Ханоя, дочь начальника управления финансов. Версия о том, как мы познакомились, — за тобой. Например, во время просмотра фильма «Вальс в тени» или «Пока есть мужчины». Вот главное из моей легенды.

Больше к этой теме она не возвращалась. Она продолжала разговор о каких-то пустяках, говорила быстро-быстро, буквально проглатывая фразы.

* * *

— А как ты узнала меня?

Зунг ответила не сразу. Когда она опять улыбнулась, он отметил про себя, насколько естественна ее красота. Она совсем немного пользовалась пудрой, помадой и была просто великолепна, словно персонаж европейских мастеров-портретистов прошлых веков.

С детства Луан робел перед сверстницами. До сих пор у него не было подруги. Родственники нередко подшучивали над ним: «Тебе надо было бы родиться девочкой». Он понимал бессмысленность своей застенчивости в общении с представительницами прекрасного пола, но каждый раз, когда оказывался рядом с какой-нибудь девушкой, не смел даже взглянуть на нее, а тем более заговорить.

Когда он окунулся в революционную деятельность, сама обстановка не позволяла водить дружбу с девушками. Так он думал. Ну а сегодняшняя встреча — это совсем другое дело. Луан смотрел на «доверенного и близкого человека», и в душе его поднималось чувство, какого он никогда ранее не испытывал. Работа приобретала поэтичность. Картины жизни оказались куда ярче и рельефнее, чем любая картина, написанная художником. Зунг смеялась. И от смеха лицо ее розовело. Луан старался вспомнить такие отрывки из романов старых писателей, где описывалась женская красота. Но ничего подходящего на ум не приходило.

В ресторанчике «Летящий корабль», что на улице Фрер Луи, Луан оказался впервые. Кухня ресторанчика славилась. Похоже, добрая слава соответствовала действительности: посетителей собралось полным-полно. Но Луан толком и не распробовал поданное ему блюдо, поскольку был целиком поглощен беседой с Зунг.

«Просто потрясающе! — вертелось у него в голове. — Действительно потрясающе».

— Я тебя сразу узнала! — сказала Зунг, кокетливо глядя на него.

Только сейчас, кажется, она начала приходить в себя от роли, которую разыграла. Роль она исполнила прекрасно, хотя некоторое смущение и выдавало ее чуть-чуть.

— И все же, как ты меня узнала? Ты из Сайгона?

— Нет, я в этот город приехала всего несколько месяцев назад.

— Приехала?

— Да.

История ее заочного знакомства с Луаном такова. После окончания Зунг специальной школы дядя поселил ее в небольшом скромном домике, покрытом пальмовыми листьями, в уезде Тхайнгуен. Рядом была деревня Чунгза, ставшая известной с тех пор, как здесь заседала совместная вьетнамо-французская комиссия по перемирию.

Пришла осень. Вдали виднелась почти фиолетовая гора Зонг. Поля, на которых начала пробиваться молодая зелень, опустели.

Человек, принявший Зунг, был родом из Намбо. Короткая стрижка, невысокий, крепкого телосложения.

Дядя наставлял Зунг: ты встретишься с А-07, больше об этом человеке ты ничего не должна знать. Конечно, Зунг не могла не догадаться, что человек, беседующий с ней, занимает высокий пост. Выглядел он очень спокойным и в то же время решительным. Смеялся от души, но смех был короткий. Если дядя Зунг работал заместителем начальника управления, то наверняка этот человек занимал пост выше, чем начальник управления.

— Тебе что-нибудь неясно? — спросил он, жестом приглашая Зунг сесть на стул, сколоченный из бамбука.

— Нет, все ясно!

— Тебя готовили довольно долго и тщательно, теперь пришла твоя очередь идти в бой. Всегда между практикой и тем, что написано в учебниках, есть разрыв. Так что действуй по обстановке.

Товарищ, беседовавший с ней, закурил сигарету. Это был золотой лангшонский табак, какой курил ее дядя. Сделав несколько затяжек, он продолжал:

— Тебе придется помогать одному нашему коллеге. Не обижайся на слово «помогать». Работа предстоит большая. Этому человеку ты очень нужна. Посмотри на фотографию.

Он протянул Зунг карточку. На ней был снят человек в полувоенной форме хаки, с пистолетом, волосы чуть взъерошенные, глаза ясные. Возраст определить трудно, но видно было, что это не юнец.

— Посмотри попристальнее, — сказал собеседник, заметив, что Зунг не очень-то внимательно разглядывает фотографию. — Ты должна сразу же, как только увидишь, узнать его. Одет он будет не так, как на фотографии. Особо внимательно посмотри на

глаза, нос... Ему года тридцать три, кожа смуглая, стройный. Тебе нельзя будет хранить эту карточку, поэтому ты должна до малейших деталей запомнить его портрет.

Зунг взяла фотографию и сосредоточилась. Парень как будто улыбался ей с карточки.

— Его подпольный псевдоним Инженер, Агроном, Он и на самом деле агроном.

— Он резидент? — спросила Зунг. — Нет. В соответствии с Женевскими соглашениями он вернулся в свои родные места. Живет обычной жизнью. Член партии.

— Хм, неужели агроном? — проговорила Зунг. — Судя по фотографии, этого человека никак нельзя назвать агрономом. Одет в военную форму, носит пистолет.

— Он здорово дрался с врагами, просто герой, удостоен наград, но должен был перейти на другую работу. Посмотрим, как пойдет дело дальше. А тебя что-нибудь беспокоит? — неожиданно спросил собеседник.

— Беспокоит? В каком смысле? — переспросила Зунг.

— Конечно, я не говорил об опасностях, которые тебя подстерегают. Я верю тебе. Ну что ж, тогда спрошу напрямик. Я имел в виду, смущает ли тебя что-нибудь, потому что тебе придется работать с мужчиной, точнее сказать — с молодым человеком. Он неженат, и у него нет любимой девушки.

— Ну и что же здесь такого? — спросила Зунг. Веселые нотки в ее голосе уже не звучали.

— Не спеши... Ты девушка... Семейкой пока не обзавелась. Я говорю об этом, чтобы все было ясно... Тебе придется играть роль любимой нашего товарища.

Собеседник продолжал деликатно развивать тему. У Зунг заалели щеки.

— Любимой! — выдохнула она.

— Для всех окружающих вас там людей, среди которых будет немало открытых врагов, ты и он — жених и невеста. Фактически уже близкие люди. Так требует дело. Тебе еще не поздно отказаться, если чувствуешь, что не справишься с такой ролью. Именно по причине деликатности поручаемого тебе дела я решил побеседовать сегодня с тобой. Что касается практической стороны дела, то об этом тебе все рассказал товарищ Тхуан.

Дядя Зунг, он же товарищ Тхуан, молча сидевший до этого в углу кабинета, произнес:

— Я об этом не говорил с ней, я был уверен, что она не откажется.

— Надо уважать чувства. Это сфера, где приказом ничего не сделаешь. Она еще молода, впереди вся жизнь, работа у нее есть. Так что dustь решает сама.

Товарищ умолк.

— А если я откажусь, — заколебалась Зунг, — это повлияет на дело?

— Конечно, трудности возникнут. Но мы сумеем их преодолеть.

— А может быть, достаточно играть роль подруги, знакомой?

— Не получится. Ты из Ханоя. Он южанин. Более того, с целью ввести противника в заблуждение в данном случае лучше всего, чтобы вы изображали страстно влюбленных друг в друга.

Зунг довольно долго сидела молча. Воцарилась полная тишина. Машинально она снова взяла в руки фотографию и стала рассматривать Агронома.

— Может быть, сделаем по-другому, Тхуан? Ты поговоришь с Зунг относительно второго варианта задания. Тогда будем считать, что сегодняшнего разговора у нас с ней не было. Дадим ей другое задание. А что касается Агронома, то этот вопрос обсудим дополнительно.

Товарищ хотел было взять у Зунг фотографию. Но Зунг не отдала и продолжала внимательно ее разглядывать.

— Я согласна выполнить ваше задание! — произнесла она решительно, хотя голос ее слегка задрожал.

— Ты хорошенько подумала?

— Да, хорошенько.

— Еще раз все взвесь!

— Почему вы так говорите?

— Потому что хочу знать, подумала ли ты о своем будущем.

— Нет, о своем будущем я сейчас не думала. Уверена, при нашей работе не стоит заглядывать вперед так далеко в личных делах.

— Хорошо! Теперь дальше... — Товарищ, беседовавший с Зунг, прервал разговор и заулыбался. Некоторое время он ничего не говорил, но Зунг поняла, что он хотел сказать. Ее щеки вдруг вспыхнули ярким румянцем.

— Ну что же, закончим этот вопрос. Поздравляю тебя. Теперь я прошу, когда встретишься с Агрономом, передай ему: дядюшка Хай напоминает, что прежде всего идет борьба умов. Чем меньше работаешь ногами, тем лучше. Так и скажи.

— А кто это дядюшка Хай? — спросила Зунг.

— Ты ему передай, как я тебе сказал. Этого достаточно! — посерьезневшим тоном ответил товарищ. Зунг пожалела, что у нее с языка сорвался такой вопрос. — Скажи ему также, что в деле Шау он излишне поторопился, словно неопытный всадник. Так легко попасть на приманку противника. Необязательно было устранять Шау Тхынг таким образом. Надо действовать тоньше... Ты все запомнила?

Зунг положительно ответила кивком, хотя и не знала, кто такой Шау Тхынг и почему его не надо было устранять.

— Тебе предстоит очень напряженная работа. Она потребует подлинного горения. Главное — научиться соединять трезвый математический расчет с энергией, ловкостью, мужеством. Постоянно помни о стратегической задаче! О стратегической задаче! Это основа всех побед...

— Сколько времени потребуется для выполнения ваданий? — спросила Зунг.

Товарищ, беседующий с ней, перевел взгляд далеко к горизонту.

— Как почувствуешь, что выполнила задачу, считай, что выполнила. — Хотя это был абстрактный ответ, он все же позволил Зунг сделать вывод, что задание рассчитано на длительный срок.

...И вот теперь этот парень, «всадник», сидел напротив нее. Он не очень сильно отличался от своей фотографии, которую она видела раньше. На карточке не были заметны лишь седые волосы. А теперь Зунг видела, что вся голова Луана покрыта сединой. Конечно, Зунг испытывала к Луану расположение. Они составляли единый отряд. Отныне их судьбы будут тесно связаны друг с другом.

— Те двое парней, которые ехали с нами в машине, работают у меня. Одного зовут Тхатъ. Раньше он был в дорожной полиции. Теперь перешел в службу безопасности. Родом из Тегао, Митхо. Другого зовут Лук, родом из Намдиня. На Юге недавно, водитель машины. Обоих приставил ко мне Нго Динь Нью...

— И еще я. Секретарь начальника полиции! — засмеялась девушка. — Полное имя водителя — Ву Ньюи Лук, правильно?

Луан забеспокоился:

— Верно, а что?

— Ничего, успокойся. Чуть позже я тебе скажу все.

— Ну что, пойдём! — посмотрел на часы Луан. В ресторанчике они пробыли более получаса. — Где мы с тобой снова встретимся?

Зунг засмеялась:

— Ну, где же еще? Или я приду к тебе домой, или ты ко мне. — В эти минуты ее взгляд был особо пронизательный. — Приходи ко мне... У меня и поговорим. Так, видимо, будет удобнее, — заключила она.

Дом, где жила Зунг, находился на улице Паулюса Куа, напротив церкви, что у рынка Куан. Снаружи здание выглядело очень простым, но внутреннее убранство было изысканным. Зунг на втором этаже принадлежали две комнаты со всеми удобствами.

Доктор Соан и его жена очень тепло, как родного, приняли Луана. Они догадывались, что тот пришел не для забавы, раз Зунг попросила приготовить шашлык и так терпеливо его ждала...

Они пригласили Луана и Зуиг на второй этаж, а сами принялись развлекать разговорами Тхатя и Луку внизу.

— Я только что отправила по почте твоему водителю письмо от его родных, — сказала Луану Зунг.

Услышав это, Луан даже несколько растерялся.

— Мне передали его в милиции, — продолжала Зунг.

Луан озабоченно посмотрел на девушку: товарищи учли даже такие мелочи, на которые он и внимания не обращал.

Молодые люди несколько часов провели одни. Потом Луан обедал вместе с семьей доктора.

Зунг проводила гостя до самого порога. Вдруг Луан неожиданно обнял девушку за плечи и поцеловал в щеку. Зунг пришла в замешательство и чуть было не оттолкнула Луана и не начала его ругать. Но в это время он шепнул:

— Они нас фотографируют!

И Зунг увидела, как на той стороне улицы, за оградой вокруг церкви, блеснул объектив фотоаппарата.

* * *

Лук с нетерпением дождался Луана. Он поставил в вазу розы, которые подарила Зунг.

— А я сегодня получил письмо от жены и детей. И есть даже фотография матери и ребят... Не понимаю, как они узнали мой адрес? Почтовый штемпель проставлен в Сайгоне. Кто мог принести письмо? Как мне отблагодарить человека, доставившего письмо? — Голос Лука то и дело прерывался от волнения.

— Семья в порядке?

— Все очень хорошо. Они пишут даже о дяде.

— Да?! И что они пишут?

— Да вот... Говорят, не беспокойся. Пройдет время, и семья все равно воссоединится.

— Ну что ж, поздравляю тебя. Ты никому не говори об этом письме. Особенно в управлении внутренних дел. Не все любят такие письма из Северного Вьетнама.

Лук почесал за ухом:

— Я сказал об этом только Тхатю...

— Ну и что он говорит?

— Он тоже посоветовал мне не хвастаться, пользы от этого не будет.

— Он правильно тебе сказал. Ты должен помнить: ты сотрудник управления внутренних дел.

— Я хочу полностью рассчитаться с управлением, — буркнул Лук.

— Ого! Не шути! И помни, захочешь уйти из управления внутренних дел, сразу попадешь в каталажку.

Лук вышел из комнаты. Луан посмотрел ему вслед. Нет, не только приезд Зунг придал ему, Луану, сил.

* * *

Конец марта. Развитие событий, похоже, подходило к своему логическому завершению. Все перемешалось в кучу.

Фронт общенациональных сил направил премьер-министру ультиматум, в котором выдвигалось требование — во избежание кровопролития в пятидневный срок реорганизовать правительство в соответствии с программой Фронта.

Точнее говоря, об этом «ультиматуме» общественность узнала из заявления Нго Динь Зьема. Это означало, что Фронт пытался угрожать правительству. Но Нго Динь Зьем не хотел пускать события на волю случая. Он видел, что обстановка созрела для того, чтобы он занял более жесткую позицию. Поэтому он открыто обнародовал то, о чем втайне договаривались между собой религиозные группировки. Заявление правительства звучало однозначно. Прежде всего необходимо объединить все вооруженные силы в единую Национальную армию. Их объединение должно предшествовать обсуждению любой политической проблемы. Объединение вооруженных сил в единую Национальную армию означало, что отныне ни одна вооруженная группа не могла действовать самостоятельно.

Возможности для переговоров были полностью исчерпаны. 28 марта генерал Поль Эли встретился с Нго Динь Зьемом. Сообщение об этом было крайне противоречивым. Вьетнамские газеты информировали только о том, что говорил Нго Динь Зьем: Франция должна придерживаться нейтралитета и побеспокоиться о быстром уходе из Южного Вьетнама, если хочет сохранить доброжелательное к себе отношение. Французские газеты, и прежде всего «Журнал д'экстрем Орьян», широко представили позицию генерала Эли: необходимо мирное решение вопроса, следует избегать инцидентов, конфликты только на руку коммунистам. Он обещал найти способ мирного урегулирования существующих проблем.

Было неясно, что сделал генерал Эли, чтобы добиться мирного решения проблем. Но на следующий день, 29 марта, командующий силами национальной обороны Хо Тхонг Минь заявил о своей отставке. Премьер-министр принял ее спокойно и взял на себя командование силами национальной обороны.

На следующую ночь полицейские отряды штурмовиков неожиданно напали на городское управление жандармерии и на генеральный штаб. Пять 75-миллиметровых снарядов упали на территории дворца Независимости. Похоже, стреляли из района Тху Тхием, Как раз перед самым артобстрелом в отремонтированный дворец въехало все семейство Нго Динь Зьема.

После неожиданного обстрела наступила абсолютная тишина. Затем появилось новое шумное, агрессивное заявление секты Биньсюен. Что касается заявления министерства информации, то оно признало ущерб, нанесенный артобстрелом. Действительно, с обеих сторон имелись убитые. Но если совсем точно, то больше потерь было у полицейских

штурмовых отрядов. Еще раз секта Биньсюен сунула свою голову в аркан. Теперь уже избежать катастрофы ей было невозможно.

Утром 30 марта в отставку подали четыре члена правительства: член совета обороны Чан Ван Соай, министр экономики Лыонг Чонг Тьонг, министр земледелия Нгуен Конг Хау, министр внутренних дел Хюинь Ван Ниём. Все четверо принадлежали к секте Хоахао.

Нго Динь Зьём как будто ждал с их стороны такого жеста. Министр реформы Нгуен Дык Тхуан сразу же занял место министра земледелия, министр финансов Чан Хьу Фьонг — министра экономики, министр канцелярии премьер-министра Чан Чунг Зунг взял на себя пост Чан Ван Соая, а министр юстиции Буй Ван Тхинь стал исполнять обязанности министра внутренних дел. Таким образом, все разрешилось быстро.

* * *

Когда обстановка накалилась, полковник Лай Ван Шанг перебрался в одну из канцелярий по ту сторону моста «Игрек». Среди солдат секты Биньсюен Шанг был известен как энергичный и дальновидный человек. На складывающуюся обстановку он смотрел иными, чем военные, глазами. Он вообще недолго любил военных. Уж очень они горазды прихвастнуть. Он все время пытался опустить генерала Ле Ван Виена на землю. Его вера во французов слабела, и тому были причины. Французы одну за другой теряли свои позиции в Южном Вьетнаме. В отношениях с ними появились трения. История с сенегальцами в Нгабае закончилась самым плачевным образом. Главнокомандующий французской армией полностью расформировал эту часть. Генерал Поль Эли оказался как бы связанным по рукам и ногам. В эти дни он больше походил на стороннего наблюдателя, чем на боевого офицера.

После попойки в ресторане «Теофил» де Шовин куда-то исчез. Все попытки Шанга разыскать его оказались безуспешными.

Все говорило о том, что перестрелка в ночь на 29 марта была развязана по приказу Бай Виена. Шанг не одобрял его действий. Он считал, что если ввязался в драку, то драться надо до конца, а щекотание нервов может только обернуться поражением. Бай Виен придерживался другой точки зрения, поддерживаемой военными, — необходимо давить на правительство.

Пришло печальное сообщение: здание полицейского управления было насквозь пробито снарядами в нескольких местах, рухнула стена генерального штаба, придавив стоявшую рядом машину. Ну а дворец Независимости даже не задело.

В то время как Хо Хьу Тьонг на пресс-конференции с упоением рассказывал о военных победах, Шанг сидел в обнимку с бутылкой виски и слушал передачу из дворца Независимости о церемонии сдачи полномочий генералами Нгуен Тхань Фьонгом, Ле Ван Татом и другими. Фьонг сообщил, что в соответствии с поручением его преосвященства все вооруженные силы каодаистов отныне переходят под управление премьер-министра, при этом правительство выполнит всего лишь одну просьбу — простить им все прежние ошибки и заблуждения.

— К черту! — крикнул Шанг и швырнул радиоприемник о стенку. — К черту!

Из приемника продолжал раздаваться голос диктора: «Дорогие радиослушатели! На церемонии присутствуют посол Соединенных Штатов Америки Коллинз, верховный представитель Франции Поль Эли, послы дружественных стран и многочисленные вьетнамские и иностранные журналисты...»

Шанг заревел как раненый зверь:

— Мерзавцы!

Он поднял приемник и принялся колотить им о стенку и колотил до тех пор, пока приемник не рассыпался на мелкие кусочки.

Вдруг Шанг услышал чьи-то шаги — это в его комнату вошли два человека, Ли Кай и Тиеу Фунг.

— Господин полковник! — крикнул Ли Кай.

— А, ты!.. — вытаращив глаза, Шанг уставился на Ли Кая. Затем стремительно подбежал к столу и схватил лежавший на нем кольт.

Ли Кая словно ветром сдуло из комнаты. Тиеу Фунг взяла Шанга за руку:

— Полковник, опомнитесь!

Шанг опустил пистолет, откинулся на спинку кресла, сделал глубокий вздох.

— Не прикасайся ко мне! — Он оттолкнул Тиеу Фунг. — Все хотят моей смерти...

Тиеу Фунг взяла стул, села рядом с Шангом.

— Обстановка не такая уж отчаянная. На вас, полковник, лежит невиданная ответственность. Если вы потеряете самообладание, это окажет огромное деморализующее воздействие на рядовой состав.

Спокойный голос Тиеу Фунг звучал серьезно, внушал уверенность. Он резко контрастировал с ее внешним видом. Блузка с расстегнутым воротничком, короткая юбка.

— Проклятая банда, — бормотал Шанг сквозь стиснутые зубы.

— Напрасно вы ругаете их, господин полковник. Ваш просчет в том, что вы сделали ставку на Ли Кая. Господин Зьем будет невероятно доволен, когда узнает, что вы вместо того, чтобы разрабатывать новые планы борьбы против него, сидите и ревете.

Тиеу Фунг, кажется, удалось устыдить Шанга. Постепенно он начал приходить в себя.

— Как ты считаешь, что я должен сейчас делать? — И Шанг набил табаком трубку.

— На этот вопрос ответить вам, господин полковник, я не могу. Но я знаю человека, который может вам помочь.

— Кто же это? Де Шовин?

Тиеу Фунг громко засмеялась:

— Но именно его вы проклинали, когда говорили о банде.

— Так кто же тогда? — сгорая от нетерпения, спросил Шанг.

— У вас есть какая-нибудь возможность связаться с агрономом Луаном? — в косвенной форме ответила она на вопрос полковника.

— Агроном Луан? У меня есть его телефон, но по телефону об этом говорить нельзя...
Постой! — хлопнул себя Шанг по бедру. — Нашел... Спасибо тебе. — Шанг быстро встал.

Тиеу Фунг продолжала спокойно сидеть на своем месте. Шанг вышел, она осталась в комнате одна, тревожно прижалась щекой к спинке кресла. За окном мелькнул силуэт Ли Кая.

— Где полковник? — спросил он, просунув голову в окно.

Тиеу Фунг ответила:

— Не бойся. Горячка у полковника прошла. Подожди там.

В комнату поспешно вбежал Шанг:

— Черт знает что! Чуть-чуть опоздал!

Полковник не успел закончить фразу, как заметил, что ему машет Тиеу Фунг, предупреждая о приближении Ли Кая.

— А! Это ты, доносчик... Не сердись, что я тебя так называю! — Шанг раскатисто засмеялся. — «Дай Тхе Зой» уже закрыт?

— Закрыт, — ответил Ли Кай, еще не придя в себя от обиды.

— А в Нябе кабак открыт?

— Но там одна мелкая рыбешка... Как-то я был там. Нет никого, кто достоин внимания.

— И все же поезжай туда. Надо подбодрить наших; парней.

Ли Кай радостно шмыгнул носом и через несколько минут уже был в машине.

— Что вы ему сказали? — спросила Тиеу Фунг.

— Управление внутренних дел арестовало Нгока!

— Я должна вам помочь связаться с Луаном, господин полковник!

Тиеу Фунг встала, раскрыла свою сумочку. Но вдруг, непонятно почему, снова захлопнула ее и вышла.

* * *

На дороге было светло от фар автомобилей. Машина Луана свернула с проспекта Красного Креста на улицу Мише. Здесь он назначил встречу с Тиеу Фунг. Девушка уже пришла и рукой подала ему условный знак. Луан приказал Луку остановить машину. Тхать занял место рядом с водителем. Он крепко сжимал пистолет.

— Могу ли я в частном порядке поговорить с вами, господин агроном? — спросила Тиеу Фунг и сделала вид, что не замечает удивленного взгляда Тхатя.

Умоляющий взгляд девушки вынудил Луана выйти из машины и пойти с ней. Они шли по тротуару. Тхать, сохраняя дистанцию, двигался сзади.

— Вы, господин агроном, презираете меня? Луан кивнул.

— А вы знаете, кто я такая? Луан опять кивнул.

— Я сотрудница французской разведки, Второго бюро.

— А зачем вы мне это говорите?

— Вас не удивляет, что женщина может быть разведчицей?

— Все зависит от того, какой стране она служит и что это за женщина.

Тиеу Фунг неожиданно взяла Луана за руку. Луан сразу понял, что сейчас она будет делать какие-то намеки, но какие именно? Пока Луан не догадывался.

— Я хочу сообщить вам кое-что...

— Подождите! — тихо сказал Луан прямо в ухо Тиеу Фунг. В тени дерева, заметил Луан, скрывались каких-то два человека. Он положил руку на плечо девушки:

— Позвольте!

Уловка Луана удалась. Девушка прильнула к нему и посмотрела прямо в глаза в ожидании поцелуя.

— Это охранник, — сказал тихо Луан. — Итак, что вы хотели мне сообщить?

Выйдя на свет из-под кроны огромного дерева, он продолжал обнимать ее за плечи. Теперь Тиеу Фунг засмушалась.

— Ваш друг только что арестован органами внутренних дел... Господин Коми Нгок!

Луан забеспокоился. То, чего он больше всего опасался, случилось.

— Я тоже недавно получил это сообщение! — печально сказал Луан.

Теперь настала очередь Тиеу Фунг удивляться:

— Как вы узнали? Кто вам сказал?

— Советник Нго Динь Нью.

— Тогда я ошиблась! — почти простонала она. — Я хотела как-то выразить вам свою благодарность, но вижу, что... опоздала!

Слово «опоздала» Тиеу Фунг произнесла с каким-то тайным смыслом.

— Что бы там ни было, я благодарен вам за ваши добрые намерения. Мы были с Нгок хорошими друзьями... — Луан еще крепче прижал к себе Тиеу Фунг.

— И только друзьями?

— Мы вместе воевали в джунглях...

— А вы за себя не боитесь в связи с арестом Нгока?..

— Беспокоиться надо ему!

— Раз уж мы затронули историю с Нгоком, то хочу сообщить вам также, что полковник Лай Ван Шанг просит срочно встретиться с вами. — Тиеу Фунг испытующе посмотрела на Луана.

Луан чуть-чуть пропустил Тиеу Фунг вперед.

— А, этот тип из секты Биньсюен! Он наверняка понял, что подошел к самому краю пропасти. Думаю, ничем не смогу ему помочь.

— Как раз напротив, вы очень можете помочь... Почему вы не сотрудничаете с Биньсюен? Насколько я знаю, у них еще много сил в Донг Тхап Мыое, в лесу У Минь, Зыонг Минь Тяу, в зоне Д...

— Тот, кто берет на себя безрассудство развязать военные столкновения в такой ответственный период, неминуемо потерпит поражение!

— Но сейчас удобный случай... Почему вы отбрасываете его?

— Кажется, вы выходите за рамки деятельности сотрудника Второго бюро! Ведь французы не желают сотрудничать, а вы призываете к этому.

— Я это делаю не как сотрудник Второго бюро.

— Тогда в каком качестве вы выступаете?

Тиеу Фунг остановилась под фонарным столбом и, глядя прямо в глаза Луану, произнесла:

— Господин Луан! — Голос ее стал серьезным. По ее глазам он понял, что сейчас она, наконец, скажет правду. — Я прежде всего вьетнамка. Поступила во Второе бюро не по своему желанию. Однажды я поскользнулась. А для женщины этого достаточно, чтобы потом всю жизнь расплачиваться за свою ошибку. Длинная история. Вам не обязательно ее знать. Хоть история и длинная, закончиться она может в любое время. Второе бюро использует меня, точнее — мое тело, чтобы привлечь на свою сторону генерала Виена.

Что же касается вопроса, почему я согласилась пойти работать во Второе бюро, то причина коренится глубоко. Чтобы понять это, надо будет отвечать на вопрос, почему я люблю деньги, дорогие духи, модные платья... Господин Луан! Впервые я встретила вас в доме полковника. Там я пела для вас. Но это было не от души. Я была также очевидцем того, как вы стреляли. Честно говоря, я не в восторге от того, как вы владеете оружием. Есть люди, которые стреляют лучше вас, но я не люблю оружия: в моей жизни выстрелов звучало слишком много. Меня покорили слова, которые вы произнесли перед тем, как выстрелить. В бесконечном количестве людей того круга, в котором мне приходится вращаться, я не припомню человека с такой ясной головой, как ваша. Именно это меня привело в восторг! И свой восторг я должна была выразить в песне, которую вам подарила! Никогда в жизни не была так взволнована, как в тот момент.

Они вышли на освещенную часть улицы. Но Тиеу Фунг продолжала прижиматься к Луану. Ее руки обвивали шею молодого человека.

— Не смейтесь надо мной. Может быть, я фантазерка. Но я никогда не питала надежд, что мне удастся вскружить вам голову. Мое начальство поставило передо мной такую цель. Но я сразу отказалась. Затем я вас встретила в генеральном штабе. Вы и полковник Тай что-то горячо обсуждали. Я слышала весь ваш разговор и поняла, что вы ошибаетесь. Почему вы считаете, что правительство и религиозные группы будут все время драться между собой? Может быть, потому, что, чем дольше религиозные секты дерутся, тем больший урон себе наносят?

— Вы не можете меня понять! — воскликнул Луан. — Ваша профессия разведчицы извратила ваш ум!.. Нет, мы, как и прежде, пытаемся избежать кровопролития. Взаимное убийство, происходящее на глазах, противно нашим идеалам.

— Господин Луан! — взмолилась Тиеу Фунг. — Вы ничего не потеряете, зато... Пообещайте полковнику Шангу, что вы будете взаимодействовать с ним, когда Биньсюен применит оружие. Пообещайте, а сможете сделать это или нет, зависит от вас...

— Почему вы так откровенны со мной? В чем ваша выгода?

Руки Тиеу Фунг вдруг задрожали. Она отпрянула от Луана.

— Вы до сих пор не поняли! Кто за вами следил, кто должен был вас уничтожить? Я знаю обо всех опасностях, которые вас подстерегают... Почему вы не ищете безопасного укрытия? Режим власти в стране прогнил. Он очень опасен. Опасен для вас лично. Поэтому я так и откровенна!

Луан растерянно смотрел на Тиеу Фунг. Что теперь ей сказать? Он был в замешательстве. Он положил руку на плечо девушки и продолжал идти рядом с ней тяжелыми шагами.

Они снова скрылись в тени деревьев.

— Я ничего не могу обещать полковнику, я не могу лгать, — сказал он.

Неожиданно Тиеу Фунг снова крепко обвила руками шею Луана и страстно поцеловала его в губы.

— Прости меня... — выдохнула она.

Луана будто обдало жаром. Он прижал к себе Тиеу Фунг, пытаясь поцеловать.

— Не надо! — отвернулась она. — Я тебя люблю. Поэтому поцеловала. Ну а ты, ты не торгуй поцелуями... Оставь их девушке, с которой я тебя видела в книжном магазине...

Тиеу Фунг отстранила руки Луана, поправила прическу:

— До свидания!

Мимо проезжала моторикша. Девушка села в коляску.

Только сейчас Луан заметил, что щеки Тиеу Фунг залиты слезами.

* * *

Нго Динь Нью пребывал за чтением книги. Это была книга «Посол с особой миссией», написанная лордом Самуэлем Гором, послом Великобритании в Испании в годы второй мировой войны. Нью читал с увлечением. Время от времени подчеркивал красным карандашом особо понравившиеся места.

Раздался шорох. Отворилась дверь между кабинетом и спальней.

У огромного зеркала стояла Чан Ле Суан. Она внимательно разглядывала вышивку на воротничке платья и огромный пучок волос, взбитый на самой макушке. Нью не взглянул на жену. Она тоже не обратила на него внимания, даже не поздоровалась.

Когда Ле Суан повернулась, чтобы направиться к выходу из комнаты, Нью, не отрывая глаз от книги, грубо спросил:

— Ты куда?

Лицо Ле Суан вспыхнуло. Она слегка повернулась в сторону мужа, бросила на него презрительный взгляд, капризно произнесла:

— Я ухожу с Андре.

— Зачем?

— Затем, чтобы делать то, что мне нравится.

Нью отложил книгу, взял сигарету, покрутил ее между ладонями, а затем нервно сунул в рот, зажал между дрожащими губами.

— Тебе что-нибудь не ясно? — провоцирующе спросила Ле Суан.

Она плавно продефилировала перед самым носом супруга. На ногах у нее были очень открытые, легкие туфли.

— Ради кого я должна угождать этому Бао Даю, ради Хиня? Или ради всего семейства Нго? Не знаешь? Может быть, ты скажешь, благодаря кому ты вылез из грязи и попал в князи, занял дворец Независимости? Ну, что ты ответишь?

Когда Ле Суан приходила в раж, из нее прямо-таки выплескивалось высокомерие и бескультурье, сидевшие в душе этой красивой женщины, с детства очутившейся во дворцовой обстановке. Она грозно насупила брови, уперлась руками в бока, приняла такой вид, будто была готова на клочки разорвать мужа.

— Я спросил тебя только об одном. Зачем тебе нужно встречаться с Андре?

В душе Нью весь кипел, но старался сохранить мужское достоинство.

— Тебя интересуют подробности? Могу сообщить: сегодня мы с Андре едем на море купаться. Потом пообедаем и проведем несколько часов в Лонгхае, а вечером пойдем в клуб офицеров на бал. Бал продлится до утра. Ты хочешь знать, зачем мне надо встречаться с Андре? Да просто потому, что он красивый мужчина, потому, что он ухаживает за мной, а мне это нравится. Достаточно? Ты хочешь взглянуть на фотографию, где я с Андре?

Все это Ле Суан выпалила на одном дыхании, резким голосом. Когда она говорила, Нью хватался за голову, затыкал уши пальцами, но все было бесполезно. Похоже, страдальческое выражение лица мужа подстегивало ее. Наконец она понизила голос:

— Лучше кого-либо другого, ты знаешь, что все это я делаю не для забавы. Уж если ты хочешь быть вождем, то ревновать нельзя!

— Но какое мнение общественности ты сведаешь о себе своим поведением, ты подумала?..

Ле Суан прервала его:

— Да плевала я на их болтовню! Все эти сутенеры, любители почесать языками по поводу моей частной жизни готовы нос совать в замочную скважину, чтобы выудить хоть чуть-чуть. Чего они только не болтают обо мне! Говорят, я сплю с Бай Виеном, встречаюсь с Полем Эли, состою в близких связях с Нам Лыа, Нгуен Тхань Фыонгом, Чинь Минь Тхе. Договорились даже до того, что я вроде нахожусь в интимных отношениях с твоим братом... Короче говоря, я проститутка...

— Болтовня... — пробормотал Нью.

— Ну и что ты намерен делать? — спросила Ле Суан. — Держать в своих руках только часть власти? Для нас вопрос стоит так — или все или ничего! Кто, по-твоему, пользуется самым большим влиянием среди офицеров, подготовленных французами? Андре, правильно! Ты же знаешь, что генерал Ти как военный ничего не стоит. А Андре отвернулся от него. Это позволяет добиться перемирия с военными формированиями религиозных сект. Если нам это удастся, то достаточно нескольких батальонов парашютистов, чтобы подавить любое сопротивление. Вот почему я должна поехать к Андре!

Нью выглядел предельно усталым. На глаза Ле Суан попала книга, которую он читал. Она неожиданно схватила ее.

— Вот ты с карандашом в руках читаешь Самуэля Гора. Почему тогда ты не подчеркнул эпиграф: «Моей жене — верному и понимающему соратнику в течение всей моей политической жизни, другу, без которого не был бы возможен ни один мой успех!»?

Ле Суан отложила книгу, села в кресло, поправила растрепавшуюся прическу.

— Нью, я пошутила. Сегодня я еду к мадам Бут Ча. А с Андре я договорилась встретиться завтра. Ну почему ты мне не доверяешь?

Нью молчал. Он не мог решить для себя самый принципиальный вопрос: или полностью платить по счету, который требуется для удержания власти, или до конца наслаждаться любовью красавицы жены.

В это время раздался стук в дверь. Нью сунул ноги в сандалии, стоявшие рядом. В комнату вошла горничная:

— Господа, агроном Луан просит принять его...

— Пригласите, — приказал Нью.

Как только дверь за горничной затворилась, Ле Суан спросила:

— Ну, как этот коммунист?

— Да, он, как ты сказала, коммунист... Но, к счастью, коммунистическая сущность у него стала постепенно улечиваться. — Он достал из досье фотографию Луана, целующего Зунг.

— Славная малышка! Откуда она появилась? Все из той же шайки? — внимательно разглядев фотографию, спросила Ле Суан мужа.

— Хоанг Тхи Тхюи Зунг... переселенка...

— Э-эх! Как это господину агроному удалось прихватить такую малышку?

— Правильнее поставить вопрос наоборот: как такая малышка смогла уцепиться за Луана? Она работает секретаршей у Чан Винь Дата.

— Неужели?.. — Ле Суан нахмурилась и вернула фотографию мужу. — Ты должен все тщательно проверить. Ему тридцать четыре года. Еще не женат. Вдруг находит себе женщину, которая связана с управлением полиции, к тому же беженка... У нее чистая биография?

— Да. Отец — высокопоставленный служащий у французов. Мать — хозяйка чайных плантаций в Блао. Он принадлежит к семейству Кы Зоань. Девушка учится на юридическом факультете.

С облегчением Ле Суан выдохнула:

— Ну что ж, тогда все в порядке. Тем не менее ты за ними поглядывай...

Нью согласно кивнул.

Снова послышался стук в дверь — Нью убрал фотографию, Ле Суан поправила полу своего платья.

— Прошу! — громко произнес Ню.

Луан отворил дверь и вошел в комнату.

— Добрый день!

Ле Суан гостеприимно пожала ему руку.

— О, вы сегодня очень молодо и бодро выглядите, Луан... Не правда ли? — повернулась она к мужу.

Ню засмеялся и кивнул в знак согласия. Действительно, он предполагал, что Луан войдет с грустной физиономией. «Значит, он еще ничего не знает о Нгоке», — подумал Ню.

— Я бы так о себе не сказал, — весело заметил Луан. — А почему у вас такие веселые лица? Есть что-то приятное?

Ню захлопал глазами. Он подумал: «Может быть, Луан догадался о домашней стычке, которая только что произошла между нами? Или просто прощупывает ситуацию?»

— Когда же вы позовете нас на бокал шампанского? — спросила Ле Суан, жестом приглашая его сесть в кресло.

— А по какому случаю? — изобразил удивление Луан.

— Хватит, хватит! — улыбнулась Ле Суан. — А люди говорили о вас, что вы, господин агроном, чуть ли не Будда. Ан нет... Вы обо всем доложили всевышнему и премьер-министру? Не забудьте доложить и другим уважаемым людям... Но прежде всего вы должны показать мне свою невесту. Сколько Зунг сейчас лет?

Ню безуспешно пытался остановить жену. Ведь нетонкий разговор, который затеяла Ле Суан, для Луана — еще одно доказательство, что он находится под наблюдением полиции, в том числе и в делах сугубо личных. Ну а об этом личном деле Луан пока никому не говорил...

Конечно, Луан понимал, что их с Зунг фотография лежит в досье у Ню. Но в разговоре с ним он старался уходить от столь деликатного вопроса.

— Вы опередили и этим нарушили мои планы, мадам... Я как раз пришел рассказать вам о своей невесте. Прежде просто не представлялось подходящего случая. Зунг двадцать четыре года...

— Наверняка она очень красивая!

Ню не переставал удивляться жене. Ну до чего глупа! Он предложил Луану пачку сигарет.

Тот взял сигарету. Каждый раз, когда Ню принимал у себя Луана, он обязательно клал на стол пачку «Кравена».

— Ладно, я вас покидаю, обсуждайте свои дела. — Ле Суан пожала гостю руку.

Мужчины остались одни. Нью протянул Луану стопку напечатанных на машинке листов бумаги.

— Посмотри. Это инструкции министерству иностранных дел к Бандунгской конференции. Нго Динь Зьем лично возглавит вьетнамскую делегацию. Он берет с собой Нгуен Ван Тхоая в качестве заместителя главы делегации. Брат должен обязательно появиться в Бандунге, чтобы встретиться с лидерами других государств, особенно с Неру и Сукарно... Конечно, у дипломатии есть свои трудности, но они несравнимы с трудностями внутренней политики. Различные группировки будут использовать Бандунгскую конференцию, чтобы чинить нам препятствия. Ты знаешь, что Чан Ван Хьонг подал в отставку? Потом ушли со своих постов Нгуен Тхань Фьонг, Фам Суан Тхай...

— То, что Фьонг подал в отставку, так это только на руку правительству, — заметил Луан.

— Правильно. Фьонг уже давно подвергался грубым нападкам со стороны различных групп. Он подал в отставку не в знак протеста против политики правительства. В предварительном порядке он советовался со мной. Что касается господина Тхая, то он представляет интересы партии Дай Вьет. Его отставка не имеет большого политического значения. Вот с Хьонгом дело посложнее... Это опасно! — заметил Нью. Он вытащил из портфеля телеграмму:

— Это от генерала Коллинза. Слушай. «Я представил доклад президенту. Через несколько дней президент направит премьер-министру Зьему телеграмму о подтверждении поддержки американского правительства. Одновременно через французского посла в Вашингтоне госсекретарь Фостер Даллес прямо потребует от правительства Франции прекратить подстрекательство генералом Эли всех антиправительственных группировок. Не исключено, что генерал Эли уйдет в отставку».

Нью развивал свои мысли дальше:

— Теперь все ясно. Главное — не пресекать деятельности секты Биньсюен, провоцировать ее на конфликты, хулиганские действия. Это развяжет нам руки. Итак, цель — секта Биньсюен. Мы должны перетянуть ее с позиций политической оппозиции к вооруженной конфронтации с правительством. Таким образом, мы одержим успех в борьбе против всех оппозиционных группировок.

Слушая Нью, Луан размышлял: «Когда этот тип успел овладеть такими коварными приемами? Надо признать, действует он хитро и расчетливо. Пожалуй, в стане политических противников не было ни одного такого ловкого деятеля».

— Ты уже слышал об огромном пожаре во время праздника? — перебил мысли Луана Нью. — Министерство информации скоро проведет по этому вопросу пресс-конференцию. Надо крепко ударить по Биньсюен. Поджог жилых домов — это преступление, какого международная общественность никогда не простит...

Луан неожиданно улыбнулся. Увидев его улыбку, Нью растерялся.

— Но вы пока не знаете еще об одной новости. Прошлой ночью Лай Ван Шанг арестовал злоумышленников, поджигавших дома. Радиостанция Биньсюен во всех подробностях сообщила об этом факте, — произнес Луан, пытаясь перехватить взгляд Нью.

Ню побледнел. У него вылетела из головы только что произнесенная им обличительная речь. Он забыл даже о присутствии Луана. Подбежав к телефонному аппарату, он начал лихорадочно кричать в трубку:

— Алло! С кем я говорю? Господин Дат?! Я — Ню... Это господин Дат? Что за шум у тебя в комнате? Проигрыватель, наверное... Ты пьян? Выключи проигрыватель немедленно!.. Ты слышал, что сообщила радиостанция Биньсюен? Нет! Они сказали, что схватили всех, кто поджигал дома. Что?.. Они врут?!

Ню повернулся к Луану.

— Скажи обо всем этом еще раз, чтобы Дат слышал, — попросил он и вытянул руку с телефонной трубкой.

— Лай Ван Шанг, — громко начал говорить Луан, — арестовал группу Ла Ван Тхюи. В группе шесть человек. Арестованы в два часа ночи. Они рассказали все про подготовленный план и даже назвали его условное обозначение — Ф-8.

— Ты слышишь меня? Ты ничего не знаешь? И еще пьянствуешь, убожество... Я даю тебе час. Это твой план!

Ню резко положил телефонную трубку на аппарат, хотя Дат продолжал что-то бормотать.

— Ну до чего же тяжело работать с этими идиотами и пьяницами!

Ню тяжело опустился в кресло.

* * *

...Дежурство Зунг в канцелярии должно было проходить с 21 до 24 часов. Когда она пришла в управление, дежурный сказал, что начальник Чан Винь Дат все еще у себя в кабинете. Она ненавидела этого кровопийцу. Каждый раз, когда он давал ей какое-нибудь указание, он обшаривал ее глазами с головы до пят. По натуре этот тип был очень ленив. Что же заставило его появиться в кабинете ночью?

Зунг сложила в одну кипу все поступившие в управление материалы. Среди них не было секретных документов, которые следовало бы немедленно доложить начальнику. Вся информация крутилась вокруг деятельности Биньсюен и других религиозных сект в городе и в провинциях. Вот этот материал, пожалуй, может пригодиться. Лыонг Чонг Тьонг и его соратники собрались в штаб-квартире социал-демократической партии. Среди них доктор Фан Куанг Дан, который, как утверждают информированные источники, тесно связан с демократической партией США. Это важная информация. Надо немедленно запросить мнение начальника полиции.

Зунг взяла документ, быстро вошла в приемную шефа. Она увидела охранника, который прочно сидел на стуле у самой двери в кабинет и никого туда не пропускал. Увидев Зунг, он встал и тихо произнес:

— Полковник занят...

Из кабинета доносились обрывки диалога.

— Ну вот ты, парень, какое преступление совершил ты и сколько времени уже сидишь в тюрьме? — слышался голос Дата.

— Я сел по глупости, — отвечал кто-то глухим голосом.

— Своровал чего-нибудь?

— Я... задержан вместе с другими.

— Где живешь?

— Улица Каукхо, барак номер четыре.

— А этот тип?

— Я, господин полковник, загремел в тюрьму вместе со старшим братом.

— Нечего было плестись за ним... Как тебя зовут?

— Девятипалый.

— Как зовут по паспорту?

— Ла Ван Тхюи.

— А, так это ты главарь банды!

Зунг поняла, что дальше стоять у двери нельзя, и постучалась.

— Ну, кто там еще? Ходят тут всякие, шныряют... Дат продолжал шуметь, но дверь открыл.

— Срочная информация. Прошу вас, господин полковник, распишитесь в приеме документа.

— Это вы, Зунг!

Дат заулыбался, принимая из рук девушки документ. В кабинете Зунг увидела шесть типов в тюремной одежде с перекошенными от злобы лицами.

Дат быстро пробежал глазами содержание документа.

— Ну, об этом типе беспокоиться нечего. Оформите документ как положено и направьте в разведотдел... У вас сегодня ночное дежурство? Вам нужна машина, чтобы вернуться домой? Подождите, я вас подвезу.

Дат упорно ждал от девушки кивка в знак согласия. И он сразу сник, когда услышал от Зунг, что за ней приедет Луан.

Этой же ночью Зунг все, что узнала в кабинете начальника полиции, передала Луану.

На следующую ночь в районе Кханьхой запылали тысячи домов. Срочное расследование, проведенное по указанию правительства, показало, что организаторы преступления пользовались бензином. Поджигатели были одеты в форму военно-полицейских отрядов Виньсюен. Поскольку крыши почти всех домов были соломенные, огонь разнесло ветром очень быстро. Практически остановить пожар было невозможно. Бандиты сбежали в сторону Тяньхынга. Проправительственная печать немедленно развернула кампанию по осуждению «проходимцев». И хотя никакие имена не назывались, все свидетельствовало о том, что преступление совершено молодчиками из Биньсюен.

Что касается Луана и Зунт, то для них никакого секрета здесь не было. Они прекрасно были осведомлены, что пожар возник по указанию Чан Винь Дата.

Лай Ван Шангу неожиданно позвонил какой-то человек. Он не пожелал назвать свое имя. Более того, разговаривая, он явно изменил голос. Человек сообщил, где живет Ла Ван Тхюи по кличке Девятипалый, недавно отбывавший тюремный срок за грабеж. Для Лай Ван Шанга не составляло труда напасть на след Девятипалого и его беспробудно пьяных дружков. Радиостанция Биньсюен немедленно сообщила об этом во всех подробностях. По ту сторону моста «Игрек» была немедленно созвана пресс-конференция, на которой представили бандитов. Корреспонденты сфотографировали преступников, взяли у них интервью.

* * *

— Дат продал меня! — кричал Ню, судорожно потирая виски. — Это его собственная инициатива... Я устрою ему хорошую взбучку. Зачем жечь дома мирных жителей? Он говорил, что Ф-8 — это план по предотвращению попытки Биньсюен поджечь дома!

— Пускай даже было требование правительства. Но господин Дат и сам пораскинул бы мозгами, могут ли такие методы способствовать привлечению на нашу сторону трудового народа. Теперь вы увидите, в городской суд, как муравьи, начнут собираться все пострадавшие, они потребуют возмещения убытков или жилья внаем, — нажимал на Ню Луан.

— Помни: я абсолютно не одобряю этих действий Дата. Как только начался пожар, я сразу позвонил и спросил, чем помочь... Я дал команду пожарным немедленно прибыть к месту происшествия. Если ты думаешь, что я замешан в этом преступлении, то ты ошибаешься, — стал распинаться Ню.

— А пожарные провозились в депо полчаса, прежде чем выехать к месту происшествия. У моста кто-то опрокинул машину с хлебом, рассыпались батоны. Еще пятнадцать минут пожарные потеряли на то, чтобы убрать с дороги машину и хлеб. Когда они приехали на пожар, оказалось, что у них, чтобы потушить бушующее море огня, немногим более десятка брандспойтов, — медленно говорил Луан, едва сдерживая раздражение.

— Интересно! Ты что? Решил на меня взвалить эту историю? — угрожающе произнес Ню.

— Я не собираюсь возлагать ответственность на вас. Но не представляю, как вам удастся от нее уйтж. Как вы объясните такую драму? Наверняка уже все агентства разрезвонили эту сенсационную информацию, а радиостанции не устают без конца повторять ее. А

какова будет ваша реакция, если некоторые конгрессмены Соединенных Штатов поставят этот вопрос перед президентом Эйзенхауэром?

— Я сказал, что я непричастен к этой истории, — хрипло произнес Нью и опустил голову.

— Когда мы договаривались о сотрудничестве между нами, я неоднократно излагал свою позицию: между нами не может быть отношений, если вы забудете об одном принципе — уважать и оберегать интересы народа...

— Но мы неизменно придерживаемся этого принципа! Я тебе обещаю: я сделаю все, как должно быть. Если господин Дат — автор этого печального события, то он заплатит очень дорого. Ну как, согласен?

Луан довольно долго молчал. Нью попросил слугу принести два стакана апельсинового сока.

— Ты слишком подозрителен, — засмеялся Нью.

— Еще неясно, кто из нас более подозрителен, — засмеялся в свою очередь Луан. Обстановка вновь накалилась.

— Что еще? — спросил Нью в ожидании ответа.

— А плафоны в моем доме вам очень помогают?

— Что? Плафоны? — искренне удивился Нью.

— То есть система звукозаписи, установленная доктором Туеном в плафонах!

— А! — перебил Луана Нью. — Ох уж этот Туен!

Нью сделал глоток сока, чтобы скрыть смущение.

— С сегодняшнего дня ее уберут! — сказал он.

— Я об этом не прошу.

— Я уберу эту систему, потому что нередко тебе она нужна больше, чем мне.

— Если бы я задумал пуститься в игру с вами, то я бы сделал вид, что ничего не знаю об этой системе. Я действительно только что узнал о ее существовании. Вернее, узнал электрик, который пришел в дом починить свет.

— В истории с пожаром мы друг друга явно не поняли. Твой телефонный звонок полковнику Шангу о пожаре тоже был перехвачен. — Пытаясь завоевать доверие Луана, Нью слишком далеко зашел в откровении. — Параллельный телефон мы тоже уберем, — добавил он.

Луан не выдал своего волнения. Он был уверен, что Нью сдержит обещание, и это будет полезно для дела, которому служил Луан.

Труднее пришлось Нью. Он думал: «С этим Луаном подобные приемчики — детские шутки, они лишь ослабляют его доверие ко мне».

12

В исторических хрониках очень кратко сообщается о событиях, начавшихся в Сайгоне 28 апреля и продолжавшихся по 10 мая 1955 года. Между тем в этот период между воинскими формированиями Биньсюен и частями Нго Динь Зьема в городе происходили самые настоящие боевые действия, в ходе которых были сожжены десятки тысяч домов.

Что касается статистических данных о человеческих жертвах и материальном ущербе, то они в зависимости от политической ситуации то преувеличивались, то приуменьшались. Начальник главного управления информации Чан Тянь Тхань решил представить эту историю о Биньсюен как легкую драчку, когда с обеих сторон было потеряно около ста человек. На самом деле эту цифру надо умножить в десять и даже более раз, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о том, что произошло. Из всех столкновений армии Нго Динь Зьема с религиозными сектами наиболее серьезной была стычка с представителями секты Биньсюен. После нее следует также назвать схватку с группой Ба Кута.

Свидетели событий хорошо знают, что перестрелка между отрядами Биньсюен и армией Нго Динь Зьема началась в ночь на 29 марта. С этой ночи здание главного полицейского управления на улице Катина стало по существу главным опорным пунктом Биньсюен, хотя сам начальник полиции и менял свое местонахождение. Пятидесятимиллиметровые орудия, установленные на броневиках, разметали снарядами баррикады, сооруженные из мешков с песком у здания главного полицейского управления. Броневики было несколько десятков, и их укрыли в тени огромных деревьев, окружающих дворец Независимости. К 18 апреля служащие управления пришли в школу Таберда и сдались властям. В районе Говап стычки между полицейскими и отрядом парашютистов продолжались по 20 апреля. Но и здесь полицейские в конце концов были вынуждены сдаться. Однако потери со стороны регулярной армии также были тяжелые. В районе Тёлон колонну машин с солдатами правительственных войск забросали гранатами. Многие солдаты получили тяжелые ранения. Был обстрелян и генеральный штаб.

В городе стало крайне беспокойно. Ползли всевозможные слухи. Говорили, что французы напоследок уступили правительству Нго Динь Зьема. Религиозные группировки согласились на мировую с правительством. Вьетминь готовил удар с севера через семнадцатую параллель. Американцы отказали Нго Динь Зьему в поддержке. Возможно, дело докатилось бы до взрыва атомной бомбы. Китайцы не дадут дорогу американцам.

Шолон никому не уступал в фабрикациях самых умопомрачительных слухов. Здесь утверждали! Мао Цзедун и Чан Кайши занимаются надувательством друг друга. Они затеяли потасовку в Шолоне. Говорили о том, что стычки происходят якобы между сухопутными войсками и моряками. Предвещали, что Нго Динь Зьем и Бай Виен непременно подерутся.

Каждая из сторон тщательно взвешивала намерения друг друга и в то же самое время максимально демонстрировала свои усилия «в пользу национального единения». Общество Альянс Франсэз открыло выставку полотен Ван Гога. Премьер-министр Нго Динь Зьем призвал полицию сложить оружие, а военные формирования религиозных сект влиться в национальную армию. Он обещал провести выборы в Национальное собрание. Правительство пошло и на явную политическую уловку! Оно организовало

провокационный опрос общественного мнения, сформулировав подобные вопросы: желаете ли вы объединения армии или нет, хотите ли вы, чтобы нарушители безопасности и порядка были наказаны, или нет...

На следующий день после того, как посол Коллинз вернулся из Вьетнама в США, американское правительство заявило: в нынешней деликатной обстановке в Южном Вьетнаме у американского правительства и у всего свободного мира не остается иного выбора, кроме как поддержать правительство, возглавляемое господином Нго Динь Зьемом. О главе государства Бао Дая в заявлении умалчивалось. Все понимали, что такое стало возможным только на основе сделки между США и Францией.

Вот почему, едва печать широко разрекламировала новый твердый подход США к вьетнамским делам, Нго Динь Зьем немедленно подписал директиву, которая была им заготовлена в первый же день, как он возглавил правительство. Директива требовала освободить полковника Лай Ван Шанга от поста начальника национальной полиции, объявить вне закона штурмовые полицейские отряды, назначить полковника Нгуен Нгок Ле вместо Шанга, убрать штаб-квартиру национальной полиции с улицы Катина — нервного центра города.

Снова возникли баррикады. Правительственная армия пошла на приступ. Армия Биньсюен тяжело поплатилась за новый вооруженный инцидент.

28 апреля канцелярия Бао Дая, расположенная в Каннах, направила премьер-министру серию указаний. Похоже, глава государства подписывал их в полусонном состоянии. Бао Дай повелевал запретить отставку Лай Ван Шанга, не допускать никаких действий, наносящих урон политике национального единства, проводимой главой государства. Все должны проявлять дисциплинированность. Генерал Нгуен Ван Ви назначается начальником генерального штаба. Премьер-министр должен отбыть во Францию на доклад главе государства...

Похоже, секта Биньсюен только и ждала подобных указаний. В тот же день вспыхнули боевые действия. Началось самое крупное вооруженное столкновение между Нго Динь Зьемом и религиозными группами...

* * *

Луан успел отдохнуть после обеда не более десяти минут, как его поднял звонок.

— Началась крупная драка! — с порога сообщили Тхат и Лук.

Тетушка Сау, которую Луан совсем недавно пригласил в дом поварихой, истово молилась Будде. Она ужасно испугалась шума канонады. В деревне, где она жила раньше, девять лет шла война. От пуль погибли ее муж, простой крестьянин, и единственный сын. Но от чьих пуль они погибли, французов или партизан, никто не знал. А грохот стрельбы в тот день стоял такой же, как сегодня.

Затрещал телефон. Нью сообщил Луану тревожную новость: отряды Биньсюен атаковали одновременно множество целей, в том числе генеральный штаб, городскую полицию, генеральное управление приема беженцев. Снаряды падают в парке дворца Независимости...

— Снаряд разорвался прямо в том месте, где мы с тобой обычно пьем кофе. Два металлических кресла изуродованы. Подставки для цветов, находившиеся рядом, расколоты вдребезги... — сообщал он.

Ню оставался спокойным, хотя вокруг бушевал огонь и столбы пламени взлетали в полуденное небо.

Он не пригласил Луана немедленно приехать во дворец Независимости. Таким образом, он как бы давал понять, что обстановка не настолько напряженная, чтобы тотчас начать обмен мнениями. Он лишь предложил Луану вместе отужинать сегодня вечером.

— Из Гве мне прислали анчоусы. Пока они свежие, лежат в холодильнике. Я велю их приготовить по рецепту королевской столицы.

О еде Ню обычно не говорил. На еду он не обращал внимания. Сегодня об этом он заговорил впервые. Значит, Ню пребывает в исключительно приподнятом состоянии духа.

Лук вскарабкался на крышу гаража и стал напряженно всматриваться в даль.

— Лук! Осторожно, кругом рвутся снаряды, слезай! — громко крикнул Луан.

Лук немедленно слез с крыши и испуганно сообщил Луану:

— Горит деревня Тёкуан, а как же Зунг?

Луан забеспокоился. Он поспешно набрал номер ее домашнего телефона. Трубку долго никто не снимал, и Луан перезвонил. Но к телефону так никто и не подошел. Тогда Луан набрал номер телефона полицейского управления. Не исключено, что Зунг в это время находилась на работе.

Лук хорошо понимал отчаяние Луана. Он не спускал глаз с телефонного аппарата. Вдруг лицо Луана просветлело:

— Алло, это полиция? Прошу извинения, соедините меня с Зунг... Зунг! Она работает у полковника Чан Винь Дата!.. — что есть силы кричал он в трубку, в которой беспрерывно раздавались посторонние звуки. — Да, да, Зунг...

На той стороне кто-то отборно выругался, а затем как будто послышался голос Зунг. И все смолкло. Луан нетерпеливо ждал.

— А может быть, я сбегаю в управление? — тихо предложил Лук.

— Нельзя! Ты же слышишь, кругом стреляют. Мимо дома Луана пробежали перепуганные люди.

Они пытались вырваться из зоны боевых действий.

Тхать включил радиоприемник. Радиостанция Биньсюен передавала последние известия: их армия «стала хозяином» района школы Петруса Ки, заняла управление полиции, окружила генеральный штаб. Тхать настроил приемник на другую волну. Радиостанция Сайгона сообщала о боевых действиях прямо в городском управлении полиции и призывала армию Биньсюен сложить оружие.

Луан нервно расхаживал по комнате.

Обстановка складывалась точно так, как предвидел А-07 в приказе, направленном Луану через Зунг. Разумеется, А-07 не мог нарисовать всех деталей, однако политическая сторона вопроса им была изложена абсолютно верно. Американско-французские противоречия подходят к своей высшей точке. Нго Динь Зьем нанес удар и тем самым укрепил свою власть. Но этот удар оставил на новом политическом режиме такие следы, которые ему уже никогда не удастся замести. Что касается революционного движения, то для него еще не наступил тот момент, когда оно при помощи оружия может предотвратить кровопролитие. Однако эти события должны ясно показать народным массам лицо врага. Разбив Биньсюен и другие профранцузские группировки, эксплуатируя мощный подъем национального самосознания после победы при Дьенбьенфу, Нго Динь Зьем смог на какое-то время ввести в заблуждение определенную часть народных масс. Он не упустил также ненависть населения к Биньсюен и другим религиозным группам.

В задачу Луана входило использовать противоречия, которые возникали в новой политической ситуации. Благодаря такой тактике революции удалось частично сократить вооруженные силы Биньсюен и патриотически настроенных религиозных групп, создать условия для их дальнейшего существования и деятельности и под прикрытием этих групп перейти к постепенному формированию вооруженных сил революции. Но этот вопрос находился уже вне компетенции Луана. Это был общий замысел Центра.

На глазах складывающаяся обстановка вызывала у Луана множество тревожных мыслей. Действительно ли арестован Нгок? Обмениваясь с ним соображениями о развитии обстановки, он в свое время пришел к заключению, что в стане противника можно посеять дополнительные противоречия. Но сейчас, пожалуй, больше всего его беспокоила Зунг.

Он вновь и вновь звонил ей домой, звонил, уже не веря в счастье. Наконец к телефону кто-то подошел. Луан обрадовался и быстро спросил:

— Кто это, Зунг, ты?!

Но это оказалась прислуга. Женщина сказала, что Зунг ушла на работу и еще не вернулась. Рядом начался ужасный пожар. Огонь скоро перекинется на дорогу. Тетка Зунг тоже ушла. В доме оставаться страшно. Все время врываются, ломая запертые двери, то солдаты Биньсюен, то солдаты Национальной армии. Обобрали дом начисто. Взяли все, что можно было взять...

Луан снова позвонил в управление. Но там было полное молчание. Он немного подумал. Затем набрал номер телефона Нью. Тот рассказал, что отряд Биньсюен ворвался в управление, но был сразу окружен.

— Успокойся, с Зунг ничего не случится. Я прикажу подполковнику Као Ван Вьену найти девушку. Все будет в порядке! — утешил Нью Луана. Телефон умолк. Луан положил трубку.

* * *

У Зунг только что закончилось время обеда. Сегодня она решила перекусить прямо на рабочем месте. Она уже собралась спокойно посидеть, откинувшись на спинку кресла, чтобы немного отдохнуть, как в кабинет ворвался запыхавшийся Чан Винь Дат.

— Отряд Биньсюен скоро начнет наступление! — крикнул он в отчаянии и бросился звонить своему начальнику Нгуен Нгок Ле.

— Прочно держите оборону, ждите подкрепление! — Приказ Нгуен Нгок Ле был абсолютно ясен.

В управлении полиции как раз накануне произошла смена начальства. Дат заменил Нгуен Ван Тона. Подобрать себе солдат покрепче он еще не успел, на это просто не было времени. В его распоряжении имелось всего несколько десятков необстрелянных парней, вооруженных только пистолетами.

Через несколько минут Дат сел в машину, приказал майору принять охрану здания. Он все еще не расстался со своими грязными мыслями в отношении Зунг. Растерянный, он предложил ей уехать с ним. Кругом все горело. Остаться в управлении было опасно. Но тем не менее она не приняла приглашения Дата.

Его машина едва вышла из ворот управления, приступивший к руководству майор еще не успел собраться с мыслями, как в конце улицы появился отряд Биньсюен.

Зунг выглянула в окно. Служащие полиции сохраняли спокойствие. Она догадалась: это люди Шанга, Догадка подтвердилась тут же. Ворота управления распахнулись, штурмовики вошли во двор и принялись радостно пожимать руки полицейским. Майор и с десятком солдат вбежали в комнату Зунг.

— Как ты очутилась здесь? — спросил майор, побледнев так, что его лицо стало похоже на восковое.

Зунг не знала, что делать. Сразу подумала о Луане и принялась набирать номер его телефона. Она успела набрать только первые две цифры: штурмовики направили винтовки прямо на нее. Один из них, видимо командир, рявкнул:

— Не трожь телефон!

Она поставила аппарат на место.

— А где Дат? — спросил тип, который отдал приказ насчет телефона.

— Он только что уехал из управления, — спокойно ответила Зунг.

Командир отряда штурмовиков, держа пистолет в руке, посмотрел на Зунг, облизнул губы и спросил:

— Ты кто такая?

— Служащая управления.

— А, она северянка! — гаркнул стоящий рядом парень.

Зунг видела, что обстановка накалилась до предела. Она отперла ящик письменного стола. Там хранился пистолет.

— Ты наложница Дата? — Командир штурмовиков расхаживал по комнате.

— Кто позволил вам такие грубости? — гневно сверкнула глазами Зунг.

Майор, неизвестно когда сорвавший с себя знаки различия, показал рукой в ее сторону.

— Эта девушка — секретарша Дата.

— Секретарша? А разве секретарша и наложница не одно и то же? — сказал командир, шаря глазами по всем углам. — А там комната пустая? — спросил он майора.

— Да!

Зунг все поняла.

— В это время зазвонил телефон. Командир снял трубку. Зунг услышала голос Луана. Она подошла к телефону, но командир грубо оттолкнул ее.

— Мы уже захватили управление... А ты кто? Зунг... Кто такая?.. Проваливай ты к...

— Луан! Я!.. — громко крикнула Зунг.

В это мгновение командир прервал связь.

— Так ты и есть Зунг? Рассчитываешь на помощь? Так вот я...

Парень схватил Зунг за руку и крикнул солдатам, толпившимся в дверях:

— В этой комнате больше никого нет! Если кого увидите, сразу стреляйте. Ну а я вместо Дата должен позабавиться с этой малышкой!

Зунг выдвинула ящик стола. Она решила всадить в этого мерзавца несколько пуль из вальтера, последнюю оставить себе.

Во двор влетел джип. Штурмовики загалдели:

— Полковник приехал!

Из машины выскочил офицер. Командир штурмовиков, не выпуская руку Зунг, вместе с ней побежал встретить его.

— Почему шляетесь без дела? Готовьтесь к бою с парашютистами, они скоро сюда придут! — громко кричал офицер, и вдруг он увидел Зунг. — А вы кто такая?

Зунг догадалась, что перед ней полковник Лай Ван Шанг.

— Я жена агронома Нгуен Тхань Луана!

— О! — удивился Шанг. — Вы работаете в полиции?

Зунг не отвечала, боязливо поглядывая в сторону командира штурмовиков.

— Ну что, ты опять за свои похотливые дела?! — Шанг со всего размаха влепил штурмовику увесистую пощечину. — Из-за таких, как ты, Биньсюен и терпит

поражение! — И сразу обратился к Зунг: — Здесь скоро начнутся боевые действия. Вам не следует оставаться в управлении. Куда вы хотите уехать?

Мимо управления в сторону рынка Бентхань пробежала большая толпа людей.

— Вам следует двигаться в том же направлении, что и эти люди. Хотите поговорить с господином Луаном?

Зунг набрала номер телефона:

— Луан, это ты? А это я. Рядом полковник Лай Ван Шанг... Я пойду по проспекту Чан Хынг Дао... Да, будь спокоен... Ты не желаешь поговорить с полковником?..

Шанг взял телефонную трубку. Что сказал ему Луан, не было ясно. Однако Шанг лично проводил Зунг до ворот, посадил ее в джип. Машина помчалась в сторону моста «Игрек».

Луан ждал Зунг у школы Каукхо. Увидев Луана, девушка разрыдалась...

Сайгон пережил страшную ночь. От центрального полицейского участка до проспекта Тонг Док Фьонг стрельба не прекращалась. Выстрелы раздавались также в других районах. Огненное зарево осветило весь город.

Ню принимал Луана и Зунг. Чан Ле Суан отсутствовала. Она уехала в Далат, Ню и Луан условились, что за обедом не будет никаких деловых разговоров. Все, что касается ситуации в городе, они решили обсудить на следующий день. Тем не менее Луан нашел удобную минуту и рассказал Ню все, что накануне произошло с Зунг.

— Ты верно подметил, у Шанга еще сохранилось человеческое достоинство. Я не внедрял его в секту Биньсюен. Это приятно, что к твоим чувствам он проявил такое уважение. Но думаю, он просто хочет «навести мосты», поскольку хорошо понимает, что дело его проиграно.

Во дворце Независимости была слышна орудийная канонада. Военские формирования секты Биньсюен продолжали держать оборону укрепленного района Катина. Не обращая внимания на грохот стрельбы, Ню, как настоящий гурман, неторопливо ел вкусно приготовленные анчоусы и спрашивал, каково впечатление Луана и Зунг об этом блюде.

По дороге домой Луан поделился с Зунг своими наблюдениями.

— Ню — исключительно жесткий человек, — сказал он.

Зунг удалось связаться со своей тетей. Части Биньсюен покинули район Тёкуан. Позвонил Чан Винь Дат и прогрохотал в трубку:

— Зунг, ты спокойна?! Я выгнал эту нечисть из управления. Завтра утром, как обычно, приходи на работу...

13

Ню внимательно рассматривал Нгока. Несмотря на полдень, в камере стоял густой сумрак. Под самым потолком висела тусклая лампочка. Чан Ким Туей сидел у стены, по которой текли липкие струйки. Время от времени поправляя очки на близоруких глазах,

он мечтательно разглядывал происходящее в камере, как будто здесь он был сторонний наблюдатель.

Нгок с отсутствующим видом откинулся на спинку стула. Прядь седых волос упала на его высокий лоб. Он был бледен. Уже десять суток не видел солнечного света.

— С вами хорошо обращаются? — помедлив, чтобы подобрать нужный тон в разговоре, произнес Ню.

— Меня это не занимает. Это волнует доктора Чан Ким Туена, — ответил Нгок, даже не повернув головы. — Ведь это он тщательно взвешивает, как относиться к человеку в каждом конкретном случае. Я не очень-то обеспокоен тем, как закончится моя жизнь.

— Я прямо спрашиваю: кто направил вас на связь с Биньсюен?! — перешел на крик Ню.

— Разве это важно? Я кадровый работник и работаю в соответствии со своими полномочиями.

— Зачем вы подстрекали Биньсюен на вооруженный мятеж? Ведь вы все время говорите о приверженности к миру?

— В вашей реплике сразу несколько ошибок. Некоторые из них грамматического свойства. Другие носят принципиальный характер, — презрительно засмеялся Нгок. — Я не подстрекаю и не подталкиваю Биньсюен к каким бы то ни было действиям, которые бы шли вразрез с мирными чаяниями нашего народа. Этим как раз занимаетесь вы. Что касается термина «мятеж», который вы употребили применительно деятельности Биньсюен, то опасаясь, что это не совсем точно. Еще неизвестно, кто и против кого устраивает мятеж. Предстоит еще разобраться в отношениях между вами и Биньсюен!

— Вы член коммунистической партии?

— Я никогда этого не отрицал.

— Член компартии не имеет права на такое невежество! Какая вам польза, что вы идете вместе с Биньсюен?

— А какая будет польза, если мы пойдем вместе с вами? Биньсюен — это группа хулиганствующих, преступных элементов. А самое большое преступление — предательство родины. Но среди них есть и разумные элементы. С разумными людьми, которые попали в секту Биньсюен, мы и работаем.

— Вы давно организовали их на враждебные действия против нас?

Нгок не отвечал.

— И вы надеетесь нас свергнуть? — провокационно спросил Ню.

— Люди говорят, что вы — один из самых способных политических деятелей. Кажется, они заблуждаются, — громко сказал Нгок. — Вы считаете, что американцы будут вечно оказывать покровительство лично вашей семье? Почему вы так наивны? И потом, я уже не говорю о народе. Он не просил себе американской «помощи». К чему вы развязали антикоммунистическую кампанию? Ведь антикоммунистическая кампания по существу

является кампанией против народа. Поэтому народ вправе начать кампанию против вас. Это естественно.

— Предположим, все, что вы говорите в отношении народа, правильно, хотя, конечно, вы приписали ему слишком много достоинств разного рода. Но почему вы с симпатией говорите и о Биньсюен? Это по меньшей мере странно.

— Патриотически настроенные члены организации Биньсюен не идут по пути Бай Виена. У вас достаточно времени, чтобы проверить мои слова. И не только религиозные организации, но даже армия, которую вы сейчас стремитесь создать, станет силой, и эта сила выступит против вашего режима. Она направит против вас оружие, когда сочтет необходимым или когда США увидят, что это следует сделать... — говорил Нгок.

Ню курил сигарету за сигаретой. Нгок говорил действительно страшные вещи. Но это были проблемы, о которых и сам Ню уже не раз задумывался.

— А ваше мнение об агрономе Нгуен Тхань Луане как о человеке? — неожиданно сменил тему разговора Ню.

Чан Ким Туен уставился на Нгока, надеясь, что тот чем-то себя выдаст.

— В каком смысле — как о человеке? — переспросил Нгок, не теряя присутствия духа.

— Каковы его политические убеждения, отношение к организации Биньсюен?

— Зачем вы спрашиваете меня о том, что вам самому хорошо известно? Луан — мой друг. Во время войны Сопротивления мы близко познакомились друг с другом, стали неразлучными друзьями, хотя у нас разные профессии. Однако я и он неодинаково смотрели на многие вещи. Он грезил каким-то непонятный национализмом. За эту его «детскую болезнь» я полностью несу ответственность. Между нами часто возникали острые разногласия. Ему не нравилась секта Биньсюен, в том числе даже люди, которые по своим убеждениям были далеко не похожи на Бай Виена.

— А в последнее время что-либо изменилось в его поведении?

— Он еще больше оторвался от действительности. Вообще, национализм — это утопия. Но когда утопия рядится в националистические одежды, она становится прямо-таки карикатурой. Я никогда не смогу согласиться с его убеждениями, хотя мы всегда были друзьями.

— Луан знает о вашем аресте?

— Думаю, пока нет. Мы общались очень редко.

— Как вы думаете, он будет пытаться выволить вас из тюрьмы?

— Луан — настоящий друг. Но спасти меня он вряд ли сможет.

— Почему?

— Это очень просто. Я не верю ни в ваш национализм, ни в национализм Луана. Я никогда не откажусь от коммунистических идеалов во имя того, чтобы выйти на свободу.

От вас нельзя ожидать, что вы позволите вашему идейному противнику жить и работать в контролируемой вами зоне. Нгуен Тхань Луан уважает меня, и он не захочет, чтобы я стал предателем. Он не будет советовать мне сдаться. Все так просто... — Нгок говорил ясно, отчетливо, убежденно.

— Вы чересчур твердолобый человек! — крикнул Ню. — Вы хоть понимаете, что вся ваша жизнь — тупик?!

Нгок грустно улыбнулся.

— Я не люблю заниматься пустыми разговорами.

— У Луана имеется подруга, правильнее сказать невеста... Вы знакомы с этой девушкой? — спросил Чан Ким Туен.

— Да! — радостно воскликнул Нгок.

Ню был слишком занят своими мыслями и не заметил замешательства в глазах Нгока. Тот ничего не знал о Зунг, а когда услышал о ней от Туена, то сразу понял, какую роль она играет для Луана.

— Луан как-то говорил, что у него есть подруга, но отношения между ними в то время были еще довольно неопределенными, поэтому он нас не знакомил.

— У вас есть какие-нибудь просьбы? — спросил Ню.

— Да. Я хочу встретиться с Луаном.

— Мы удовлетворим вашу просьбу.

Боевые действия в городе продолжались всю ночь до самого утра. Вооруженные силы Биньсюен ушли по ту сторону моста «Игрек». Они концентрировались также вокруг Каумуой, Кауонглань, Сомтбеу и Сомкуй. В самом городе в их руках оставались лишь ресторан «Геофил» в Дакао и укрепрайон Катина.

У обеих сторон были серьезные потери. Но еще большие потери понесло население. Тысячи людей убиты, ранены, десятки тысяч домов сожжены. Был создан комитет по ликвидации последствий конфликта. Его председателем стал министр общественных работ Нгуен Мань Бао. Но важно, что в городе вокруг комитета развернулось широкое общественное движение. Даже его название стало предметом дискуссии между правительством и общественностью. Правительство предлагало назвать возникшую организацию комитетом по оказанию помощи жертвам биньсюеновского мятежа. Но общественность не согласилась. В конце концов правительство было вынуждено уступить.

Политическая жизнь в эти дни была куда более шумной, чем орудейные залпы. Генералы Нгуен Тхань Фыонг и Чи Минь Тхе подписали заявление, осуждающее «колонизаторов» и «мятежников», вызвавших в стране раскол, который привел к тому, что была пролита кровь тех, кто отказался выполнять указы главы государства. Был создан Народно-революционный комитет во главе с Нгуен Бао Тоаном. Формирование комитета стимулировало дискуссию по главному вопросу: существование института главы государства Бао Дая.

В полдень 30 апреля во дворце Независимости премьер-министр давал аудиенцию генералу Нгуен Ван Ви. Нью счел, что прием генерала — хорошая возможность для ловкого хода. Нго Динь Зьем согласился. Генерал Ви должен был официально вручить указ главы государства о его назначении начальником генерального штаба. Но на встречу пришло несколько десятков генералов и высших офицеров, а также полковники Чан Ван Минь, Андре Чан Ван Дон, которых Нго Динь Зьем только что произвел в генералы.

— Господин премьер-министр, вот указ главы государства, — запинаясь произнес Ви. Каменные лица генералов его встревожили. «До чего же я глуп! — думал он. — Послушался де Шовина и явился во дворец Независимости. Авантюрист!»

«Вы должны пойти к Зьему и вручить ему указ. Никто не может сделать то, что должны сделать вы, — говорил де Шовин генералу Ви. — Вы можете потребовать от Нго Динь Зьема передачи вам полномочий из рук генерала Ти. Американский президент Эйзенхауэр договорился с Францией, что США не будут вмешиваться в этот вопрос».

Послушать де Шовина, так дело проще пареной репы. Только как все это воплотить на практике? Но как бы то ни было, теперь во дворце генерал Ви должен был что-то говорить перед Нго Динь Зьемом.

Зьем взял в руки лист бумаги с машинописным текстом, бегло его прочитал. Странно! В руках он держал копию телеграммы, которую официально получил несколько дней назад.

— Я знаю об этом вопросе, — сказал премьер-министр. — Совершенно очевидно, что он находится в компетенции военных органов. Один я не могу решать такие дела. Поэтому я приглашаю всех в генеральный штаб. Конечно, указ главы государства нельзя не выполнять. Но настоящий вопрос должны решить сами генералы. Правительство примет любую кандидатуру, которой вы доверяете, господа генералы, пусть генерала Ти или вашу, господин Ви. В любом случае это будет достойный человек.

Зьем говорил медленно. А в это время генералы читали указ главы государства, передавая его друг другу.

— Почему смена начальника генерального штаба производится в самый разгар боевых действий? — спросил Чан Ван Минь.

— А когда закончится мятеж Биньсюен, тоже не следует делать замену, — забубнил генерал-майор Ле Ван Тат, представляющий каодаистов.

— Это какая-то странная история, — пожал плечами генерал-майор Андре Чан Ван Дон. — У меня есть информация, что генерал Хинь возвращается на родину. По пути к нам он сделал остановку в Калькутте. Речь якобы идет о... — генерал никак не мог подобрать вьетнамское слово, — о конспирации.

— О заговоре, — уточнил Ле Ван Ти.

— Да, да! О заговоре... Но я против этого. Генерал Андре провел субботу и воскресенье на пляже в Лонгхае и выглядел загоревшим и посвежевшим. По случайному совпадению или нет, но как раз в это время в Лонгхае отдыхала супруга советника Нго Динь Нью. Было ясно, что премьер-министра поддержит и Чан Ван Дон, который, получив звание генерала, пребывал в состоянии экстаза.

— Итак, я должен направить главе государства телеграмму с докладом. Но господа генералы, если я правильно понимаю, не дают мне на это полномочий. Несвоевременный демарш генерала Ви вызвал дружный смех в зале. Не смеялся лишь генерал-полковник Нгуен Тхань Фьонг. Неожиданно он стукнул кулаком по столу.

— Генерал Ви совершил преступление, пытаясь создать в армии обстановку хаоса в момент, когда страна находится перед такими испытаниями! Такой человек не достоин носить погоны офицера. Предлагаю премьер-министру немедленно отдать приказ об аресте господина Ви!

Нгуен Ван Ви даже не предполагал, что обстановка может обернуться для него так плохо. Нгуен Тхань Фьонг слыл среди военных злым гением. Он явно старался выслужиться перед Нго Динь Зьемом.

Ви пришел в замешательство. Он обвел взглядом весь зал, ища поддержки в этот столь опасный для него момент. Никого! Он и Андре с давних пор были друзьями. Но теперь тот стал добровольным рабом мадам Чан Ле Суан.

Ви бросил взгляд на Нго Динь Зьема, ища спасения здесь. Но ледяное лицо Нго Динь Зьема по-прежнему ничего не выражало.

Офицеры сгруппировались вокруг Зьема, каждый пытался что-то шепнуть ему на ухо. Зьем сидел неподвижно, потом одобрительно кивнул, встал и сказал:

— Вы продолжайте совещаться, а у меня есть дело, я покину вас на минуту. Думаю, мнение генерала Фьонга совершенно правильное.

Без Зьема совещание совсем застопорилось. Все генералы, за исключением Нгуен Тхань Фьонга, чувствовали себя неловко.

Ню и Луан ждали Зьема в соседней комнате.

— Луан считает, что арестовывать или лишать генерала Ви звания не надо, — сказал Ню. — Мы как раз обсуждаем этот вопрос, и я постепенно соглашаюсь, что он прав. Давайте еще раз обсудим ситуацию.

Зьем сел и пригласил Луана высказаться.

— Господин премьер-министр, моя точка зрения, вкратце конечно, состоит в следующем. Сам по себе генерал Ви не настолько опасен, чтобы в настоящем случае применять по отношению к нему жесткие меры. Такой шаг только бы продемонстрировал, что мы очень высокого мнения о роли профранцузски настроенных офицеров. Во-вторых, арест генерала Ви подтолкнет ряд офицеров, думающих так же, как генерал Ви, к сопротивлению. А мы знаем, что такие офицеры есть, в том числе и в правительственной регулярной армии. В-третьих, не следует бить по самолюбию французов. В-четвертых, если оставить генерала Ви на свободе, то он в конце концов изменит свою позицию или вновь покажет себя. Правительство к этому времени окрепнет, и его арест не вызовет никакой отрицательной реакции.

Зьем размышлял, нервно покусывая губы.

В тот же день он пригласил весь генералитет и даже не намекнул относительно ареста генерала Ви. Увидев, что премьер-министр не коснулся этой темы, никто, даже генерал Фьонг, не затронул данного вопроса. Генерал Фьонг умел, когда надо, схитрить, а когда надо — прикинуться дурачком. Что же касается самого Ви, то он избрал тактику: молчание — золото.

В тот же вечер Народно-революционный комитет, собравшийся в здании городской мэрии, опубликовал заявление. Комитет требовал: низложения Бао Дая, формирования Нго Динь Зьемом нового правительства, подавления мятежа, восстановления целостности национального суверенитета и созыва Национального собрания.

14

1 Мая. Необычные события одно за другим потрясли Сайгон. Сквозь стрельбу и застилающий небо дым пожарищ сотни тысяч горожан потянулись к центру города. Два военно-морских судна США высадили на пристань десять тысяч беженцев, уставших от войны. Люди надеялись, что здесь они больше не увидят военных действий, и рядом с ипподромом возник целый палаточный городок.

Неподалеку от укрепленного района Катина, где окопалась группа из секты Биньсюен, Всеобщая конфедерация труда совместно с лодочниками организовала митинг по случаю Международного дня трудящихся. Рядом проходил другой митинг, организованный Всеобщей федерацией трудящихся-католиков. Выступало множество ораторов. Главной темой из всех обсуждений была проблема мира. Поднимались также вопросы повышения жизненного уровня, демократизации. От властей обеих частей страны требовали быстрее провести переговоры, установить нормальные отношения, чтобы путем всеобщих выборов прийти к объединению страны. Осуждали колонизаторов и феодалов. Некоторые ораторы выкрикивали антикоммунистические лозунги. Перед зданием городской мэрии проходила церемония повиновения правительству, в церемонии принимали участие пять батальонов и две роты под командованием начальника штаба организации Биньсюен.

В боевых действиях стали принимать участие еще две новые организации. Так, часть гвардейцев прибыла из Далата. Она подожгла почтамт и тем самым серьезно поддержала группу Виньсюен в укрепленном районе Катина. Она также захватила военную радиостанцию и госбанк. Этот отряд находился под командованием генерала Чинь Минь Тхе.

Военная радиостанция передала приказ начальника генерального штаба Нгуен Ван Ви: прекратить огонь, дожидаться возвращения на родину представителя главы государства с особым приказом Бао Дан. Этим представителем главы государства был генерал Нгуен Ван Хинь. Он вылетел из Калькутты, но полетел не прямо в Сайгон, а в Пномпень, где ему предстояло заслушать доклады об обстановке в стране.

В свою очередь радиостанция Сайгона также передала приказ начальника генерального штаба. Но им она назвала Ле Ван Ти. Он отдал приказ гвардейским подразделениям немедленно уйти из города и вернуться в места дислокации.

Через какое-то время аналитики, изучающие события тех дней, выдвинули гипотезу, что если бы генерал Ви решился открыть огонь, то Нго Динь Зьем оказался бы в чрезвычайно затруднительной ситуации. Но дело в том, что генерал Ви, как и генерал Хинь — представитель Бао Дая, ничего не сделал, чтобы обосновать свою деятельность хоть какими-нибудь идейными соображениями. Оба действовали, как заведенная машина. В

больших и малых делах, которые они совершали, чувствовалась рука французов — их хозяев, а французы обращались с ними, как с марионетками, просто дергали за ниточки. Сами они к этому времени уже потеряли право решающего слова в Индокитае. Поэтому гипотеза некоторых аналитиков, что ситуация могла пойти каким-то другим путем, не имеет серьезного основания.

Тот факт, что Чинь Минь Тхе объединил свои силы с сектой Каодай, имело важное мобилизующее значение для решения Нго Динь Зьема. Правительственные войска приободрились. В рядах Биньсюен усиливалось брожение.

Вечером 2 мая правительственные войска перешли в наступление. В их распоряжении имелись пехотный полк и три батальона парашютистов, они образовали вокруг биньсюеновских войск широкое кольцо. Три тысячи солдат Чинь Минь Тхе двинулись в наступление. Его целью было овладеть главной ставкой Биньсюен.

Командование Биньсюен со страхом ожидало этого часа.

Оно понимало, что для Биньсюен настал полный крах. Моральный дух Бай Виена был, по существу, сломлен уже тогда, когда Поль Эли сообщил, что французская армия не может помочь ничем иным, кроме как постараться переправить вертолетами и небольшими судами членов семей организации Биньсюеп на французские военные корабли, пришвартовавшиеся у мыса Кап. У Бай Виена вдруг разом все рухнуло. Фронт общенациональных сил, несмотря на договоренность о совместных действиях, скрепленную подписями всех его участников, не мог добиться согласованного выступления. Более того, армия каодаистов строила всевозможные козни другим участникам фронта, часть вооруженных подразделений Хоахао присягнула на верность Нго Динь Зьему.

Леон Леруа проводил время в объятиях любовниц. Вместо того чтобы, как он обещал, развернуть наступление, он готовил чемоданы к отправке во Францию. Французская армия, вьетнамские офицеры, находившиеся под французским влиянием, сохраняли просто непонятный в сложившейся ситуации нейтралитет. Живописная картина успехов, которую так лихо рисовали эксперты Бай Виена, день ото дня тускнела. Генерал Ви и генерал Хинь только и делали, что изображали кипучую деятельность. Глава государства Бао Дай продолжал пребывать в состоянии полусна.

Окружение Бай Виена тщательно прикидывало свои шансы на выживание. Оно все больше убеждалось, что их лидер не обладает политическим чутьем, особенно необходимым в тот момент. Авантюризм в мыслях и действиях, которым он так хвастался, перестал отвечать требованиям сложившейся обстановки.

Но что бы там ни было, два французских вертолета всегда стояли наготове для профранцузских деятелей. Вопрос заключался только в том, кого следует в них посадить.

Военное руководство Биньсюен разваливалось. Внешне офицеры по-прежнему оставались безудержными гуляками. День и ночь шли нескончаемые пирушки, попойки, кутежи. Но все это лишь прикрывало их страх перед неизбежным финалом.

Особенно тяжело создавшееся положение переживал Тьонг. Большой специалист в области софистики, он пользовался уважением со стороны Бай Виена. Его считали ведущим деятелем среди политических советников организации Биньсюен. На многочисленных совещаниях Тьонг выступал по стратегическим проблемам Юго-

Восточной Азии. Он объяснял, какой должна быть вьетнамская политика в новой ситуации. Искусный оратор, Тьонг всегда производил впечатление думающего человека, крупного политика, способного найти выход из любого положения. Теперь, когда вооруженные до зубов солдаты Нго Динь Зьема были совсем рядом, ноги и руки Тьонга задрожали. Он, попросту говоря, испугался.

Советники и другие руководители секты не забыли слов, которые неоднократно твердил Тьонг: в силу складывающейся ситуации Нго Динь Зьем не может наносить удары по Биньсюен; на западе страны находятся силы Хоахао, на востоке — Каодай, в Сайгоне — Биньсюен. Национальная армия по-прежнему предана главе государства, на центральном плато находится гвардия генерала Ви.

Теперь в ставке на чем свет поносили Тьонга как безответственного болтуна. Но, потеряв авторитет окончательно, он все еще призывал проявлять упорство.

Весь военный аппарат Биньсюен продолжал уповать лишь на светлую голову Лай Ван Шанга. Военное руководство секты еще не знало, что начиная с 28 апреля организация Биньсюен по существу оказалась один на один с противником и к тому же была расколота. От всех ранее существовавших вооруженных сил секты остались лишь штурмовые отряды полиции, руководимые Лай Ван Шангом.

Лай Ван Шанг медлил, изучая ситуацию. Он надеялся на обещания де Шовина поддержать секту. Но 26 апреля на оеобом заседании, несмотря на колебания Лай Ван Шанга, Бай Виен принял решение возобновить боевые действия против правительственных войск. Сигналом для выступления всех сил против Нго Динь Зьема стала, как утверждал потом Бай Виен, телеграмма Бао Дан, которой не могло быть без согласия французского правительства.

* * *

На столе — карта Сайгона. Нанесенные на нее стрелы пересекают южную и центральную части города. Наступление развивается вроде бы успешно. Но Лай Ван Шанг недоволен. Его беспокоит отсутствие должной координации действий между наступающими частями. Он предвидел это заранее — вот почему не установил нужного количества аппаратуры в ставке для сбора информации из разных районов боевых действий. И оказался прав. Столько аппаратуры не понадобилось бы, потому что даже те немногие аппараты, которые имелись, молчали.

Днем 28 апреля Лай Ван Шанг решил сам проверить район боевых действий. Неожиданный разговор, состоявшийся у него с Нгуен Тхань Луаном, утвердил полковника во мнении, что существованию Биньсюен пришел конец.

— Здравствуйте, господин агроном!.. Я Лай Ван Шанг.

— Здравствуйте, господин полковник! Я абсолютно не понимаю, почему вы решились на такую авантюру. Ведь это крах! Лично вы, господин полковник, на что рассчитываете? На французскую армию? На Национальную армию? На религиозные группировки? Ничего не выйдет! Чем дальше вы будете вести боевые действия в городе, тем большие жертвы понесет население, тем больше людей будут ненавидеть вас и вашу организацию. Это же так очевидно. Ваша армия будет разбита...

— Что я должен делать?

— Немедленно вывести свои войска на ту сторону реки. Подготовить лодки для переправы туда людей. Бросить ставку...

— Это что, бежать?

— Если вы так не сделаете, то вас постигнет еще более тяжелая катастрофа: вашей армии придется сдаться, или она будет полностью уничтожена. Крупные вопросы ваша организация решает по-ребячьи.

Не могу не сказать вам, полковник, прямо в лицо: вы редкие идиоты. И еще один совет: опасайтесь Чинь Минь Тхе.

Лай Ван Шангу слышать эти слова Луана было тяжело. Тем не менее он, понутив голову, сказал:

— Спасибо, господин агроном.

— Я тоже должен поблагодарить вас, господин полковник. Благодарю за помощь, которую вы оказали моей жене — помогли ей выбраться из Сайгона.

— Не знаю, господин агроном, удастся ли нам когда-нибудь встретиться в будущем. Сожалею, что познакомился с вами слишком поздно. Желаю всевозможных удач...

...Лай Ван Шанг вернулся в ставку. Невдалеке виднелись разрывы артиллерийских снарядов. С соседних высоток, где закрепились подразделения правительственной армии, градом сыпались пули и снаряды. Небо затянуло дымом.

Лай Ван Шанг в течение получаса на повышенных тонах говорил с Бай Виеном. Никогда прежде он не позволял себе, что бы там ни случилось, так разговаривать с кем-либо из членов руководства Биньсюен.

— Какова обстановка на фронте? — спросил Бай Виен.

Лай Ван Шанг вспомнил слова Луана: «вы реднше идиоты»...

— Сколько у нас фронтов, которые действительно можно назвать фронтами? — резко вопросом на вопрос ответил Лай Ван Шанг.

— Тэйнинь, Лонгсуен...

— Словом, их бесчисленное множество.

— Что с вами? Почему вы так разговариваете?

— Пришло время опомниться, а вы все еще спите, просто удивительно! — засмеялся Лай Ван Шанг. — Вы хоть понимаете, что Биньсюен гибнет, гибнут мои штурмовики?

— Почему гибнут?

— Из наших подразделений уже никто не стреляет. Стреляет только один человек. Это Чинь Минь Тхе. Но он стреляет по нашим войскам. Еще немного, и он будет здесь, в нашей ставке. Вы хотите с ним поговорить, тогда подождите совсем недолго!

Семидесятипятимиллиметровый снаряд с шумом разорвался прямо во дворе ставки. Мачта со знаменем покосилась. Бай Виен быстро выбежал из здания. Он был человек суеверный, и тот факт, что флагшток покосился, для него предвещал несчастье.

Два вертолета завели моторы. С собой Бай Виен прихватил все, что мог. Чемоданы были переполнены. Взлетела только одна машина. Другая беспомощно вращала лопастями, не в состоянии оторваться от земли. Летчик, французский офицер, отказался взять багаж Бай Виена. Несколько дней назад целый корабль вывез имущество генерала. Летчик выкинул из машины все чемоданы и стал ждать полковника Лай Ван Шанга.

Советники столпились вокруг вертолета. Они просили о помощи. Летчик кивал, но в машину никого не пускал.

— Армия Каодай уже подошла к мосту! — крикнул кто-то из советников.

Отряд, охраняющий ставку, пытался связаться с Шангом по селектору. Но тот с отсутствующим видом сидел в кресле. Он даже забыл свою табачную трубку, с которой никогда не расставался.

— Полковник, бегите к вертолету! — поторопила его Тиеу Фунг.

— А ты?

— Я пойду своей дорогой!

Лай Ван Шанг ничего не ответил. Он посмотрел на девушку и подумал: «Все разведчики одинаковы».

В дверях показался запыхавшийся Ли Кай. Лай Ван Шанг сделал знак Тиеу Фунг уйти в другую комнату.

— Господин Ли Кай, — спокойно сказал полковник, — я знаю, что вы с давних пор служите Нго Динь Нью.

Ли Кай отошел за колонну, снял пистолет с предохранителя. Лицо его побледнело. Еще вчера он должен был быть далеко от этих мест, но по приказу доктора Туена остался в ставке Биньсюен, чтобы опознать арестованных, собрать необходимые материалы о деятельности Биньсюен. Очутившись лицом к лицу со смертью, Ли Кай пытался отбиться от нее. Дрожащим голосом он произнес:

— Это теперь не имеет значения. Я предлагаю вам немного поразмыслить. Мне думается, вы должны остаться и перейти на сторону правительства. Я гарантирую вам...

Лай Ван Шанг расхохотался:

— Ли Кай! Я, конечно, глуп, но ты еще глупей... И хотя через какую-нибудь минуту моя ставка будет захвачена, у меня достаточно времени, чтобы отправить тебя к прародителям! Но я этого не сделаю. Я хочу, чтобы ты жил и сказал советнику Нго Динь Нью: «Я проиграл, потому что я наивный ребенок». Но жизнь продолжается, и пусть он не спешит радоваться. Мои солдаты не такие великодушные, как я.

Лай Ван Шанг не ошибся. Два его охранника кивнули в знак согласия, что в любую минуту они готовы выпустить в Ли Кая автоматную очередь.

Ли Кай не осмелился возразить. Он что есть духу выскочил из здания и рванул к берегу реки.

— Приказываю всем отступить в Сухой лес! — скомандовал Лай Ван Шанг окружавшим его штурмовикам. — Берегите себя, Тиеу Фунг! — сказал он, пожав девушке руку, и вышел во двор.

Его обступили советники. Охранники Лай Ван Шанга вынуждены были дать несколько предупредительных выстрелов, чтобы те пропустили полковника к вертолету.

— Оставайтесь, господа! — крикнул Шанг. — Вы отравляли мне жизнь до этой минуты. Зачем же продолжать дальше?! У вас языки без костей, а позвоночники гибкие, не бойтесь, не пропадете!

Вертолет набирал скорость. Лай Ван Шанг окинул взглядом место ставки и глубоко вздохнул.

Ли Кай решил переправиться через реку вплавь. Только он снял одежду, как ствол пистолета уперся ему прямо в спину.

— Удираешь?! — громко крикнул один из офицеров Биньсюен.

— Меня отпустил полковник!

— Лай Ван Шанг, может быть, и отпустил, но солдаты Биньсюен не отпускают... Подонок!

Ли Кай приемом кунфу выбил из рук офицера пистолет, уложил его наповал и мгновенно нырнул в воду.

15

Советник Нго Динь Нью развалился на кушетке. На нем был прекрасно сшитый тергалевый костюм, на ногах — начищенные до ослепительного блеска ботинки. Перед Луаном сидел совершенно другой человек, элегантный, самодовольный.

— Ну что ж, нарыв прорван. Можно считать, что тема Биньсюен снята с рубрики ежедневных политических новостей. Теперь и все другие связанные с этим проблемы, в том числе Каодай, Хоахао, постепенно начнут отходить в область минувших дней.

Голос Нго Динь Нью звучал будто проповедь с амвона. Луан улыбался.

— Ты считаешь, что я проявляю оптимизм преждевременно? — спросил его советник.

Не успел Луан ответить, как в дверь постучали. Секретарь приглушенным голосом доложил:

— Господин советник, генерал-майор Чинь Минь Тхе просит о встрече с вами.

Ню пожал плечами:

— Зови!

На Чинь Минь Тхе была белая парадная форма. На фуражке — две звезды. Он щелкнул каблуками:

— Наступление на Биньсюен в самом разгаре. Думаю, не пройдет и двадцати четырех часов, как секта будет окончательно разгромлена.

Чинь Минь Тхе выглядел не менее щегольски, чем Нго Динь Ню. На его лице тоже сияла самодовольная улыбка.

— Осталось только выгнать из Сухого леса несколько десятков человек, и тогда безопасность полностью восстановится.

— Интересно. У вас есть ко мне еще что-нибудь? — спросил Ню.

— Уважаемый господин советник! Союзнические вооруженные силы каодаистов просят вождя Нго Динь Зьема разрешить частям, одержавшим победу, пройти по улицам города. Это будет самая большая милость вождя к солдатам. Ню, слегка улыбнувшись, перевел взгляд в сторону Луана:

— Хорошо! Я переговорю с премьер-министром. Я думаю, он с радостью согласится.

— Спасибо, господин советник! — Генерал Тхе расправил грудь. — Разрешите вернуться на командный пункт!

Генерал снова звучно щелкнул каблуками и вышел из комнаты.

— Ну как, видел? — спросил Нго Динь Ню.

— Мы видели друг друга, хотя генерал-майор и сделал вид, что не узнал меня, — заметил Луан.

— Но я хочу спросить тебя о другом.

— О генерале, купить которого у французов не хватило денег!..

— Этого генерала купили американцы. У них достаточно денег, — перебил Луана Нго Динь Ню. — Я нисколько не удивился, узнав, что Чинь Минь Тхе и Лэнсдейл тесно связаны друг с другом. Я хочу, чтобы по данному вопросу у тебя был четкий взгляд.

— Я думаю, генерал Тхе — очень перспективный офицер.

Ню поднялся, заложил руки за спину, стал ходить и рассуждать вслух сам с собой, как будто рядом никого не было.

— Перспективный или неперспективный? Он слишком рано ударился в амбицию! Не правда ли? Военный парад по поводу победы — это далеко не самое большое, чего требует генерал.

«Таким образом, проблема секты Биньсюен и других религиозных групп уже не существует или скоро перестанет существовать. Но кажется, в целом сложных проблем не стало меньше», — подумал Луан, сложив руки на груди. Однако своему собеседнику он ничего не сказал.

Нго Динь Нью остановился, рассматривая Луана.

— Или вот этот генерал Чинь, — засмеялся он. — Удивительный тупица!

Луан знал, что к разряду тупиц Нью относит всех, в том числе и Луана. Нью снова сел на кушетку. Он вдруг понизил голос:

— Луан, я хочу тебя прямо спросить, как долго продлится наше сотрудничество. Ты когда-нибудь об этом задумывался?

Луан ответил немедленно:

— Конечно, я неоднократно задумывался. И сейчас продолжаю размышлять над этим вопросом. Какими мерками можно измерить временной фактор? Пожалуй, таких мерок нет. Это может быть и пять, и десять лет...

Нью внимательно слушал, попыхивая сигаретой.

— А может быть, несколько недель... Как сложится обстановка. Я ничего не скрываю от вас. Сотрудничество между нами будет продолжаться так долго, как долго мы оба будем видеть в этом интерес. Говоря еще более точно — до тех пор, пока я не стану для вас «проблемой».

Нго Динь Нью хитро засмеялся:

— Ну а я для тебя всегда остаюсь «проблемой». Твои слова напомнили мне историю, описанную в старинном китайском романе «Троецарствие».

Луан засмеялся:

— Очень здорово. Но я не похож на героя этого романа.

Советник Нью заказал виски с содовой.

— А ты знаешь, чем занимается сейчас доктор Туен?

Луан отрицательно покачал головой.

— Доктор — очень сложный человек, — ответил он, а сам подумал: «Вот еще одна проблема для Нью!»

— У меня к вам есть просьба. — Луан не выпил еще ни глотка, несмотря на приглашение Нью. Голос его прозвучал грустно.

— Что за просьба?

— Я хочу встретиться с моим другом Нгоком.

— А, прошу извинения, совсем забыл. Последние дни обстановка была настолько суматошная... Нгок тоже просил о встрече с тобой. Хорошо, поезжай в управление полиции.

Ню снял трубку телефонного аппарата, вызвал полицейское управление.

— Надеюсь, ты сможешь убедить Нгока перейти на нашу сторону. Я буду счастлив иметь еще одного сотрудника, — сказал Ню, прощаясь с Луаном.

В управлении полиции Луана встретил незнакомый майор. Это был довольно мрачный низкорослый тип с бегающими, красными, как у кролика, глазами, приплюснутым носом, с лицом, заросшим густой черной щетиной.

Тхать, хорошо знавший майора, незаметно шепнул Луану, что совсем недавно майор служил в отряде коммандос, на его совести немало замученных людей.

— Подполковник занят, поэтому не смог выйти встретить вас. Он просил передать свои извинения. Прошу вас в комнату для свиданий, заключенных там сейчас нет. Располагайтесь поудобнее, — сказал майор. Он растворил дверь, жестом приглашая пройти в комнату для свиданий. В комнате был народ. Луан увидел и Нгока. После их последней встречи Нгок значительно похудел. Он поднялся со стула и крепко обнял друга.

— Луан! — только и смог сказать Нгок. Оба заплакали.

— Садись, — попросил Луан, а сам внимательно стал разглядывать комнату, заставленную множеством плотно затворенных шкафов. Глазами он на всякий случай дал понять Нгоку, что о делах говорить здесь нельзя. Тот понимающе кивнул. Оба точно знали, что в комнате включена звукозаписывающая аппаратура, вмонтированная в шкафы.

— Я получил разрешение у господина советника встретиться с тобой!

— Спасибо. Я знал, что ты обязательно придешь.

— Как твоё самочувствие?

— Не беспокойся! Меня не пытаются. Да и зачем меня пытаться? Они и так хорошо знают, чем я занимался.

Луан смотрел на Нгока, а сам думал, как спасти его — товарища, соратника, друга.

— У нас мало времени. Тебе мой дружеский совет: ты должен все тщательно продумать, — тихо сказал Луан.

— Спасибо тебе еще раз. Мы всегда были друзьями, хотя я просто удивлен, как ты можешь быть таким националистом. По-дружески мне просто очень жаль тебя. Несколько дней подряд уж не националисты ли стреляли друг в друга? — Нгок говорил очень четко, отделяя слово от слова.

— В эти грустные минуты я не хочу снова дискутировать с тобой. Только хочу спросить, что я могу сделать, чтобы помочь тебе.

Нгок отрицательно покачал головой:

— У тебя нет никаких прав! — Нгок снова сделал знак Луану. — А у меня нет права ни о чем тебя просить.

Луан настаивал:

— Я не могу приказать освободить тебя. Однако я могу просить господина советника Нго Динь Нью...

Нгок махнул рукой:

— Зачем? Бесплезно!

— Я сделаю все, чтобы спасти тебя.

— Не делай этого... Что бы ты ни делал, ты опозоришь меня. Я не могу стать предателем. Ты веришь в национализм и действуешь в соответствии с убеждениями. Я не верю в национализм. Я не могу симулировать веру в чуждые мне убеждения. Между мной и такими людьми, как Нго Динь Зьем, целая пропасть. Я не одобряю действий религиозных организаций, открывших стрельбу, Я ненавижу семейство Нго Динь Зьема еще и за то, что оно загнало в тупик эти религиозные организации. Я постарался вывести в лес тех людей из Биньсюен, руки которых не обгажены кровью и совесть которых чиста. Не знаю, какова их судьба сегодня. Все зависит от Нго Динь Зьема и его брата.

Что касается тебя, — продолжал Нгок, — то тебе они симпатизируют. Они считают тебя порядочным человеком, хотя и осуждают за сотрудничество с Нго Динь Зьемом. Я должен тебе сказать это, чтобы ты встретился с людьми из леса, когда убедишься, что так называемый национализм не имеет никакого отношения к семейству Нго Динь Зьема. Там, в лесу, люди не разучились отличать истину от лжи.

Луан зарыдал.

— Хватит, иди. Похоже, мы встречаемся с тобой в последний раз. Да, и твоя девушка... — Нгок хлопнул себя по лбу, — забыл, как ее зовут.

— Зунг, — вымолвил Луан сквозь слезы.

— Да, да, Зунг. Она здорова?

— Спасибо.

— Жаль, что я не смогу присутствовать на вашей свадьбе.

Луан вывел Нгока из комнаты для свиданий. Майор, увидев их, встал. Луан затворил дверь, крепко обнял Нгока. Наконец-то они смогли оторваться от магнитофонов.

— Ты не думаешь сделать вид, что сдался? — спросил Луан Нгока, нагнувшись прямо к его уху.

— Нет. Опасно. Они мне не доверяют и распускают слухи, что я предатель. А это в нынешней сложной обстановке крайне вредно для партии и революционного движения.

— Что передать на волю?

— Доложи товарищам, что допустил ошибку, не сумел соблюсти конспирацию. Ты молодец, тебе удалось зацепиться за семейство Нго Динь Зьема, держись... Запомни, Бай Мон — наш человек. Все. Прощай.

К ним направился майор.

— То, что ты посетил меня, — это хорошо рассчитанный ход, — успел добавить Нгок, — по надо уметь вовремя остановиться. Советник — исключительно хитрый и коварный человек. Ты должен быть предельно осторожен с ним. Не забудь, что ЦРУ тоже работает...

— Большое тебе спасибо... — сказал растроганный до слез Луан. — Даже твоя смерть — для меня источник силы.

Они попрощались. Майор дал сигнал — двое полицейских увели Нгока в камеру. Луан вышел из тюрьмы пошатываясь.

Вся запись беседы между Нгоком и Луаном в комнате для свиданий была доставлена в канцелярию Нго Динь Нью. Прослушав ее, он несколько минут сидел молча. Его лицо выражало то отчаяние, то радость, то желание еще раз все перепроверить. Как раз в это время вошел Луан. Нью знал о его горе.

— Ты не расстраивайся, — сказал Нго Динь Нью. — Кофе будешь пить?

Луан не ответил.

— Как там, в тюрьме? — спросил Нью.

— О Нгоке мне нечего сказать. Он никогда не изменит своих убеждений... Я только предполагал, что он, может быть, подумает обо мне...

— Я прямо сегодня отпущу Нгока, если он пообещает, что прекратит участвовать в коммунистической деятельности. Я не требую, чтобы он сотрудничал с нами, а только прошу его не причинять нам никакого вреда... Ты прекрасно знаешь: все мои подчиненные не поймут меня, если я выпущу его, не взяв хоть какого-нибудь обещания. Ты должен вернуться в управление полиции и еще раз с ним поговорить.

— Спасибо! — Луан встал.

— Так ты пойдешь в полицию? — спросил Нго Динь Нью, с нетерпением ожидая ответа.

— Нет! Я очень устал, позвольте я поеду домой? Нью как потерянный посмотрел вслед Луану. Тот спустился по лестнице, вышел во двор. А Нью подошел к окну и проследил за тем, как тот идет к машине. Он ждал, что Луан вернется. Однако этого не произошло. Луан сел в машину, через задние ворота выехал на улицу.

Нью, окунувшись в раздумья, опустился на кушетку. Неужели Луан действительно такой человек? Или он просто искусный игрок? Но так играть почти невозможно.

В этом году сезон дождей начался раньше, чем обычно. Вода залила все улицы города и предместий. В такую погоду боевые действия — занятие невеселое. Остатки армий

Биньсюен ушли из города. Время от времени они постреливали в ожидании, когда погода позволит уйти еще дальше — в Сухой лес.

Генерал Чинь Минь Тхе был недоволен ни дождем, ни сектой Биньсюен. Ему бы сейчас разрывы снарядов, шумные баталии. Только при таких обстоятельствах мог расти его авторитет. Он проклинал дождь, потому что кто же из населения пойдет в дождь на парад?! Он очень хотел, чтобы установилась хорошая погода. Для парада все готово: триумфальные арки, флаги, транспаранты, вооруженные отряды армии-победительницы, идущие стройными колоннами. Ну что еще нужно для генерала!

Биньсюен более не оказывал вооруженного сопротивления. С моста генерал глядел на стройные ряды деревьев и в душе призывал Бай Виена: «Ну, ударь еще хоть разок!»

Ладно, помечтал! Надо ехать. По улице растянулась длинная колонна машин. И вдруг небо неожиданно прояснилось. Стало так хорошо! Чинь Минь Тхе поправил фуражку, привел в порядок форму. Генерал стоял в открытом джипе. Колонна машин проходила через установленные в городе арки.

На тротуарах толпились молодые девушки. Они были заранее прекрасно проинструктированы, поэтому, изображая неподдельный восторг, бросали букеты свежих цветов в машину Чинь Минь Тхе. В ответ он приветственно махал рукой.

Еще немного, и колонна машин проедет Новый мост, пройдет по улице Нгуен Хюэ, продефилирует у городской мэрии, дворца Независимости, у собора Сайгонской богоматери и завершит шествие в одном из районов недалеко от центра. Есть чему радоваться. Размечтавшись, генерал уже видит еще одну звезду на погонах своего кителя. Воздушные замки юности позади. Так почему же не помечтать хотя бы о звездах на погонах? Все-таки очень важно точно знать, чего желаешь!..

Машина генерала выехала на мост Лангто, пожалуй, самое красивое место на всем пути следования колонны. Лозунги радовали сердце: «Приветствуем героя-победителя Чинь Минь Тхе!» Машина остановилась, чтобы генерал мог, принять цветы. Чинь Минь Тхе захотел сфотографироваться с мужчиной, стоящим прямо под транспарантом. Здесь же столпилось огромное количество журналистов. Они не переставали щелкать затворами фотоаппаратов. Среди них генерал узнал красивую женщину — журналистку, улыбнулся ей.

Вдруг раздалась стрельба. Тхе не слышал ее. Но все вокруг слышали.

Генерал рухнул как подкошенный. Пуля попала прямо в висок. Фуражка с двумя звездами покатилась по мосту. Публика переполошилась. И только женщина-корреспондент оставалась спокойной. Она сфотографировала генерала в последние минуты его жизни. Это будут удивительные, редкие снимки!..

Советник Нью нетерпеливо ждал телефонного звонка. Радиостанции сообщали о каждом шаге армии-победительницы по городу. Радиокомментаторы не скупались на красивые слова. Советник Нью понимал, что генералу Тхе осталось ехать совсем немного. Нью посмотрел на часы, и вдруг у радиокомментатора изменился голос:

— Уважаемые радиослушатели! Остатки подразделений Биньсюен только что совершили обстрел. Их пуля сразила нашего героя генерал-майора Чинь Минь Тхе. Он пал смертью храбрых прямо на мосту Лангто.

Зазвонил телефон.

— Алло! Да, я слушаю. Да, я уже знаю!

Ню положил трубку. Дверь распахнулась — в комнату поспешно вбежал Нго Динь Зьем:

— Ты слышал? Генерал Тхе умер!

— Да, я только что узнал об этом. Нго Динь Зьем застыл как вкопанный.

— Нелепость! Я всегда считал его мальчишкой... Биньсюен — действительно чудовищная организация.

Когда Нго Динь Зьем удалился к себе, Ле Суан достала из холодильника бутылку шампанского. Она с шумом ее открыла, наполнила два бокала, один поднесла Ню:

— Поздравляю!

Супруги осушили бокалы до дна.

4 мая печать широко освещала церемонию похорон генерала Тхе. Официальная панихида проводилась в городской мэрии. Проститься с покойным пришел премьер-министр Нго Динь Зьем. Увидев прах генерала, он потерял сознание. Речь Нго Динь Зьема на траурном митинге была пронизана неподдельной скорбью. Тхе посмертно был произведен в генерал-полковники.

В тот же день печать поместила еще одно короткое сообщение. На каучуковых плантациях найден мужчина в возрасте сорока лет, с седыми висками, с проломленным черепом.

* * *

Луан держал газету с портретом Нгока в траурной рамке и плакал. Зунг не трогала его. Она понимала, что для Луана смерть друга — это самая большая потеря с того времени, как он получил задание в тылу врага.

Именно в эти скорбные минуты в дверь позвонили.

— Прошу извинения, я, наверное, не вовремя... — На пороге дома стояла Фанфани. — Я не думала, что вы находитесь в близких отношениях с генералом Чинь Минь Тхе! — отреагировала она на заплаканный вид Луана.

Луан жестом пригласил Фанфани пройти в гостиную, сесть, а сам пошел освежить лицо.

Зунг уже была готова обидеться, но сдержалась. Она еще не виделась с журналисткой, но знала о ней по рассказам Луана и догадалась, что это Фанфани. Зунг полагала, что американской журналистке не следует углубляться в душевные переживания Луана. Непонятно почему, но присутствие здесь Фанфани ей было неприятно. Она не могла объяснить себе, в чем дело.

— Я Элен Фанфани, корреспондентка газеты «Файнэншл аферз», — представилась Элен. Ей не терпелось узнать, кто перед ней.

— Я Зунг, — резко сказала девушка.

Фанфани в течение нескольких минут внимательно разглядывала ее, а затем сквозь зубы процедила:

— А вы очень красивы!

Зунг заставила себя улыбнуться. В это время в гостиной появился Луан.

— Зунг — моя подруга... Фанфани — журналистка. Я, кажется, как-то тебе говорил, Зунг, о ней.

— Я пришла к вам без предупреждения, господин агроном, прошу извинения. — Фанфани приняла серьезный вид. — Цель моего визита — расспросить вас обо всем, что связано со смертью генерала Чинь Минь Тхе. Вы понимаете, если с помощью вопросов я не смогу проникнуть в ваше сердце, мне не удастся передать читателям газеты все тончайшие нюансы столь острой информации...

С гордостью хочу сообщить вам, господин Луан, что я видела последние минуты генерала. Я находилась не более чем в пяти метрах от него, когда жестокая пуля пробила голову генерала. У меня есть две исключительно ценные фотографии. Генерал Тхе улыбается и генерал Тхе падает, сраженный пулей. Я могу оставить эти фотографии вам на память.

— Можете задавать вопросы, — предложил Луан, ни слова не сказав о фотографиях.

— Прежде всего, могу я или нет сообщить американской общественности о том, что я встретила вас в минуту, когда вы оплакивали погибшего генерала? Заранее я не планировала такого вопроса, но это очень характерно и важно.

— Я не такая важная персона, чтобы американская общественность знала о моих слезах. Думаю, будет правильнее написать о слезах Нго Динь Зьема при прощании с покойным. Я не хочу, чтобы мои слезы вызвали смех у американских читателей.

— Ну что вы, совсем напротив! — воскликнула Фанфани. — Честно говоря, именно премьер-министр Нго Динь Зьем своими заранее рассчитанными слезами вызвал самые противоречивые дискуссии среди журналистов, в том числе и вьетнамских. Все это, говорят, было похоже на плохо поставленную пьесу. Что касается вас, то я могу сообщить американской общественности, что есть люди, которые искренне сожалеют о случившемся. Конечно, найдутся и такие, кто спросит, почему газета уделяет такое внимание вашим слезам. Ведь если имеющаяся у меня информация верна, то вы и генерал Тхе не состояли в личных отношениях.

— Я думаю, что журналисты потеряли совесть, если они не верят даже чувствам премьер-министра Нго Динь Зьема.

— Печать имеет право на свои выводы. Прошу извинения, давайте вернемся к моим вопросам.

— Я виделся с генералом Тхе всего несколько раз, и только по делам службы.

— Так! Именно это и требовалось выяснить. — Фанфани раскрыла блокнот.

— Для меня господин Тхе — талантливый военный.

— Может быть! — прервала журналистка Луана. — Уважать талант — это традиция Востока. Правда ли, что, когда Тхе был жив, вы его не хвалили, а стали хвалить лишь тогда, когда он ушел из этого мира?..

Зунг даже передернуло. Журналистка подозревает, что Луан причастен к смерти Тхе! Луан сохранял спокойствие. Он только слегка усмехнулся.

— Я всегда хвалил Тхе, и когда он был жив, и когда умер...

— Допустим, так! Но если вы уважали только военный талант господина Тхе, то почему вы плакали?

— А по вашему мнению, почему я такой грустный? — в свою очередь спросил Луан у журналистки.

Она задумалась, потом медленно произнесла:

— Личное переживание трагической смерти вывело вас из равновесия.

— И боязнь за собственную судьбу! Верно?! — с нажимом вернул Луан.

«Он лучше, чем я, смог парировать вопрос», — подумала Зунг.

Фанфани пришла в замешательство. Луан громко засмеялся и добавил:

— Журналисты всегда смотрят в корень.

— Я не верю в вашу сентиментальность, — продолжала сопротивляться Фанфани.

— Если вы захотели встретиться со мной с целью узнать причину смерти генерала Тхе, а я думаю, вы не верите в версию, что агент Биньсюен одним выстрелом уложил наповал генерала, то у меня есть адрес, где могут удовлетворить ваше журналистское любопытство: вам следует встретиться с генералом Лэнсдейлом!

— Я не верю, что ЦРУ причастно к этой истории, — Фанфани запрокинула голову в знак отрицания.

— А вы знаете, из какого оружия был убит генерал?

— Я хотела подойти к его телу, но полиция оттеснила меня. Я отчетливо видела, что он сражен пулей, но, разумеется, не могла знать, какой системы оружие, — с сожалением сказала Фанфани.

— Это была автоматическая винтовка «ремингтон» с глушителем. Такая винтовка изготавливается исключительно по специальному заказу, из нее можно убить на расстоянии до восьмисот метров.

— Ого! — громко вскрикнула Фанфани и схватила Луана за руку. — Вы сообщили мне очень ценные данные. Между триумфальными арками на мосту и смертью генерала тоже есть какая-то связь. Триумфальная арка — это своеобразная баррикада. И девушки,

которые собрались, чтобы вручить генералу цветы, были вынуждены столпиться около арки.

— Ну вот, а вы еще выбрали профессию разведчика! — хитро заметил Луан. — Как бы то ни было, генерал Лэнсдейл по достоинству оценит ваши рассуждения.

— Как, вы думаете, будет дальше складываться обстановка?

Луан пожал плечами:

— Я не астролог, не предсказатель судьбы.

— А каким вам представляется собственное будущее?

Услышав такой вопрос Фанфани, Луан искренне рассмеялся. Она явно хотела прощупать прочность позиций Луана после того, как разрешился конфликт между Нго Динь Зьемом и религиозными группировками.

Луан положил руку на плечо Зунг:

— Вот мое будущее!

Зунг покраснела от смущения, сняла с плеча руку Луана.

Фанфани понизила голос:

— Последний вопрос был задан сугубо эмоционально... Я желаю вам обоим счастья.

16

В двух точках самого центра города сопротивление солдат Биньсюен продолжалось до 10 мая. В районе Катина сдалось около ста штурмовиков. Что касается ресторана «Теофил», то правительственным частям досталось лишь пустое здание. Все солдаты Биньсюен и оружие куда-то исчезли.

В Сухом лесу стрельба прекратилась только к концу октября. Здесь правительственные войска были вынуждены провести настоящую военную операцию, которой руководили полковник Зыонг Ван Минь и подполковник Нгуен Кхань. Из информационного бюллетеня, выпускаемого в эти месяцы министерством информации, трудно было извлечь заслуживающие внимания сведения. А подлинный смысл событий лета этого года состоял в следующем. Тысячи солдат организации Биньсюен не захотели уезжать во Францию, чтобы вести там жизнь изгнанников. Они не были намерены сдаваться правительству и перебрались из города в лес. Под командованием Бай Мона, в прошлом начальника штаба Биньсюен, вооруженные силы Биньсюен создали новую организационную структуру и развернули боевые действия в труднодоступных джунглях к востоку от города.

Но это все произошло уже позже, в летние месяцы. А в мае обстановка была другой. Пять дней Луан не встречался с Нго Динь Нью. Советник дважды приглашал его к себе. Дважды Луан ссылался на болезнь. Нью знал, что Луан тяжело переживает смерть Нгока.

— Ну что ж, наверное, хватит демонстрировать свое отношение к Нью, — сказал Луан во время завтрака Зунг. По заведенному порядку каждое утро они завтракали вместе на

квартире Луана или в семье его невесты. — Сегодня я должен встретиться с ним, — добавил он.

Зунг все больше восхищалась своим другом. Сначала, когда с Нгоком стряслась беда, она очень волновалась, переживала за Луана. Но затем, увидев, как точно рассчитывает он каждый свой шаг, успокоилась. Зунг упорно училась у Луана умению самостоятельно анализировать обстановку. Там, где обстоятельства не требовали «подстраиваться» под замыслы противника, Луан жил и думал согласно собственным взглядам, чувствам, соображениям. Таким образом он максимально сбрасывал напряжение, собирал силы к новым испытаниям. Луан был вынужден остро прореагировать на смерть Нгока. Если бы он поступил иначе, это грозило бы для него большой опасностью. Он просто выдал бы себя перед Нго Динь Нью.

Луан регулярно посещал церковь. Старался не реже, чем советник Нью, но и не чаще. Церкви он отдавал ровно столько, сколько «требовалось от интеллигентного человека». Своим собеседникам он объяснял, что посещение церкви для него скорее культурная потребность, чем религиозное чувство. В эти дни его можно было видеть в церкви чаще, чем обычно.

Еще никогда Луан не излагал Зунг в систематическом виде принципы ведения стратегической разведки в тылу врага. Но, ведя практическую деятельность, она сама быстро постигала опыт стратегической разведки.

Согласившись работать в паре с Луаном, Зунг сначала только во имя дела не считала для себя возможным «выйти из игры», поскольку речь шла о судьбе важнейшей операции, разработанной руководством. В разработке плана принимал участие и ее родной дядя. Она понимала, сколько придется затратить невероятного труда, чтобы осуществить ее замену. Поэтому она, хоть ей это было не по душе, продолжала играть роль «семьи» с человеком, ей незнакомым. Сама себя она часто уговаривала: это всего лишь игра, чего бояться?

В первое время после знакомства она была равнодушна к Луану. Ей не нравилось его имя — Робер. Сама себя она предупредила: держаться с ним уважительно. Но через несколько дней, когда они уже подолгу стали оставаться наедине, она увидела, что он демонстрирует совершенно непохожие качества, когда находится в кругу врагов и когда остается наедине с ней. За свою жизнь он привык к честной, открытой манере поведения. Поэтому, едва появилась Зунг, он сразу почувствовал в ней духовную опору. Зунг хорошо узнала его вкусы и привычки. Ей нравилось, что во всем он любит простоту. Он не выпивал. Сигареты курил легкие, недорогие. На обед очень любил овощи и рыбу. Дома он всегда держался исключительно тактично, сохраняя дистанцию в отношениях. Было видно, что он доволен Зунг как сотрудником, как товарищем.

Однажды Зунг решила поговорить с Луаном об отношениях между ними. Она стала опасаться за свое будущее. Надо было все обговорить друг с другом, чтобы держаться согласованной линии поведения. Пусть Луан смотрит на нее как на свою младшую сестру. Но заговорить с ним об этом она не решалась. Даже самой себе не могла объяснить, почему так долго не осмеливается начать этот разговор. И вдруг из какого-то тайника ее души раздался странный голос: «Причина твоей нерешительности в тебе самой». И она все поняла.

В тот день когда штурмовики арестовали ее в полицейском участке, первый человек, которого она вспомнила в минуту опасности, был именно Луан. В те страшные мгновения она решила представиться полковнику Лай Ван Шангу женою Луана. Конечно, это была

игра, но Зунг несколько не удивилась, когда впервые, помимо собственной воли, сама сказала о себе: «жена». Вырвавшись из лап штурмовиков, Зунг увидела Луана на углу улицы. Он стоял рядом с автомобилем и жадно разыскивал ее глазами. Луан увидел Зунг первым, когда она еще была на расстоянии метров ста от него. Он замахал рукой и быстрыми шагами двинулся ей навстречу. Оказавшись рядом с Луаном, она вдруг крепко прильнула к нему всем своим хрупким телом. Он прижал ее голову к своей груди. Она счастливо зарыдала.

Когда они сели в машину, Лук сказал, обращаясь к Зунг:

— Господин агроном все это время был сам не свой. Когда вы были еще совсем далеко, он закричал мне: «Вот она, Зунг!»

В душе девушки поднялось теплое счастливое чувство, какого она еще никогда не испытывала. Зунг посмотрела на совсем седую голову Луана. Она знала, что в эти дни много седины появилось у него из-за нее.

За сравнительно короткое время Зунг заметила, что Луан стал как-то по-особому смотреть на нее. Она полагала, что обнаружила у него влечение к ней, и не заметила, что точно такое же чувство сама испытывает к нему. Иногда она со страхом ловила себя на мысли: а вдруг по какой-либо причине они больше не смогут работать вместе!

— Я очень опасалась, что ты не выдержишь всего происшедшего, — тихо сказала она Луану.

— Они убили Нгока отчасти с целью запугать меня. Нгок даже перед самой смертью вел себя благороднейшим образом по отношению к своим коллегам. Я знаю, как отомстить за него, за тысячи, десятки тысяч товарищей, соотечественников, отомстить в самом чистом и высоком смысле слова.

* * *

— Ресторан «Геофил» оказался пуст. Подземного хода в нем нет. По крыше дома выбраться невозможно. Кругом полно солдат. Странно! — сказал советник Нью, протянув Луану руку для приветствия.

Луан подумал, что сейчас не время заводить разговор о Нгоке, но эту тему поднял сам Нго Динь Нью:

— Что касается убийства Нгока, то я должен сказать тебе все, чтобы вопрос был предельно ясен. А по существу он ясен. Господин Дан приказа о его убийстве не отдавал. Нгока самовольно убил охранявший его майор. Я приказал передать майора в органы безопасности для расследования обстоятельств убийства. Он из сепаратистов. Не буду скрывать от тебя решение суда. Но я хотел организовать судебное дело над Нгоком за связи с сектой Биньсюен.

— Но дело с рестораном «Геофил» ставит перед нами законный вопрос, — Луан сделал вид, что поверил словам Нью. — Наверняка штурмовики проследовали по улице Лирей. А оттуда самыми разными путями можно выбраться из города. Интересно, какая воинская часть охраняла этот сектор города?

— Я уже проверил. Подразделение парашютистов, которыми командует Као Ван Вьен.

Луан задумался.

— Ты что, видишь здесь связь с более высокими кругами? — спросил его Нго Динь Нью.

— А что за человек Као Ван Вьен? — в свою очередь продолжал спрашивать Луан.

— По анкете, он родился в Лаосе. Мать и отец — вьетнамцы. Но во внешнем облике у него много от француза. Каких-либо достоверных сведений о его связях с Биньсюен не имеется.

— А кто находится под началом Као Ван Вьена?

— Это сложный вопрос. Сейчас им занимается доктор Туен. Я подозреваю... — Нью заколебался и не довел свою мысль до конца.

— Вы подозреваете, что эту операцию провел Нгок?

Нью кивнул в знак согласия. У Луана тоже сложилось впечатление, что именно Нгок разработал план выхода отряда штурмовиков из ресторана «Теофил». И похоже, они вышли не через улицу Лирей, а через мост, пересекли реку и оказались за городом.

— Просто удивительно! Мне неясно, как действовал Нгок. Если даже именно он организовал эту операцию, то остается непонятным, почему парашютисты дали возможность нескольким сотням человек с оружием в руках уйти из ресторана «Теофил», Гвоздь вопроса в этом!

Нью не переставая курил.

— Я прикажу проверить всех парашютистов! И еще один вопрос. Эта статья Фанфани о смерти генерала Чинь Минь Тхе... Журналистка намеками подводит читателя к сомнительной мысли о том, что генерал Тхе погиб не от руки членов организации Биньсюен. Она также сообщает, что встречалась с тобой и во время встречи ты плакал. Я еще не давал команды опубликовать эту статью. Но вопрос необходимо решить очень быстро, чтобы Фанфани не начала шуметь. ЮПИ, АП, АФП, Рейтер²⁴ так и рвутся поднять крик вокруг вопроса о «свободе печати». Ты встречался с Фанфани? Ты действительно плакал, когда узнал о смерти генерала Тхе?

— Да, плакал, — ответил Луан.

Нью грустно улыбнулся.

— Но я оплакивал не Чинь Минь Тхе. О нем я не стал бы так сокрушаться. Я плакал по другой причине. Она неправильно поняла мои слезы.

— Конечно! — Нью перестал улыбаться. — Я понимаю, почему ты плакал. Ну, ладно, я только прошу тебя, сделай так, чтобы статья не попала в газету. Если Фанфани все же решит ее послать в редакцию, то пусть внесет в текст соответствующие поправки.

— Я попытаюсь о ней поговорить. Но надежды мало.

Луан стал прощаться с советником.

— Американское правительство только что объявило о направлении во Вьетнам профессионального дипломата Фредерика Рейнардта вместо генерала Коллинза. Франция направляет к нам Анри Хоппенота на замену генерала Эли... На сцену вместо военных выходят гражданские лица! — сказал Нью, провожая Луана до двери.

* * *

10 мая правительство Нго Динь Зьема «слегка реорганизовали» — акт во многом формальный, поскольку немало министров уже ушли в отставку и вместо них назначили новых людей. Тем не менее с политической точки зрения этот формальный акт был очень важен. Дело в том, что в списке состава правительства, подписанном премьер-министром, в отличие от обычной практики не значилось: «В соответствии с указом главы государства».

Вслед за этим Нгуен Ван Ви отстранили от должности главного инспектора армии и лишили звания генерал-майора. Он вместе с другими высшими офицерами, в том числе Ле Ван Виеном, Лай Ван Шангом и группой советников секции Биньсюен, был заочно осужден, Гвардию распустили.

17

Телефонный звонок Тиеу Фунг вывел Луана из равновесия. Она сообщила, что завтра покидает Сайгон. После того как посетит своих родственников, проживающих в Гонконге, наверное, поселится в Пномпене. Недавно с ней встречался Ли Кай и предложил сотрудничать. Но она отказалась.

— У меня много такого, что вам будет интересно узнать, — сказала девушка Луану и предложила встретиться у нее дома в девять часов вечера. — Прошу вас, господин агроном, не отказывайтесь от моего первого и последнего приглашения, — добавила девушка, прежде чем повесить трубку.

«Идти или нет? — вертелось в голове Луана. — Вдруг это западня? А может быть, Тиеу Фунг действительно нуждается во встрече?» Он решил посоветоваться с Зунг.

— Тебе не следует туда идти, — решительно сказала она. — Ты не подумай, что у меня какие-то недобрые мысли относительно твоих личных отношений с ней, нет. Когда ты разговаривал с ней по телефону, мне стало искренне жаль ее. Она, думается, действительно в исключительно трудном положении. И все равно тебе нельзя с ней встречаться. Твоя работа не позволяет тебе подвергать себя бессмысленному риску. Я уверена, что у самой Тиеу Фунг нет никакого злого умысла в отношении тебя. Ну а если ее телефонный звонок к тебе прослушивался, тогда как?

Луан согласился с доводами Зунг, но все равно хотел как-то помочь девушке. Поэтому, посоветовавшись с Зунг, он направил своего охранника Тхатя по указанному Тиеу Фунг адресу к назначенному ею времени.

Зунг не ошиблась. Военная разведка записала на магнитофон беседу Тиеу Фунг с Луаном.

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Только что при таинственных обстоятельствах совершено варварское преступление, жертвами которого стали три человека. Убит молодой человек красивой внешности по имени Фонг и молодая женщина по имени Тиеу Фунг, в прошлом — член военной

организации Биньсюен. Тяжело ранен младший лейтенант национальной полиции по имени Тхать. Ему нанесен по голове удар тяжелым предметом. Молодого человека зарезали. Девушку задушили. Их обнаженные тела накрыты простыней... Компетентные органы ведут поиск преступника.

Как только в печати появилось это сообщение, в одном из маленьких сайгонских ресторанчиков произошла сцена, которая здесь воспроизводится со стенографической точностью:

Зыонг Тай Хынг: Почему убит Фонг?

Ли Кай: По моему приказу он назначил Тиеу Фунг свидание... Но на следующий день, как выяснилось, она должна была улететь в Гонконг рейсом «Эр Франс». Взять у нее списки агентов организации Биньсюен надо было во что бы то ни стало до ее отлета. Мне она их не отдала, хотя я пообещал ей, по вашему совету, огромную сумму денег. Этот малый, Фонг, которому я приказал завязать с ней любовную связь, сказал мне, что списки надо взять у нее не при помощи денег. Он пригласил Тиеу Фунг в театр, затем проводил ее до дома, был у нее в гостях... Там он ее целовал... обнимал. Но в тот вечер пойти дальше поцелуев она отказалась. Встретившись со мной, Фонг сказал, что она набивает себе цену... и что в следующую встречу он своего добьется... Но вот, как вы знаете, оба оказались мертвыми.

Зыонг Тай Хынг: Кто их убил?

Ли Кай: Трудно даже предположить.

Зыонг Тай Хынг: Почему у нее в доме оказался младший лейтенант Тхать?

Ли Кай: Это подсадная утка! Тхать работал в полиции. Невеста агронома Луана работает в том же управлении полиции. Тиеу Фунг очень любила агронома. Она сама мне об этом много раз говорила...

Зыонг Тай Хынг: Так ты хочешь сказать, что агроном Луан — убийца?

Ли Кай: Нет! Без сомнения, он как-то связан с этим делом. Но то, что он не убийца, я уверен. Он работает в другой манере.

* * *

Больница. Тхать пришел в себя. Вот что рассказал он Луану, навестившему его:

— Получив приказ охранять дом Тиеу Фунг, я прибыл на место в восемь тридцать. Как раз в это время у дома остановилась машина «Рено-4». За рулем сидел молодой человек, красивый, крепкого телосложения. На нем была белая короткая рубашка спортивного покроя. Он не спеша поднялся по лестнице. Появление молодого человека меня удивило. Осторожно, чтобы не спугнуть его, я пошел следом. Дверь в квартиру девушки была заперта. Он нажал кнопку звонка. Я спрятался в тень. Слышу, Тиеу Фунг спрашивает: «Господин агроном, это вы?»

Парень не ответил, постучался в дверь. Тиеу Фунг отперла. Он вошел в комнату, дверной замок щелкнул, и вдруг я услышал ее крик: «Уходи немедленно! У меня сейчас будет гость...»

Я вытащил пистолет, подготовившись дать предупредительный выстрел. Но услышал, как парень умоляюще просит девушку: «Я люблю тебя... Не гони меня, ради всего святого!»

Таким образом, этот парень не мог быть убийцей. Я приставил ухо к двери и, услышав какой-то шум, посмотрел в замочную скважину. Девушка отбивалась от парня. Он ее обнимал. Она голая. Он тоже. Я понял, здесь что-то неладно, и решил силой отворить дверь... Но в это мгновение кто-то ударил меня по голове. Помню только, как покатился вниз по лестнице...

* * *

Управление военной разведки. Майор Вонг и майор Хунг сидят за бутылкой виски и ведут разговор.

— Полковник спрашивает, не оставили ли мы с тобой каких-нибудь следов, — сказал майор Хунг. — Я ответил: «Все сделали на уровне». Ты просто лихо пришил парня! А девчонка капризная оказалась. Я решил порезвиться с ней, а она возьми да и укуси меня!

Пришлось ее придушить... Убил, а все-таки жалко. Ты помнишь, что она сказала перед смертью?

— Конечно, помню! Я рылся в ее бельевом шкафу, а она и говорит: «Этот список у меня. Но я отдам его другому!»

Когда майор Хунг услышал эти слова, щетина на его щеках начала топорщиться.

18

— Ты слышал сообщение о боевых действиях на западном фронте? — спросил Нго Динь Нью, обращаясь к Луану.

— Да, знаю... Опять началась стрельба, — безразлично ответил тот.

— Ерунда! Изредка рвутся снаряды. Seriously меня беспокоит только Ба Кут. Это непростой орешек, — продолжал советник.

— Есть еще профранцузски настроенные группы, Наше счастье, правда, что они до сих пор не объединились и не ударили в один момент... Да и от французов больше шума, чем толку, — принялся рассуждать Луан.

— Да, эти группы давно уже грызутся между собой! — радостно воскликнул советник Нью. — Это не страшно. Главное — мне удалось заставить военные формирования Каодай прекратить огонь, помириться с сектой Хоахао, договориться с французами о выдворении из Вьетнама Леона Леруа. Теперь главное — это Биньсюен. С другими разделаться проще.

— Да, но все равно люди еще гибнут! — продолжал свою мысль Луан.

— Как твой гуманизм не довел тебя до церкви, просто странно! — Нго Динь Нью был сегодня в отличном расположении духа. — Приглашаю тебя на обед... Я очень устал, надо немного развеяться... — Тут совершенно неожиданно Нью спросил: — А ты умеешь играть в шахматы?

— Не очень здорово.

— Я тоже. Но все же давай сыграем. Шахматные фигуры из слоновой кости уже стояли на доске. Советник Нью и агроном Луан сели в саду под вековым деревом. Рядом на специальном столике — множество бутылок с соками, водой, спиртными напитками.

Нью предложил Луану играть белыми фигурами.

— Я выиграю, вот увидишь, — сказал он. После первых же ходов оказалось, что играет он слабо. При желании не составляло труда его обыграть, тем не менее как бы случайно Луан сделал несколько «зевков».

— Я ем твоего офицера. А ферзь без офицера очень опасно! — радостно закричал Нью.

Он жаждал быстрой победы и стал продвигать вперед своего ферзя.

— А вы играете очень хорошо, — заметил Луан.

— Кто со мной, у того всегда все хорошо! — с намеком заметил Нью, продвигая ферзя дальше. Он перевел глаза на Луана и внимательно посмотрел на него, чтобы увидеть, как тот реагирует на его слова. Луан улыбнулся. Игра приобретала острый характер. В это время появилась Чан Ле Суан.

— Пора обедать, приглашаю... О, я впервые вижу, что вы играете в шахматы... Ну и кто же побеждает?

— Сдаюсь! — воскликнул Луан.

— Что, силы иссякли? — спросил Нью.

Луан засмеялся, но не ответил. Помолчав какое-то время, он сказал советнику:

— Я благодарен вам за одну фразу во время шахматной партии: «Ферзь без офицера очень опасно!»

Нью и Луан чокнулись бокалами.

* * *

Сегодня воскресенье. Зунг пришла в дом к Луану. Вести с фронта неутешительные. Правительственные войска везде переходят в наступление.

— Скоро и нас возьмут на прицел! — сказал Луан. Зунг тяжело вздохнула. Неожиданно для самой себя она положила руку на руку Луана. Он погладил ее пальцы, нежные, теплые, ухоженные.

— Я сказал «скоро и нас». Это не совсем точно. Речь идет прежде всего обо мне. С тобой пока еще неясно...

Зунг рассердилась на Луана и отдернула руку.

— Да это я так, к слову! Нго Динь Нью еще не нажал на курок, — попытался Луан успокоить девушку. — Пока он нуждается во мне, я буду жить. Конечно, над всем этим стоят американцы. В их руках — судьба Нго Динь Зьема и Нго Динь Нью...

Луану стало не по себе, когда он увидел, что его слова очень расстроили Зунг. «Наверное, надо было сразу отправить ее в Ханой... Не следовало подвергать девушку такой опасности...» — подумал он. Чтобы отвлечь ее внимание от грустной темы, связанной с его жизнью, он задал вопрос совершенно на другую тему:

— У тебя устойчивая связь с А-07?

— Да, все нормально. Передатчик установлен в районе чайных плантаций Блао. Иногда я езжу туда вместе с моей тетушкой...

— Это непорядок! — строго сказал Луан. — Пусть она немедленно прекратит передачи. Противнику не стоит труда высчитать закономерность: как только тетушка появляется в районе Блао, так передатчик начинает работать...

Зунг опустила голову. Ничего не скажешь. Замечание Луана совершенно справедливо.

— Тогда я временно прекращу радиосвязь с А-07 и перейду на почтовую связь... — сказала она.

— На следующей неделе я уезжаю в Далат, — сообщил Луан.

— Зачем?

— Нго Динь Зьем хочет, чтобы я прошел краткосрочные курсы в военной школе, цель — соблюсти все формальности и присвоить мне воинское звание.

— И надолго ты уезжаешь?

— Наверное, месяцев на шесть.

— Так надолго!.. — Зунг захлопала ресницами. Ее большие глаза стали грустными.

Луан засмеялся. Теперь он взял Зунг за руку:

— Через две-три недели я приеду тебя навестить!

— Ты собрал чемодан? — Зунг смущенно отдернула руку.

Луан смотрел, как она собирает ему чемодан. В душе его нарастало беспокойство. Но он весело насвистывал старую забытую песенку о любви.

Зунг поехала на аэродром вместе с Луаном.

— Ну, до встречи, Зунг! — Луан протянул девушке руку.

Она озорно засмеялась:

— Пока мы не будем прощаться. Лечу в Далат вместе с тобой. Разрешение от начальства получила. Я пробуду в Далате две недели... Взяла с собой учебники, Я ведь скоро заканчиваю второй курс...

Луан прямо-таки остолбенел от ее сообщения. В его глазах она прочитала неподдельное счастье.

Самолет, набрав высоту, взял курс на восток. Внизу темной грядой проплывал лес.

— Наши как раз в этом районе, — шепнул Луан на ухо девушке.

Они оба мечтательно провожали взглядом бескрайное зеленое море...

Примечания

1 Французские колонизаторы использовали в Индокитае экспедиционный корпус из набранных в Европе и Северной Африке наемников, а также так называемые вьетнамские батальоны БВН — местные марионеточные вооруженные формирования. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

2 Вид рыбы.

3 Операция «Атлант» проводилась французским командованием в провинции Туйхоа.

4 Зыонг Куок Тинь — один из руководителей подпольной борьбы в Южном Вьетнаме. После победы революции занимал видные руководящие посты в ДРВ.

5 Бюро ЦК — в период войны Сопротивления специально созданный орган ЦК партии, осуществлявший оперативное руководство освободительной борьбой в Южном Вьетнаме.

6 Грейси — командующий английскими войсками.

7 Во Нгуен Зиап — один из руководителей антифранцузского Сопротивления, создатель первых отрядов вьетнамской Народной армии. Был министром обороны, в настоящее время — заместитель Председателя Совета Министров СРВ.

8 Вьетминь — единый патриотический фронт Вьетнама, созданный в мае 1941 г.

9 «Новая Азия» — прояпонская газета, выходившая во Вьетнаме во время японской оккупации.

10 «Домэй Цусин» — официальное информационное агентство милитаристской Японии в годы второй мировой войны.

11 Ле Дык Тхо — один из видных руководителей Коммунистической партии Вьетнама. В течение долгого времени был членом Политбюро, секретарем ЦК КПВ. С декабря 1986 г. — советник ЦК.

12 В соответствии о договоренностью, достигнутой на Женевских переговорах 1954 г., советские суда принимали участие в эвакуации подразделений ВНА и населения из Южного в Северный Вьетнам.

13 По Женевским соглашениям 1954 г. в течение двух лет во Вьетнаме намечалось провести всеобщие выборы.

14 4-я зона — Центральный Вьетнам.

15 Курортное место в Северном Вьетнаме в провинции Тхавьхоа.

16 По вьетнамскому обычаю, детям в семье дают «домашнее», неофициальное имя. Когда ребенок идет в школу, на работу или в армию, он получает официальное имя.

17 Во Вьетнаме и других странах Восточной Азии значительная часть населения исповедует культ предков. В каждой семье, исповедующей этот культ, устанавливается алтарь предков, около которого члены семьи совершают молебны в память «усопших душ» родственников.

- 18 Зя — объемная мера для сыпучих продуктов, равная примерно 40 литрам.
- 19 Бывшие участники Сопротивления, перешедшие на сторону французов.
- 20 Убить, ранить, похитить (*жарг.*).
- 21 Патриотические силы Лаоса.
- 22 Одно из лучших военных училищ во Франции.
- 23 Название французских фирм во Вьетнаме.
- 24 Телеграфные агентства США, Англии, Франции.